

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

22 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (573) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Иванович Привалов* (1938), главный герой и рассказчик в повести «Понедельник начинается в субботу» (1964) Аркадия и Бориса Стругацких. Точнее, Владимир Смирнов в роли Привалова из фильма-спектакля Ленинградского телевидения 1965 года. Телефильм режиссера Александра Белинского был негативно встречен авторами и зрителями и больше в эфире не появлялся.

Александр Иванович Привалов родился в 1938 году. Исследователи вычислили, что действие повести происходит между 1962 и 1963 годом, поэтому возраст протагониста около 23–25 лет. По национальности он русский. Герой живет в Ленинграде и является представителем престижной и редкой в те времена профессии — программистом. Саша — член ВЛКСМ и трудоголик, у которого нет интересов, кроме компьютеров.

Поворот в карьере героя случается, когда ему предлагают возглавить вычислительный центр НИИЧАВО. За зарплату в 120 рублей Привалов начинает руководить лабораторией, которая обеспечивает работу отделов института в вымышленном городе Соловце на Русском Севере. Привалов работает на ЭВМ «Алдан» и параллельно пытается познать азы магии.

Внешность героя типична для научного сотрудника периода 1960-х. Это мужчина в возрасте около 25 лет. Из-за плохого зрения персонаж носит очки. Его образ дополняют серая куртка из Восточной Германии и джинсы, исполосованные «молниями». Во время работы в НИИЧАВО герой отрастил бороду. Более точное представление о внешности Привалова дал график Евгений Мигунов. В самом знаменитом издании 1965 года он изобразил программиста почти точной копией студента Шурика из кинокомедии Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

Александр Привалов — человек науки, проявляющий интерес к исследованиям и всему потустороннему и таинственному. Но при этом он скептически относится к иррациональному и волшебному. Ему свойственны чувство юмора, профессионализм, но он подвержен влиянию окружающих. В НИИЧАВО герой, как и другие молодые специалисты, трудится, не жалея ни времени, ни сил.

Саша вступает в различные отношения с коллегами по НИИЧАВО, в том числе в дружеские, профессиональные и романтические. Роман Петрович Ойра-Ойра обучает героя основам магии. О профессоре и шарлатане от науки Амвросии Амбрузовиче Выбегалло у персонажа сразу складывается нелестное мнение. У профессора есть практикантка — ведьма Стелла, которая Привалову нравится.

Сначала Александр всему удивляется в НИИЧАВО, но постепенно привыкает и на происходящее вокруг реагирует сдержанно. Окружение влияет на характер и взгляды программиста.

Многие герои Стругацких имеют прототипы. Так, прототип профессора Выбегалло — Трофим Лысенко, прототип Януса

Полуэктовича Невструева, директора НИИЧАВО, — директор Пулковской обсерватории Александр Александрович Михайлов; прототип Фёдора Симеоновича Киврина — Иван Антонович Ефремов.

Борис Натанович утверждал, что Привалов — «личность совершенно вымышленная». Однако у исследователей творчества братьев-писателей есть любопытная гипотеза, которая связана с историей создания персонажа. Отец советского геолога Александра Петровича Куклина приходился Стругацким двоюродным братом. О жизни и деятельности ученого известно из книги «По ту сторону ночи» Евгения Устиева. В конце 1950-х Куклина заинтересовали математические методы в геологии. Кроме того, он увлекался сбором информации на перфокарты. Александр выступал за внедрение вычислительных машин, следил за кибернетическими новшествами и применил программу «Кора-3» для классификации одной из колымских территорий. Устиев в книге называет Куклина алданцем.

Повесть Стругацких вместе с произведениями Василия Аксенова и Анатолия Гладилина, а также кинолентами Эльдара Рызанова и Георгия Данелии рисуют образ молодежи той эпохи. Их герои романтизируют научные и творческие искания, презирают быт и готовы трудиться на благо общества, забывая о выходящих.

Таким образом, Саша Привалов — символ советской интеллигенции, типичный представитель шестидесятников. Персонаж и его опыт отражают аспекты жизни и культуры СССР в период хрущевской оттепели. Кроме того, герой является ключевым элементом комического и философского контекста произведения, в котором наука и волшебство пересекаются с элементами сатиры и фантастики.

Изначально Привалов задумывался для повести «Понедельник начинается в субботу», но герой также встречается в произведении «Сказка о Тройке» (1968).

Во второй половине 1960-х Гайдай подумывал снять экранизацию по сценарию Стругацких. Режиссер считал, что на роль Привалова подходит Александр Демьяненко, сыгравший Шурика в «Операции «Ы»...». Но проект свернули на ранних этапах работы. На запрет повлиял и скандал вокруг «Сказки о Тройке».

Телефильм по мотивам «Понедельника...» снял Константин Бромберг. Картина 1982 года получила название «Чародеи» и немного переключается с оригинальной историей. Стругацкие написали сценарий на основе повести, но работа не понравилась режиссеру. Бромберг попросил авторов создать самостоятельное произведение, по которому и был снят фильм «Чародеи».

Но это, как говорится в книге, «совершенно другая история».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Алешина К. М.**
Туристический налог: понятие и перспективы развития..... 309
- Алпатов Г. А.**
Проблемные вопросы квалификации преступления экстремистской направленности 313
- Альхадад Ш. А.**
Оказание юридической помощи как социальная функция государства 315
- Ануфриева Е. Ю.**
Развитие правовых норм об охране общественного порядка и общественной безопасности в истории России 317
- Ануфриева Е. Ю.**
Анализ динамики совершенных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в 2020–2024 гг. 320
- Атажанов Х. К.**
Развитие правовых основ перехода долей в корпоративных структурах в зарубежных странах..... 322
- Балбин А. Н.**
Сервитут в лесных правоотношениях 326
- Балдакова Т. Е.**
Особенности квалификации сделки в качестве крупной..... 329
- Беспавлова Ю. В.**
Сравнительно-правовой анализ конституционных обязанностей в РФ, Индии и Германии..... 332
- Бобкова А. А.**
Проблема понятия предмета договора строительного подряда 336
- Богданова А. Г.**
Актуальные способы использования дебиторской задолженности как средства контроля налоговой оптимизации и распределения имущества организации 338
- Божков В. Д.**
Методы прокурорского реагирования при осуществлении надзора за субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также проблемы, с которыми сталкиваются прокуроры при проведении данного надзора 342
- Бурякова Е. С.**
Способы совершения коммерческого подкупа 348
- Бурякова Е. С.**
Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с коммерческим подкупом 349
- Волков Д. А.**
Особенности нормативно-правовых актов в сфере правового регулирования финансового контроля 351
- Гакал Р. Р.**
Криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений ... 353
- Гвоздева Ю. В.**
Основные проблемы защиты ноу-хау в организации 355
- Голуб И. И.**
Правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации: проблемы и перспективы 358
- Горбатенко А. А.**
Об особенностях проявления молодёжного экстремизма и его предупреждении 360
- Горбачева В. А., Волегова Н. А., Худякова О. А.**
Координирующая роль органов прокуратуры в деятельности по профилактике безнадзорности несовершеннолетних..... 362
- Горбунова О. А.**
Процессуальные действия, проводимые на стадии проверки сообщения о преступлении: правовые, теоретические и организационные основы 364
- Гребнева О. А.**
Защита основ конституционного строя гражданами и их объединениями 366

Григорьева Л. С. Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.....	368
Гриднев Г. И. Международно-правовые основы защиты окружающей среды при недропользовании ...	370
Гусаков А. Е. К понятию о конвенционных преступлениях...	374
Дадонов А. И. Процессуальный порядок проведения обыска как следственного действия	375
Дмитриева Е. В. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда при производстве дознания	378
Дмитриева Л. Ю. Проблемы привлечения дистанционного работника к дисциплинарной ответственности.....	380
Дмитрова Н. В. Техническая документация как один из необходимых элементов предмета договора строительного подряда	383
Доржиева Г. Б. Возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних в Китае	386
Егоров В. А. Особенности очередности удовлетворения требований залоговых кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)	387

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Туристический налог: понятие и перспективы развития

Алешина Ксения Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Сфера туризма является одной из основных составляющих доходной части бюджета любой страны, Российская Федерация не является исключением. В связи с этим определяется необходимость поиска различных механизмов регулирования и оптимизации доходов от туристической деятельности. Одним из нововведений является принятие с 1 января 2025 года нового вида налогообложения — туристического налога. Актуальность темы исследования возрастает в условиях постоянно изменяющихся внешних факторов, в том числе и нормативно-правовой базы страны.

Цель исследования — анализ эффективности принятого инструмента регулирования туристической сферы в Российской Федерации. В статье рассмотрено понятие туристического налога, порядок принятия и уплаты, а также выделены проблемные аспекты реализации рассматриваемого вида налогообложения.

Ключевые слова: *внутренний туризм, налоги и сборы, туристический налог, местные налоги, налоговые доходы государства, гостиничный бизнес.*

Tourist tax: concept and prospects of development

Aleshina Kseniya Maksimovna, student master's degree

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, candidate of political sciences, associate professor

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The tourism sector is one of the main components of the revenue side of the budget of any country, the Russian Federation is no exception. In this regard, it is necessary to search for various mechanisms for regulating and optimizing income from tourism activities. One of the innovations is the adoption of a new type of taxation, the tourist tax, starting from January 1, 2025. The relevance of the research topic increases in the context of constantly changing external factors, including the regulatory framework of the country.

The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the adopted instrument for regulating the tourism sector in the Russian Federation. The article discusses the concept of a tourist tax, the procedure for accepting and paying it, and highlights problematic aspects of the implementation of this type of taxation.

Keywords: *domestic tourism, taxes and fees, tourist tax, local taxes, state tax revenues, hotel business.*

Одним из нововведений 2025 года является внедрение туристического налога на территории Российской Федерации. Для дальнейшего исследования дадим краткую характеристику изучаемому понятию.

Туристический налог регулируется Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ), а именно главой 33.1 «Туристический налог». Глава содержит 9 статей, которые раскрывают общие положения; налогоплательщиков; объекты налогообложения; налоговую базу, ставку и период; порядок исчисления и сроки уплаты налога, а также налоговую декларацию [3].

Туристический налог является местным налогом, устанавливается нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, и взимается с гостиничного бизнеса. По задумке законодателя введение данного вида налогообложения поможет развитию туристической отрасли в муниципальном образовании, т. к. полученные средства планируется направлять на создание, ремонт и реконструкцию туристических объектов и инфраструктуры.

На сегодняшний день туристический налог вводится исключительно по решению органов власти муниципаль-

ного образования. Для этого каждый муниципалитет должен принять соответствующий нормативно-правовой акт местного значения, а в городах федерального значения, таких как Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, принимается региональный закон [1].

Стоит отметить, что перед принятием туристического налога был проведен эксперимент по внедрению курортного сбора (действовал до 31.12.2024 г.) в нескольких регионах России. Экспертным сообществом проводимый эксперимент был признан неудачным. Одной из выделенных причин явились различные дополнительные нагрузки, в том числе и на персонал гостиниц [8].

Основным отличием туристического налога от курортного сбора является плательщик налога. Курортный сбор непосредственно оплачивал турист, а туристический сбор будут взимать непосредственно с отельеров.

В таблице 1 представлены отличия курортного сбора от туристического налога.

Объектом туристического налога является процесс оказания услуг по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в средствах размещения, принадлежащих налогоплательщику на праве собственности или на ином законном основании (например, по договору аренды), расположенных на территории муниципальных образований или городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, федеральной территории «Сириус» и включенных в реестр классифицированных средств размещения [5], предусмотренный Федеральным законом № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10].

В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ) плательщиками налога являются физические лица и организации, которые оказывают услуги, признанные объектами налогообложения [4].

Плательщиками туристического налога являются:

1. Организации (ООО, АО и иные), ИП, самозанятые, предоставляющие места в средствах размещения, включенных в вышеупомянутый реестр.

2. Санатории, включенные в государственный реестр курортного фонда РФ [9, ст. 15.1].

Исключением являются владельцы квартир и апартаментов, которые предоставляют средства размещения на краткосрочный период.

Рассмотрим технологию расчета туристического налога. Стоит отметить, что в соответствии с письмом Минфина от 05.11.2024 № 03-05-08/108773 [6] налог исчисляется на дату полного расчета с постояльцем за гостиничные услуги.

Сумма, которая необходима к уплате рассчитывается по формуле [4]:

Туристический налог = Налоговая база × Ставка налога

Налоговая база определяется как стоимость оказываемой услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в средствах размещения (его части) без учета сумм налога и НДС.

В случае, если исчисленная сумма налога менее суммы минимального налога, сумма налога определяется в размере минимального налога — 100 рублей.

В соответствии с принятым законодательством санатории, оказывающие услуги по санаторно-курортному лечению должны начислять налог в размере минимальной ставки налога, т. е. 100 рублей, вне зависимости от стоимости проживания туриста.

В настоящее время НК РФ [3, п.1, ст. 418.5] определены максимальные налоговые ставки в среднесрочной перспективе (таблица 2). Органы власти муниципальных образований могут устанавливать на своей территории ставки в указанных пределах, при этом они могут отличаться с учетом сезонности и категорий объектов [3, п.2, ст. 418.5].

Таблица 1. Отличия туристического налога от курортного сбора [8]

	Курортный сбор	Туристический налог
<i>Когда могут взиматься</i>	До конца 2024 года	С 1 января 2025 года и далее
<i>В каких регионах могут вводить</i>	В Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае, Крыму, Санкт-Петербурге и на федеральной территории «Сириус» в Сочи	В любых, местные власти сами решают, нужно ли его взимать
<i>Кто платит</i>	Постояльцы	Гостиницы, санатории и другие средства размещения
<i>Ставка</i>	От 30 до 100 ₽ в сутки в зависимости от населенного пункта, не считая дня заселения	В 2025 году — не больше 1% от стоимости номера или койко-места, но минимум 100 ₽. В санаториях — всегда 100 ₽
<i>Что будет, если не платить</i>	Постояльцев и отельеров могут оштрафовать, если это прописано в нормативных актах региона. Например, в Петербурге штраф для туристов — 500—2000 ₽	Штраф от налоговой для объектов размещения — 20% от неуплаченной суммы или 40%, если инспекция докажет умысел

Таблица 2. Максимальные налоговые ставки по годам [2]

Год	Ставка
2025	1%
2026	2%
2027	3%
2028	4%
2029 и далее	5%

Согласно пункту 2 статьи 418.4 НК РФ [3, п.2, ст. 418.4] предусмотрен список лиц, относящихся к льготной категории граждан, с которых при временном проживании туристический налог взиматься не будет. Чтобы в стоимость проживания льготников не включали налог, они должны предъявить документ о своем статусе — например, справку об инвалидности, удостоверение многодетной семьи или ветерана. А администратор обязан сделать копию документа.

В соответствии с Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи к категории льготников относятся [11]:

- Герои СССР или Герои РФ, Герои Труда, а также полные кавалеры ордена Славы;
- участники и инвалиды Великой Отечественной войны;
- лица, принимающие (принимавшие) участие в специальной военной операции, лица, выполняющие (выполнявшие) возложенные на них задачи на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области в период проведения специальной военной операции [3, п.6.1, ст. 210];
- ветераны и инвалиды боевых действий;
- люди с инвалидностью первой и второй групп, инвалиды с детства, дети с инвалидностью;
- и другие льготные категории граждан, определенные федеральным законодательством.

Местные и региональные власти могут расширить перечень льготных категорий граждан по своему усмотрению [3, п.2, ст. 418.4]. Например, в Казани в число льготников добавили несовершеннолетних, в Краснодаре — многодетных, а во Владимире и Суздале — и тех и других. Власти Тулы, Новосибирска и Петрозаводска разрешили не включать в налоговую базу стоимость проживания тех, кто зарегистрирован в соответствующем субъекте РФ. В Светлогорске и Зеленоградске среди льготников есть и чернобыльцы. В Санкт-Петербурге внесли

в список льготников сопровождающих лиц, принимающих (принимавших) участие в СВО, проходящих лечение, обследование или реабилитацию на территории региона.

Законодательством определен срок уплаты туристического налога — не позднее 28-го числа месяца, следующего за кварталом, в котором исчислили налог. Сдавать декларацию надо в налоговую службу необходимо по месту нахождения гостиницы не позднее 25-го числа того же месяца [7]. Если последний день срока уплаты налога выпадает на выходной или нерабочий праздничный день, перечислить налог плательщик обязан в ближайший следующий за ним рабочий день (таблица 3).

Туристический налог перечисляют в составе единого налогового платежа — на КБК 182 1 03 03000 01 1000 110 [4]. Перед уплатой уведомление об исчисленной сумме налога сдавать в налоговую не надо — проверяющие увидят ее в декларации.

Гостиницы и санатории будут включать туристический налог в стоимость проживания и выделять в счете на оплату или другом документе отдельной строкой. А вот в кассовых чеках его указывать не надо. Отели полученный от гостей туристический налог не включают в доходы, а уплаченный в бюджет — в расходы.

Выделим основные достоинства введения туристического налога в Российской Федерации.

Во-первых, это дополнительный источник дохода для местных бюджетов, который непосредственно поможет развитию туристических объектов муниципальных образований, содержание которых требует финансовых затрат, а также восстановлению и сохранению культурного наследия.

Во-вторых, регулирование туристического потока. Законодатель рассчитывает, что внедрение туристического налога может помочь регулировать потоки туристов на особенно популярных направлениях. Предполагается, что данное нововведение поможет снизить нагрузку на инфраструктуру и улучшить качество обслуживания.

Таблица 3. Сроки уплаты и предоставления отчета по туристическому налогу в 2025 году [2]

	Последний день сдачи декларации	Последний день уплаты налога
1-й квартал	25.04.2025	28.04.2025
2-ой квартал	25.07.2025	28.07.2025
3-й квартал	27.10.2025	28.10.2025
4-й квартал	26.01.2026	28.01.2026

В-третьих, повышение осведомленности туристов. Туристический налог может способствовать повышению осведомленности туристов о культурных и природных особенностях региона, а также о его истории и традициях.

Помимо перечисленных достоинств, внедрение туристического налога обладает некоторыми недостатками, среди которых можно выделить следующие:

— неравномерное распределение доходов среди муниципалитетов. Некоторые муниципалитеты могут отказаться от введения туристического налога, таким образом, они не будут иметь дополнительного источника дохода бюджета. Впоследствии даст дополнительную нагрузку на те муниципальные образования, в которых налог не взимается, им придется самостоятельно изыскивать средства для поддержания и реставрации объектов культурной и туристической значимости.

— негативное влияние на туристическую привлекательность муниципальных образований. Введение туристического налога непосредственно повлечет за собой увеличение стоимости проживания туристов, это негативный фактор для тех, кто предпочитает бюджетные путешествия и как следствие может снизиться туристическая привлекательность не только муниципального образования, но и региона в целом.

— сложность в администрировании. Сбор туристического налога может быть сложным и затратным процессом, особенно в регионах с большим количеством туристов. Это может привести к ошибкам в расчётах и недовольству со стороны туристов.

— риск уклонения от уплаты налога. Как и во многих направлениях существует вероятность того, что и ту-

ристы и отельеры могут прибегать к различным нелегальным схемам взаимодействия, которые будут направлены на уклонения от уплаты туристического налога. Такие действия могут привести к снижению доходов бюджетов муниципального образования.

Отметим некоторые города, которые одни из первых приняли решение о введении туристического налога, в том числе и по тому что они являются популярными направлениями среди туристов. В этот список вошли: Санкт-Петербург, Калининград, Краснодар, Сочи, Владивосток и другие. Весь список городов перечислить невозможно. Например, в одном только Алтайском крае более 170 населенных пунктов ввели туристический налог. Стоит отметить об особых условиях взимания туристического налога во Владивостоке, здесь его будут взимать только с 1 июля по 30 сентября.

В некоторых муниципалитетах от налога отказались. Например, в Ярославской области по решению губернатора на территории всего региона туристический налог вводится не будет. Таким образом органы власти хотят оставить туристически привлекательным и доступным для посещения туристов, а также во избежание дополнительной нагрузки на инвесторов. Соответственно во всех муниципальных образованиях региона изучаемый налог вводится не будет.

В заключении стоит отметить, что внедрение туристического налога прежде всего направлен на развитие туристической отрасли Российской Федерации. Однако стоит учитывать вышеперечисленные негативные факторы при принятии нормативно-правовых актов о введении туристического налога в муниципальных образованиях.

Литература:

1. Гарант.ру. Информационно-правовой портал. Налогоплательщикам разъяснили нюансы исчисления туристического налога (дата публикации 10.01.2025). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.garant.ru/news/1779528/> (дата обращения: 12.01.2025г.).
2. КонтурЭкстерн. Туристический налог: кому, когда и сколько платить (дата публикации: 30.10.2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/53148-turisticheskij_nalog_komu_kogda_i_skolko_platit (дата обращения: 12.01.2025г.).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Туристический налог. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/tourist_tax/ (дата обращения: 12.01.2025г.).
5. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 19.11.2024 № 41868-АХ/Д08и «Об использовании единого перечня классифицированных гостиниц, горнолыжных трасс, пляжей». [Электронный ресурс]: Режим доступа. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/15512205/ (дата обращения: 12.01.2025г.).
6. Письмо ФНС России от 12.11.2024 № СД-4-3/12869@ «О направлении письма Минфина России от 05.11.2024 № 03-05-08/108773» (вместе с Письмом Минфина России от 05.11.2024 № 03-05-08/108773). [Электронный ресурс]: Режим доступа. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/15402883/ (дата обращения: 12.01.2025г.).
7. Письмо ФНС России от 22.11.2024 № СД-4-3/13314@ «О порядке представления налоговой декларации по туристическому налогу крупнейшими налогоплательщиками». [Электронный ресурс]: Режим доступа. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/15506647/ (дата обращения: 12.01.2025г.).
8. Т—Ж: журнал про ваши деньги. Что такое туристический налог и кто его будет платить. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://journal.tinkoff.ru/turisticheskij-nalog/> (дата обращения: 12.01.2025г.).

9. Федеральный закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах». 1995 г., № 9, ст. 713.
10. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491.
11. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999 г., № 29, ст. 3699.

Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности

Алпатов Григорий Алексеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В рамках настоящего исследования сформулирована оригинальная концепция разрешения спорных вопросов квалификации преступлений экстремистской направленности. Особое внимание уделено анализу ключевых составов, вызывающих наибольшие дискуссии в правоприменительной практике и научной доктрине. Центральное место в работе занимает рассмотрение публичных призывов к экстремистской деятельности как особой формы противоправного поведения, требующей четкого разграничения со смежными составами.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти, вражды либо унижение человеческого достоинства, проблемы квалификации, квалификация преступлений экстремистской направленности.

Problematic issues of qualification of crimes of extremist orientation

This study presents an original conceptual framework for addressing contentious issues in the legal qualification of extremist crimes. Particular attention is given to analyzing key criminal provisions that generate the most debate in judicial practice and legal doctrine. The research focuses extensively on public appeals for extremist activity as a distinct form of unlawful conduct requiring clear differentiation from related offenses.

Keywords: extremism, crimes of extremist, public calls for the implementation of extremist activities, incitement to hatred, enmity, or humiliation of human dignity, issues of qualification, qualification of crimes of extremist.

Проблема экстремизма действительно остается актуальной в современном мире. Экстремизм может принимать различные формы, включая политический, расовый, религиозный, этнический или идеологический. Он может проявляться как в насилии, так и в формах нетерпимости, дискриминации и радикализации.

Только за 2024 год был зафиксирован колоссальный рост преступлений экстремистской направленности. Так по данным МВД России по итогам 2024 года было зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности, что она 28,3 % больше, чем в 2023 г. [8].

Нельзя не отметить, что большинство обвинительных приговоров вынесено по ст. 280 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Так в 2024 году вынесено 125 такого рода судебных решений. При этом, по ст. 282 УК РФ, предусматривающей ответственность за возбуждение ненависти, вражды либо унижение человеческого достоинства, было вынесено лишь 29 обвинительных приговоров, что в два раза меньше, чем

годом ранее [9]. Причина тому частичная декриминализация указанного деяния путем использования в ее юридико-технической конструкции института административной преюдиции. По прогнозам экспертов по итогам 2023 года ожидается резкий рост обвинительных приговоров по делам об экстремизме, в виду большого количество уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 280 публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности, с использованием информационно — телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» [9].

В современной правоприменительной практике наблюдается значительная неоднозначность в вопросах квалификации преступлений экстремистской направленности. Несмотря на обширную судебную практику по статье 280 УК РФ, правоприменители сталкиваются с серьезными сложностями при интерпретации ключевых элементов состава преступления, в частности, термина «призыв».

В доктрине уголовного права преобладает подход, согласно которому призывы понимаются как публичные обращения, адресованные неопределенно широкому кругу

лиц и направленные на формирование у них намерения совершить действия экстремистского характера. Важно отметить, что такие обращения могут выражаться в различных формах — от прямых побуждений до косвенных указаний на необходимость противоправных действий.

Особый интерес представляет соотношение призывов и подстрекательства. Если лицо целенаправленно склоняет конкретного человека к совершению экстремистского деяния (например, к насильственному захвату власти), такие действия следует квалифицировать как подстрекательство по ст. 278 УК РФ [1, с. 1023]. Таким образом, призыв можно рассматривать как особую форму подстрекательства, характеризующуюся публичностью и направленностью на широкую аудиторию.

В уголовно-правовой науке существует принципиально иной взгляд на природу призывов к экстремизму. Ряд исследователей рассматривают их как разновидность неоконченного подстрекательства, включая в объективную сторону состава преступления в качестве обязательного элемента [2, с. 104; 3, с. 905].

Особую проблему представляет противоречие между дефиницией экстремистской деятельности в Федеральном законе № 114-ФЗ и диспозицией ст. 280 УК РФ. Законодатель в ст. 1 ФЗ-114 определяет экстремизм через «публичные призывы к его осуществлению», тогда как ст. 280 УК РФ криминализует «публичные призывы к экстремистской деятельности». Это создает логическую аберрацию: уголовная норма фактически запрещает «призывы к призывам» [4, с. 27].

Из указанной конструкции следует, что для квалификации по ст. 280 УК РФ достаточно установить сам факт

публичного обращения экстремистской направленности, без необходимости доказывания реализации призываемых действий. Общественная опасность заключается в потенциальной способности таких высказываний спровоцировать противоправную активность.

В отличие от этого, подстрекательство к конкретному экстремистскому преступлению образует самостоятельный состав, предусмотренный соответствующими нормами Особенной части УК РФ.

Правоприменительная практика демонстрирует устойчивые сложности при квалификации деяний, подпадающих под признаки статей 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса. Многочисленные научные исследования [5, с. 70] свидетельствуют о глубоком методологическом расколе в доктринальном понимании данных норм.

Часть правоведов настаивает на исключении указанных составов из уголовного законодательства, аргументируя это избыточностью уголовной репрессии [6, с. 36]. Их оппоненты рассматривают соответствующие нормы как специальные виды приготовления к экстремистской деятельности, подчеркивая превентивную функцию такого законодательного решения [7, с. 13].

Примечательно, что длительный период действия этих норм и их неоднократные законодательные корректировки не привели к формированию единообразной судебной практики. Сохраняющиеся трудности правоприменения указывают на наличие глубинных противоречий в самой конструкции данных составов, что требует комплексного пересмотра как законодательных формулировок, так и доктринальных подходов к их интерпретации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст] = Criminal code of the Russian Federation: комментарии с путеводителем по судебной практике / под редакцией доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева. — Москва: Проспект, 2019. — 1534 с.
2. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). — М.; Саратов: РПА Минюста России, 2009. — С. 143.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред.: А. А. Чекалин; науч. ред.: В. Т. Томин [и др.]. — Москва: Юрайт, 2002. — 1015 с.
4. Бирюков В. В. В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» // Военно-юридический журнал. — 2007. — № 12. — С. 27–28.
5. Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Обзор судебной практики по применению ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации») Уголовного кодекса Российской Федерации // Подготовлен для системы «Консультант-Плюс», 2010; Зубалова О. А. Особенности привлечения к уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) // Общество и право. — 2009. — № 3. — С. 70–74
6. Фридинский С. О. совершенствовании уголовно-правовых мер борьбы с осуществлением экстремистской деятельности // Законность. — 2008. — № 7. — С. 36–38
7. Клименко Ю. А. Организация экстремистского сообщества (ст. 282. 1 УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3
8. В Совбезе заявили о росте числа преступлений экстремистской направленности // <https://ria.ru/20250331/sovbez-2008302576.html?ysclid=mb0m0umgm5119831969> (дата обращения 15.05.2025)
9. Экстремизм стабилизировался // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5844519?ysclid=lp6p1nprm828559460> (дата обращения 15.10.2025)

Оказание юридической помощи как социальная функция государства

Альхадад Шахад Аллави Аббас, студент

Научный руководитель: Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

Представленная работа направлена на исследование актуальной проблемы юридической помощи как одного из видов социальной поддержки, оказываемой государством. Отмечается, что данная помощь сочетает в себе как платные, так и бесплатные формы предоставления правовых услуг населению. В работе раскрываются сущность юридической помощи как профессиональной деятельности в правовой сфере, направленной на разрешение проблемных ситуаций у граждан. При этом подчеркивается, что термин «юридическая помощь» является более широким по сравнению с бесплатной юридической помощью.

Ключевые слова: юридическая помощь, бесплатная юридическая помощь, социальная функция государства, правовые услуги, социальная поддержка, доступность, квалифицированная помощь, защита прав.

Providing legal assistance as a social function of the state

Alhadad Shahad Allawi Abbas, student

Scientific advisor: Smolenskiy Mikhail Borisovich, doctor of sociological sciences, candidate of legal sciences, professor Don State Technical University (Rostov-on-don)

The presented work is aimed at studying the current problem of legal aid as one of the types of social support provided by the state. It is noted that this aid combines both paid and free forms of providing legal services to the population. The work reveals the essence of legal aid as a professional activity in the legal sphere aimed at resolving problem situations among citizens. At the same time, it is emphasized that the term «legal aid» is broader than «free legal aid».

Keywords: legal aid, free legal aid, social function of the state, legal services, social support, accessibility, qualified assistance, protection of rights.

Конституция Российской Федерации, декларирует жизнь, права и свободы человека как высшую ценность, следовательно, государство в лице Российской Федерации, её органов создаёт целую систему по обеспечению гарантий этих самых прав. [1]

В современном мире сложно представить, что в государстве отсутствует институт так называемой бесплатной (социальной) правовой помощи.

Юридическая помощь может быть рассмотрена как один из видов социальной поддержки, предоставляемой на профессиональной основе и частично на безвозмездной основе. Очевидно, что адвокаты или юристы, оказывающие данную помощь гражданам, не могут работать абсолютно бесплатно, поэтому им гарантируется определенный уровень вознаграждения, выплачиваемый за счет средств муниципальных образований.

В целях всестороннего и полного исследования данной правовой категории, необходимо более подробно рассмотреть понятие «юридическая помощь» в контексте социальной функции государства.

Юридическая помощь в общеправовой теории представляет собой вид социальной помощи, которая, во-первых, является концепцией которая пересекается с различными отраслями российской права (уголовного процессуального права, гражданско-процессуального права, административного процесса и т. д.). Во-вторых, юридическая помощь входит в состав неотъемлемых прав

личности, закрепление которых отражено в ст. 48 Конституции Российской Федерации, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», а также в законодательстве субъектов Российской Федерации. [1] [2]

Несмотря на схожесть и взаимозаменяемость терминов «юридическая помощь» и «бесплатная юридическая помощь», можно отметить, что они не являются полностью равными понятиями, на наш взгляд, использование термина «бесплатная юридическая помощь» не всегда корректно.

Под юридической помощью следует понимать профессиональную деятельность в правовой сфере, направленную на разрешение возникшей проблемной правовой ситуации у получателя (адресата) данной помощи. Вместе с тем, данная деятельность может осуществляться как на платной, так и на безвозмездной основе в зависимости от категории граждан и конкретных обстоятельств, более того сама по себе юридическая помощь представляет собой социальную функцию. [3]

Рассматривая юридическую помощь с позиции социальной функции государства необходимо сказать, что государство в лице Российской Федерации в соответствии со ст.7 Конституции представляет собой социальное государство, тем самым возводит юридическую помощь как основополагающую гарантию, если рассматривать ст.7 и ст. 48 Конституции Российской Федерации в их взаимной связи. [1]

Важно обозначить тот факт, что термин «социальный» не есть бесплатный, как мы ранее говорили, юридическая помощь есть профессиональная деятельность, и адресат получает эту помощь бесплатно, однако адвокат (юрист) получают за это соответствующее вознаграждение.

Государство, реализуя юридическую помощь, закладывает в неё основы формирования правовой культуры у граждан, повышает уровень правового сознания, формирует позитивное отношение к праву, как к реальному и действительно рабочему инструменту разрешения конфликтных ситуаций.

Возвращаясь к нормативно-правовому регулированию юридической помощи, Федеральный закон «№ 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», принятый в 2011 году, внёс большой вклад в развитие и защиту прав и свобод граждан, более того, благодаря нему был заложен фундамент для создания эффективной системы оказания бесплатной юридической помощи, включающей как государственные, так и негосударственные механизмы. [2]

Государство с принятием данного закона:

— Разрешило на уровне субъектов Российской Федерации увеличивать перечень лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи. Исключение из перечня лиц имеющих право на получение бесплатной юридической помощи не допускается;

— Закон установил неисчерпывающий перечень лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в частности это могут быть: инвалиды, дети-сироты, жертвы ЧС;

— Создало двухуровневую систему, которая сформировала два вида государственной помощи, государственной и негосударственной.

Вместе с тем, у юридической помощи имеется ряд существенных недостатков, главный из которых строится

вокруг её денежного выражения. Существует такая проблема, что бесплатная юридическая помощь должна оказывать квалифицированными специалистами на профессиональной основе, и ни коим образом не должна быть хуже юридической помощи, которая осуществляется на возмездной основе. [4]

Во многом в обществе сложилось такое мнение, что бесплатная юридическая помощь не сможет качественно разрешить возникшие у адресата правовые проблемы, причем в любой отрасли права. В основном подобное мнение складывается из-за недобросовестной работы некоторых адвокатов, а также из-за недостаточного финансирования и проблем с получением вознаграждения, причём последнее является, наверное, основной проблемой.

Многие адвокаты, оказывающие юридическую помощь, зачастую сталкиваются с излишней отчетностью при обосновании оказания юридической помощи, а порой и вовсе сталкиваются с неправомерными отказами в компенсации денежных средств за оказание юридических услуг. [5]

И, на наш взгляд, еще одна проблема состоит в размере вознаграждения, которое значительно ниже средней гонорарной практики по аналогичным делам.

Данные проблемы в первую очередь говорят нам именно о проблемах в финансировании и решение данных проблем требует комплексного решения:

— Необходимо изменить увеличить источник финансирования, в частности выделять муниципальным бюджетом больше денег на финансирование бесплатной юридической помощи;

— Провести и разработать совместно с ФПА проект финансового выравнивания при котором, денежная компенсация при оказании бесплатной юридической помощи должна на 15 % быть меньше, чем на коммерческой основе (текущий разрыв варьируется от 45 % до 60 %).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — ст. 6725
3. Коробицына, Т. С. Социально-правовые функции адвокатской деятельности / Т. С. Коробицына. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 2 (449). — С. 286–288. — URL: <https://moluch.ru/archive/449/98922/> (дата обращения: 28.09.2024).
4. Поляков Д. Н. Юридическая клиника как составляющая образовательной программы Омской юридической академии / Д. Н. Поляков // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 28 апреля 2017 года. — Омск: Омская юридическая академия, 2018. — С. 41.
5. Полковникова, В. С. Становление и развитие института оказания бесплатной юридической помощи в России. Современные проблемы и пути их решения / В. С. Полковникова, А. У. Насанов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 38–42.

Развитие правовых норм об охране общественного порядка и общественной безопасности в истории России

Ануфриева Елена Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки проанализировать развитие правовых норм об охране общественного порядка и общественной безопасности в истории России

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, история права.

История формирования норм права, касающихся правонарушений против общественной безопасности, тесно связана с общим развитием российского государства.

Зарождение норм ответственности за такие преступления можно проследить в древнерусских правовых источниках. Например, в «Русской Правде» упоминались случаи нанесения серьёзных телесных увечий без серьёзной мотивации.

Древнерусское право не выделяло общественную безопасность как самостоятельный объект административно-правовой защиты. Документы того времени, к примеру «Русская правда» или «Псковская судная грамота», не содержат четких легальных определений, объясняющих суть правонарушений против безопасности [6]. Тем не менее, в этих источниках есть отдельные указания на преступные действия, наносящие урон личным и имущественным интересам граждан, а также нарушающие общественное спокойствие и порядок в социальных учреждениях, таких как церковь и суд.

В Судебнике 1497 года Великого князя Ивана III содержалось положение, касающееся ответственности за публичную драку или ссору: «А кто кого поймает приставом в бою или в лае, или в займех и на суд идти не восхотят, и они, доложат судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче ездю и хоженного» [5].

В Соборном уложении 1649 года отсутствовала специальная часть, рассматривающая посягательства на общественную безопасность. Уникальностью этого свода законов было акцентирование внимания на необходимости придерживаться установленного порядка в конкретных, законодательно определенных местах, а также вводилась ответственность за нарушение тишины и порядка во время церковных служб.

Это объяснялось значительной ролью церкви в жизни страны и ее институтах, которая являлась одной из опор государства наряду с властью светской (в рамках концепции «Царства и Священства»). В связи с этим, в Русском государстве православие считалось государственной религией. Соответственно, государство уделяло меньше внимания правонарушениям, не связанным с религиозной деятельностью, хотя и предусматривало наказание за «озорство», то есть, за нарушение общественного порядка в публичных местах [8].

В то время безопасность общества играла второстепенную роль, так как приоритетным была задача охраны царской власти, которая считалась воплощением божественной власти на земле. Поэтому нормы, регулирующие правонарушения против церкви и царя, в Соборном уложении 1649 года были особенно развиты [9].

Некоторые положения Соборного уложения 1649 года (статьи 202, 218, 222–228 главы X «О суде») строго устанавливали правила противопожарной безопасности, а также предусматривали наказания за ошибки, приведшие к пожарам.

Еще в годы правления царя Алексея Михайловича Романова, 30 апреля 1649 г., были введены Наказы о градском благочинии, в которых содержалась и первая попытка законодательного обеспечения охраны общественного порядка на улицах русских городов. В документе значилось: «...и ездить в своем объезде по всем улицам и по переулкам, в день и в ночь, для береженья во всех улицах и по переулках росписать им решеточных прикащиков и сторожей; и по улицам и по переулкам в день и в ночь ходить и беречь накрепко, чтоб в улицах и в переулках бою и грабежу и корчмы и табуку и инаго никакого воровства и блудни не было» [9].

С течением времени и развитием правовой структуры Российского государства, вопросы правовой защиты общественного порядка занимали все более важное место в государственной политике.

При Петре I был введен в действие новый законодательный акт — Воинский Артикул 1715 года. В частности, статья 141 под угрозой наказания шпицрутенами запрещала «организацию драк в общественных местах без предварительного вызова, даже если никто не был убит или ранен» [3].

В данном положении особое внимание уделяется месту совершения драки, а именно, публичному пространству, что, несомненно, влияло на общественное спокойствие населения.

В сопоставлении с наказаниями за нанесение побоев при аналогичных обстоятельствах, то есть, в общественных местах, строгость наказания за рассматриваемое правонарушение указывала на более высокий уровень общественной опасности и, соответственно, его большую наказуемость.

Поддержание благоустройства в определенных зонах, как это определялось еще первыми законами Древней

Руси, также было приоритетом в законодательстве Екатерины II. Это отражено в «Уставе благочиния, или полицейском», который был утвержден императрицей 8 апреля 1782 года. Хотя этот устав имел полицейско-административную направленность, термин «благочиние» использовался в нем в том же смысле, что и в церковных текстах того времени.

Устав благочиния вводил строгую систему контроля за чистотой и порядком в городах, предписывая домовладельцам заботиться о состоянии прилегающих территорий. Особое внимание уделялось мощению улиц, освещению в ночное время и предотвращению пожаров. Город разделялся на части и кварталы, в каждом из которых назначались частные приставы, ответственные за надзор и исполнение установленных правил.

Важно отметить, что Устав благочиния не только устанавливал правила и нормы, но и предусматривал механизм их исполнения. Полицейские чины имели право налагать штрафы за нарушение установленных требований, а в случае злостных нарушений могли прибегать к более серьезным мерам воздействия. Таким образом, устав обладал не только декларативным, но и действенным характером, способствуя поддержанию порядка и благоустройства в городах Российской империи.

В начале девятнадцатого столетия Свод законов Российской империи, опубликованный в 1832 году, стал ключевым законодательным актом, определяющим ответственность за деяния, нарушающие общественный порядок [8]. Этот правовой документ устанавливал уголовное наказание для должностных лиц, отставных военных и гражданских служащих, задержанных в состоянии опьянения, буйства или распушенности в общественных местах.

Устав «О предупреждении и пресечении преступлений» того же 1832 года содержал статьи, ограничивающие вмешательство полиции в некоторые виды нарушений общественного спокойствия. Например, статья 369 (главы III раздела 4) запрещала полицейским вмешиваться в личные конфликты между супругами без их согласия, а статья 371 не позволяла им призывать народ или сослуживцев во время драк. Другая статья, 373 (главы IV раздела 6), запрещала собрания, нарушающие общую тишину и умиротворение [8].

С развитием российской правовой системы, вопросам поддержания общественного порядка уделялось все большее внимание. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, утвержденное императором Николаем I 15 августа 1845 года и вступившее в силу в 1846 году, стало первым уголовным кодексом в истории России.

Перед утверждением Уложения Николаем I, в 1844 году граф Д. Н. Блудов подготовил общую пояснительную записку к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В разделе, посвященном общей и подробной классификации проекта, Д. Н. Блудов подчеркивал, что к первой категории общественных преступ-

лений должны быть отнесены преступления и проступки, направленные против общественного спокойствия и нравственности [4]. Данный законодательный акт имеет большое значение, так как впервые делит посягательства на общественную безопасность и общественный порядок на преступления и проступки (правонарушения).

В соответствии со статьей 306 Уложения о наказаниях 1845 года, распространение оскорбительных высказываний, письменных материалов или изображений в публичных местах, направленных против государства, влекло за собой ответственность. За такое деяние предусматривалось лишение свободы в смиренном доме на срок от двух до трех лет.

Статья 309 Уложения устанавливала ответственность за проявление неуважения к обществу в общественных местах через использование непристойной лексики. Лицо, которое в официальном учреждении, во время заседания или непосредственно в его помещении, позволяет себе непристойные выражения или иные действия, демонстрирующие явное неуважение к данному месту.

Статьи 313 и 314 Уложения определяли ответственность за бранные слова и оскорбления, направленные против должностного лица или частного лица в публичном месте. Наказание за оскорбление чиновника предусматривало заключение в смиренный дом на срок от трех до шести месяцев; в случае оскорбления частного лица, виновный мог быть заключен в тюрьму на период от шести месяцев до трех лет.

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, раздел VIII, глава III содержали положения об ответственности за нарушение общественного порядка, спокойствия и благопристойности в общественных местах. В частности, статья 1225 гласила: «Лицо, которое на улице, площади или в ином публичном месте, в присутствии более или менее многочисленной толпы, каким-либо образом провоцирует ссоры, драки или другие формы буйства... подлежит аресту на срок от семи дней до трех месяцев».

В 1864 году был введен в действие «Устав о взысканиях, назначаемых мировыми судьями». В статьях 38 и 39 данного Устава достаточно ясно были определены характеристики преступления с уголовно-правовой точки зрения, чей объект напрямую связан с областью социальных отношений, на которую сегодня распространяется понятие хулиганства.

В частности, статья 38 устанавливала наказания «за конфликты, потасовки, кулачные бои или иные проявления буйного поведения в общественных местах, а также за нарушение спокойствия в обществе». Виновные подвергались аресту на срок не более семи суток или штрафу в размере не более двадцати пяти рублей [7].

Несмотря на наличие в Уголовном уложении 1903 года списка главных типов посягательств на общественный порядок, оно предоставляло судебным органам свободу толкования, позволяя самостоятельно определять, какие деяния подпадают под это определение. При этом под-

черкивался ключевой критерий — совершение данных деяний на виду у публики.

Некоторые исследователи указывали, что законодательство защищает общественный порядок, и поэтому его нарушение влечет наказание даже тогда, когда противозаконные действия осуществлялись не в общественных местах, но привели к нарушению тишины и покоя. Немаловажное значение уделялось ответственности за неуважение к обществу, учинению явно неприличного поступка в публичном месте или общественном установлении; учинению шума, крика или иного бесчинства в публичном месте.

В первые годы советской власти рассматриваемая сфера была представлена нормами о хулиганстве.

Декрет СНК РСФСР от 5 апреля 1921 г. утвердил Положение о дисциплинарных товарищеских судах, согласно которому хулиганские проявления в виде непристойного поведения и грубости на работе рассматривались этими судами и наказывались общественным порицанием, выговором, принудительными работами или направлением в исправительный лагерь до полугода. Более серьезные случаи передавались в народный суд [2].

Несмотря на попытки принять единый Административный кодекс, ответственность за нарушения общественного порядка и общественной безопасности вплоть до 80-х годов XX века регулировалась отдельными актами, либо относилась в сферу уголовного законодательства.

В 1984 году был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [1], содержащий Главу 13, посвященную правонарушениям, посягающим на общественный порядок.

Эта глава являлась важным инструментом в руках государства для поддержания социального контроля и обеспечения соблюдения установленных норм поведения в общественных местах. Она включала в себя широкий спектр

деяний, от мелкого хулиганства до нарушений правил проведения собраний, митингов и демонстраций.

Статьи Главы 13 КоАП РСФСР определяли конкретные составы административных правонарушений, устанавливали меры ответственности и порядок их применения. Среди наиболее распространенных нарушений были распитие спиртных напитков в общественных местах, появление в общественных местах в пьяном виде, мелкое хулиганство, нарушение тишины и покоя граждан, а также другие действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие.

Применение норм Главы 13 КоАП РСФСР осуществлялось уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел, а также другими органами и учреждениями, наделенными соответствующими полномочиями. Нарушителям могли быть назначены различные виды административных взысканий, включая предупреждение, штраф, административный арест на срок до пятнадцати суток, а также исправительные работы.

Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, включая Главу 13, действовал на территории Российской Федерации до 2002 года, когда был заменен новым Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). При этом многие положения Главы 13 КоАП РСФСР были перенесены в новый кодекс с некоторыми изменениями и дополнениями, отражающими современные реалии и потребности общества.

В целом, Глава 13 КоАП РСФСР играла значительную роль в поддержании общественного порядка и безопасности, обеспечивая правовую основу для пресечения административных правонарушений, посягающих на общественные интересы. Ее положения способствовали формированию культуры правопослушного поведения и укреплению законности в обществе.

Литература:

1. «Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1984. — № 27. — Ст. 909. — документ утратил силу.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Дисциплинарных Товарищеских Судах. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М. — 1944. — Стр. 234–237. — документ утратил силу.
3. Бредихин А. Л. Артикулы воинские Аетра I: общая характеристика и историческое значение // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2022. — № 1 (13). — С. 22–26.
4. Гарбатович Д. А., Классен А. Н. Непреступные деяния в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Вестник ЮУрГУ. — Серия: Право. — 2018. — № 1. — С. 18–23
5. Гребенщикова И. В. Судебник 1497 года как источник права Русского (Московского) государства // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. — 2022. — № 1–4. — С. 78–89.
6. Карапетян А. А. «Русская правда» как источник древнерусского права // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 6–1 (12). — С. 586–603.
7. Новоситная Б. В. Эволюция системы наказаний в уголовном праве Российской империи XIX века // E-Scio. — 2021. — № 1 (52). — С. 101–112.
8. Рассолов М. М. История отечественного государства и права до XIX века: учебник для вузов / М. М. Рассолов, П. В. Никитин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 311 с.
9. Ярыш В. Д. Современная оценка Соборного уложения 1649 г. как источника права // Общество и право. — 2021. — № 1 (75). — С. 137–141.

Анализ динамики совершенных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в 2020–2024 гг.

Ануфриева Елена Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки проанализировать динамику совершенных в России правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в 2020–2024 гг., выявить причины изменений.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, Кодекс об административных правонарушениях, административное наказание, административная ответственность.

В рамках научного исследования нами приведены основные (наиболее часто совершаемые) правонарушения, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок (таблица 1).

За период 2020–2024 гг. количество рассмотренных административных дел по ст. 20.1–20.34 КоАП РФ [1] уменьшилось на 32 % (с 3410643 в 2020 году до 2343649 в 2024 году). Вместе с тем, доля подвергнутых административному наказанию снизилась незначительно — с 84 % в 2020 г. до 81 % в 2024 г. Несмотря на снижение общего числа дел, стабильно высокая доля лиц, подвергнутых административному наказанию, указывает на эффектив-

ность работы судебной системы и правоохранительных органов в выявлении и привлечении к ответственности виновных.

Анализ данных по статье 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» за период с 2020 по 2024 годы демонстрирует определенную динамику. Общее количество зарегистрированных случаев мелкого хулиганства в 2022 году достигло пикового значения (171026), после чего наблюдается тенденция к снижению, возвращаясь к показателям, близким к 2020 году (146697). Это может свидетельствовать об изменениях в правоприменительной практике, эффективности профилактических мер или же социаль-

Таблица 1. Динамика количества основных правонарушений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, совершенных в 2020–2024 гг. [2]

№	Наименование	2020	2021	2022	2023	2024
1	Мелкое хулиганство (Ст. 20.1)	142650	149658	162072	150393	139317
2	Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (20.2, 20.2.2)	2697	18039	16652	1653	1191
3	Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (20.3, 20.3.1)	3036	4119	5270	5163	5824
4	Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ (20.3.3)	-	-	4440	2361	1805
5	Нарушение требований режима ЧП и ГО (20.5, 20.6, 20.7 КоАП)	33566	36114	5076	2665	10373
6	Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (20.6.1)	-	-	555 095	425	394
7	Нарушение правил производства, продажи, хранения или учета оружия и патронов к нему (Ст. 20.8)	16312	17932	6907	3386	3005
8	Потребление наркотических средств в общественных местах либо отказ от медицинского освидетельствования (20.20 ч. 2)	6367	6359	5723	5346	4287
9	Появление в общественных местах в состоянии опьянения (Ст. 20.21)	247529	249935	243633	211902	166707
10	Неуплата административного штрафа (ч. 1 ст. 20.25)	1374495	1531008	1462461	1401844	1525719
11.1	Уклонение от отбывания обязательных работ, а также нарушение административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (20.25 ч. 4, 5)	14042	19761	22092	25894	23836
12.1	Всего правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность	2888097	3686081	2533223	1838812	1912159

но-экономических факторах, влияющих на уровень правонарушений.

Важно отметить, что подавляющее большинство лиц, совершивших мелкое хулиганство, подвергаются наказанию. Доля наказанных лиц от общего числа зафиксированных правонарушений стабильно высока на протяжении всего рассматриваемого периода. Это указывает на неотвратимость наказания за данный вид правонарушения и, возможно, является сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей.

Анализируя представленные данные, можно отметить резкий скачок количества нарушений, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий, в период с 2020 по 2021 год. Этот рост, почти шестикратный, указывает на изменение общественно-политической обстановки, увеличение протестной активности населения и ужесточение мер контроля и фиксации нарушений со стороны правоохранительных органов.

Наблюдается устойчивый рост правонарушений, связанных с пропагандой и публичным демонстрацией нацистской атрибутики или символики в период с 2020 по 2024 год. Общее количество зафиксированных случаев увеличилось почти вдвое, что свидетельствует о повышенной активности в данной сфере или об усилении контроля и выявляемости подобных правонарушений.

Основным видом наказания является штраф, что свидетельствует о стремлении государства к экономическому воздействию на нарушителей. Тем не менее, значительное число правонарушителей подвергается административному аресту, что говорит о наличии случаев, требующих более серьезного воздействия.

Наблюдается значительный рост числа публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, в период с 2022 по 2024 год. Практически все наказания, наложенные на лиц, дискредитирующих Вооруженные Силы РФ, выражены в форме штрафов.

Анализ представленных данных о нарушениях требований режима чрезвычайного положения (ЧП) и гражданской обороны (ГО), предусмотренных статьями 20.5, 20.6 и 20.7 КоАП, позволяет проследить динамику изменений в количестве выявленных случаев и примененных мер наказания в период с 2020 по 2024 год. Наблюдается существенное колебание числа нарушений, зарегистрированных в различные годы, что обусловлено изменениями в нормативно-правовой базе, ужесточением контроля со стороны надзорных органов, а также общей социально-экономической обстановкой в стране.

Можно отметить резкий скачок количества нарушений по статье 20.6.1 КоАП РФ в 2022 году. В 2022 году зафиксировано 657 340 случаев невыполнения правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения. Этот всплеск связан с реальным увеличением количества чрезвычайных ситуаций или угроз их возникновения в указанный период. При этом, в 2023 и 2024 годах наблюдается существенное снижение общего количества нарушений по данной статье.

Анализ представленных данных о нарушениях по статье 20.8 КоАП РФ (нарушение правил производства, продажи, хранения или учета оружия и патронов к нему) за период с 2020 по 2024 год выявляет отчетливую тенденцию к снижению общего количества зарегистрированных правонарушений. Если в 2020 году было зафиксировано 21198 случаев, то к 2024 году этот показатель сократился до 3878, что свидетельствует о значительном уменьшении нарушений, связанных с оборотом оружия и патронов. В целом, представленные данные демонстрируют положительную динамику в сфере контроля за оборотом оружия и патронов.

Наблюдается устойчивая тенденция к снижению количества случаев потребления наркотических средств в общественных местах либо отказа от медицинского освидетельствования по статье 20.20 ч. 2 КоАП РФ в период с 2020 по 2024 год. Общее количество зафиксированных случаев уменьшилось с 7392 в 2020 году до 4763 в 2024 году, что свидетельствует о снижении на 35,6 %.

Снижение числа подвергнутых наказанию лиц коррелирует с общим снижением количества правонарушений. Количество наказанных снизилось с 6367 в 2020 году до 4287 в 2024 году, что указывает на снижение на 32,7 %. Это говорит о том, что правоохранительные органы в целом реже сталкиваются с подобными нарушениями.

Анализ данных демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению числа правонарушений, связанных с появлением в общественных местах в состоянии опьянения (статья 20.21 КоАП РФ). Общее количество зафиксированных случаев сократилось с 258 824 в 2020 году до 171 883 в 2024 году, что свидетельствует об уменьшении таких нарушений на 33,6 %. Соответственно, снизилось и количество лиц, подвергнутых наказанию за данное правонарушение.

Можно выделить ряд тенденций в динамике привлечения к ответственности за неуплату административных штрафов по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Общее количество выявленных случаев неуплаты штрафов демонстрирует относительную стабильность, колеблясь в пределах 1,7–2 миллиона в год. При этом заметен пик в 2021 году, за которым последовало некоторое снижение в 2022 и 2023 годах, с последующим незначительным ростом в 2024 году.

Общее число лиц, подвергнутых наказанию за данное правонарушение, также следует общей динамике количества выявленных случаев. Наибольшее число наказанных приходится на 2021 год, после чего наблюдается снижение в 2022 и 2023 годах, с последующим возвратом к показателям, близким к 2021 году, в 2024 году. Это говорит о сохраняющейся актуальности проблемы неуплаты административных штрафов и стабильном уровне работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению данного правонарушения.

Основным видом наказания за неуплату административного штрафа остается штраф. Применение административного ареста, как альтернативной меры наказания, остается относительно стабильным на протяжении рас-

смагриваемого периода. Количество лиц, подвергнутых административному аресту, значительно меньше, чем количество лиц, которым назначен штраф. Это может свидетельствовать о том, что административный арест применяется в случаях, когда неуплата штрафа носит систематический характер, либо когда у правонарушителя отсутствует возможность уплаты штрафа.

Анализируя представленные данные, можно отметить устойчивый рост числа правонарушений, связанных

с уклонением от обязательных работ и нарушением запрета на посещение спортивных мероприятий, в период с 2020 по 2023 год. Общее количество зафиксированных случаев увеличилось с 14976 в 2020 году до 27178 в 2023 году, что свидетельствует о значительном ухудшении ситуации в данной сфере.

Далее проанализируем наказания, назначаемые за совершение правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (таблица 2).

Таблица 2. Наказания за совершение основных правонарушений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, совершенных в 2020–2024 гг. [2]

№	Наименование	2020	2021	2022	2023	2024
1	Всего правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность	3410643	4392477	3107247	2274390	2343649
12.1	Подвергнуто наказанию	2888097	3686081	2533223	1838812	1912159
12.2	Наказание штрафом	1851146	2114519	1642719	1379549	1490069
12.3	Административный арест	399866	414626	415464	370812	339160
12.4	Лишение права/дисквалификация	532	568	711	497	362
12.5	Выдворение	593	498	2136	3640	4883
12.6	Приостановление деятельности	109	363	516	88	145
12.7	Конфискация	9772	11836	5011	3979	3584

Статистика по видам наказаний также отражает интересные изменения. Число лиц, подвергнутых наказанию, в целом коррелирует с общим количеством правонарушений, демонстрируя аналогичную волнообразную динамику. Однако структура наказаний претерпевает определенные изменения. Количество наказаний в виде штрафов, являющихся наиболее распространенной мерой, также снижается в 2022 и 2023 годах, но показывает рост в 2024 году.

Административный арест демонстрирует относительную стабильность на протяжении всего периода, хотя и с небольшим снижением в 2024 году. В то же время, количество случаев лишения права/дисквалификации остается незначительным и демонстрирует устойчивое снижение. Важным моментом является увеличение числа случаев вы-

дворения, особенно в 2023 и 2024 годах, что может свидетельствовать об усилении миграционного контроля.

Обращает на себя внимание снижение количества случаев конфискации, что может быть связано с изменениями в практике применения данной меры наказания или с изменением структуры правонарушений, по которым она применяется. Количество случаев приостановления деятельности также остается относительно невысоким и демонстрирует колебания, что может быть связано с изменениями в контроле за соблюдением законодательства в различных сферах деятельности.

В целом, анализ структуры наказаний позволяет получить более детальное представление об изменениях в правоприменительной практике и приоритетах правоохранительных органов.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г. N44-ФЗ) // «Российская газета». 2001. N 256
2. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]: <https://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/80> (Дата обращения: 10.05.2025 г.)

Развитие правовых основ перехода долей в корпоративных структурах в зарубежных странах

Атажанов Хамдамбек Куромбоевич, старший преподаватель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В данной статье рассматривается историко-правовое развитие института перехода долей в корпоративных структурах зарубежных стран. Автор анализирует эволюцию правовых основ с античных времён до современного

этапа, включая правовые конструкции Древнего Рима (*societas, societas publicanorum*), средневековые торговые гильдии, а также становление и развитие акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью в Германии, Франции, Великобритании и США. Особое внимание уделяется вопросам правового режима передачи долей, различиям между имущественными и управленческими правами, а также роли устава и корпоративных соглашений. Работа опирается на сравнительно-правовой анализ и демонстрирует, как различия в подходах к передаче долей отражают особенности правовых систем и корпоративной культуры различных государств.

Ключевые слова: переход долей, корпоративное право, общество с ограниченной ответственностью (ООО), акционерное общество (АО), корпоративные соглашения, устав компании, ограниченная ответственность, правовой режим доли, управление компанией, членство.

Переход долей является частью экономического процесса и исторически связан с правом лиц, участвующих в корпорациях, свободно распоряжаться своими долями. Исторически тема перехода долей была связана с существованием юридического лица, поскольку юридическая личность и свободный оборот долей считаются основами корпоративного права [1, с.1].

Безусловно, предпринимательство, основанное на объединении капиталов (долей), существовало с древнейших времен. В качестве первой формы предпринимательства можно указать товарищества. С древности развивались отношения партнерства для ведения предпринимательской деятельности, которая была затруднительна для одного лица. Первоначальные товарищества основывались на семейных отношениях — члены семьи совместно вели торговую деятельность. Сам термин «компания», признанный международным, происходит от латинского *'cum panis'*, что означает «общий хлеб» [2, с.7].

Понятие товарищества как правового института восходит к доисторическим временам. В частности, в Вавилоне во времена Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) 8 из 282 статей Кодекса Хаммурапи регулировали отношения товариществ, что свидетельствует о важности данной сферы уже тогда [3, с.36].

В Древнем Риме в качестве прообраза современных корпораций использовался термин *'societas'*, означавший в зависимости от контекста товарищество, компания, объединение. Известный римский юрист Ульпиан в 31-й книге своих Комментариев к эдиктам писал, что *'societas'* создавалась с целью объединения имущества, выполнения определённых работ или сбора налогов от имени государства.

Таким образом, термин *'societas publicanorum'* обозначал товарищество, исполнявшее государственные контракты. Это были частные компании, занимавшиеся сбором налогов и другими финансовыми делами по поручению государства. Несмотря на то, что они работали на основании государственных договоров, их корпоративный характер и возможность перехода долей вызвали много споров.

Пуатьра и Виллебордсе выступили против распространённого мнения, что такие субъекты обладали характеристиками акционерных обществ и осуществляли торговлю долями [4, с.36]. Действительно, термин доля существовал с древности, и впервые в Древнем Риме понятие доли

(*pars, partes*) использовалось в I веке до н. э. применительно к доле в общем предприятии [5, с.333-с].

Эти идеи подтверждаются исследованиями Флеккнера, изучавшего торговые организации Древнего Рима. По его мнению, лица, желавшие заниматься совместной предпринимательской деятельностью, могли выбирать формы *societas, societas publicanorum, peculium*. Однако среди них не существовало организаций с публично обращающимися долями — этому препятствовали высокая нестабильность того времени и особенности римского законодательства. Даже относительная стабильность *societas publicanorum* не спасла их от упадка, поскольку со временем количество государственных заказов уменьшилось [6, с.236].

Хотя некоторые учёные критиковали признание *societas publicanorum* юридическим лицом, они всё же соглашались с тем, что имущество принадлежало не отдельным членам, а коллективной организации. Следовательно, доля (*pars, partes*) в таких объединениях не означала права собственности на общее имущество, а выражала право участия в деятельности предприятия. Иными словами, между лицом и имуществом не было прямой связи (как при праве собственности), а существовало посредничество в виде самой организации [7, с.17].

Появившиеся в Средние века торговые гильдии (от немецкого *Gilde* -корпорация), то есть союзы торговцев, стали фундаментом будущих корпораций и активно развивались в XII-XV веках, как внутри Европы, так и вдоль Великого шёлкового пути [3, с.37].

С развитием экономических отношений в XII веке в Европе возникали различные формы обществ с долевым участием. Например, в Германии существовали *Kuchen* — доли в горных предприятиях, участники которых назывались *Gewerkschafter*, а также доли в морских товариществах и в мельничных объединениях на юге Франции. Эти доли, как правило, были равными и не имели документального оформления, то есть не удостоверялись официальными правоустанавливающими актами.

В первой половине XIV века в Италии существовали доли, называвшиеся *losa*, которые отражали доли в капитале торговых обществ, занимавшихся управлением государственного долга. Это понятие применялось также к банку Генуи, основанному в 1407 году, капитал которого был разделён на равные доли — *losa*.

Эти исторические сведения подтверждают существование в Европе ранних форм корпоративного участия

и долевой собственности, что в дальнейшем послужило основой для развития акционерных обществ.

В XIV веке сначала в Италии, затем во Франции начали широко распространяться полные товарищества. Французский закон 1673 года установил правовую форму полного товарищества, признанного юридическим лицом, при этом полные товарищи несли неограниченную солидарную ответственность по долгам товарищества [8, с.297].

С XVII века в Европе начали действовать акционерные компании, учреждённые на основе королевских хартий, в основном для организации морской торговли. Группа торговцев объединяла капитал (товары), нанимала судно, совершала заграничное плавание, после которого делилась прибыль и завершала деятельность до следующей экспедиции. Позднее стали появляться постоянно действующие компании. Так, Нидерландская Ост-Индская компания в 1623 году получила хартию на бессрочную деятельность, после чего торговцы были лишены права требовать возврат своей доли после каждого рейса и могли только продать её. В 1654 году Британская Ост-Индская компания также получила хартию на бессрочную деятельность, с возможностью свободного обращения долей.

К началу XIX века в мире было всего несколько компаний, объединяющих пять ключевых признаков, и только в 1844 году появились акционерные общества с акциями в свободном обращении. В 1855 году институт ограниченной ответственности был полноценно введён.

В XIX веке оформились пять основных признаков корпораций как формы предпринимательской деятельности: независимая юридическая личность; ограниченная ответственность; коллективная собственность инвесторов на капитал; управление посредством совета директоров; свободное обращение долей [1, с.3].

Маргарет М. Блэр в своём исследовании подчёркивает, что корпорации в XIX веке развивались как правовая форма, позволяющая сохранять капитал в долгосрочной перспективе. В работе приводятся теоретические основания ограничений на переход долей. После первичного выпуска акций акционеры не могли легко изъять свои инвестиции без согласия совета директоров компании. Это явление получило название блокировка капитала (capital lock-in). Такой механизм позволяет компании осуществлять долгосрочные инвестиции и препятствует неожиданному выводу средств акционерами.

В закрытых корпорациях передача долей может быть затруднена из-за ограничений, установленных в уставе или по причине отсутствия рынка. Эти ограничения защищают имущественную основу предприятия, однако в некоторых случаях могут создавать проблемы для миноритарных акционеров [9, с.4].

В последующие годы практика и законодательство, регулирующие свободную передачу долей, совершенствовались. К началу XX века в большинстве правовых систем появилась хотя бы одна организационно-правовая форма с вышеуказанными пятью признаками.

В 1892 году в Германии появляется форма общества с ограниченной ответственностью — GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung). Одновременно формируется и правовая категория доля в таких обществах. Позднее аналогичные законы были приняты в Австрии (1906 г.) и Франции (1925 г.).

Понятие доли также закреплено в законодательстве Англии о компаниях и партнёрствах, где используется термин share (акционерная доля). Примерами служат: Закон о партнёрствах 1890 года, Закон об ограниченных партнёрствах 1907 года, Закон о компаниях 2006 года, а также Закон об обществах с ограниченной ответственностью 2000 года.

Что касается законодательства Германии и других европейских стран: в первоначальной редакции немецкого закона о GmbH 1892 года применялся режим, аналогичный передаче акций в акционерных обществах — без ограничений на переход доли. При необходимости, согласие на передачу могло быть предусмотрено в учредительных документах (диспозитивная норма). Устав GmbH также мог предусматривать преимущественное право покупки доли другими участниками.

Однако в современной немецкой юридической практике подчёркивается, что передача доли в обществе с ограниченной ответственностью возможна только с согласия самого общества или других участников [10, с.31].

Французское законодательство аналогично предусматривает, что передача доли третьим лицам возможна только с согласия участников, обладающих не менее чем $\frac{3}{4}$ долей.

Одним из самых жёстких регулирований в начале XX века отличалось законодательство Швейцарии, которое полностью запрещало свободную передачу долей третьим лицам и не допускало судебного вмешательства во внутренние дела общества [11, с.19].

Американское законодательство с момента появления формы компаний с ограниченной ответственностью (в 1977 году) предусматривает возможность передачи долей третьим лицам. Согласно статье 18–702 закона штата Делавэр, участник компании имеет право полностью или частично передать свою долю. При этом значительная часть норм, регулирующих переход долей в компаниях с ограниченной ответственностью, заимствована из законодательства о партнёрствах.

Следует отметить, что термин share в английском языке может переводиться как «акция» или «доля». Однако учитывая, что он применяется и к партнёрствам, где капитал не делится на акции, в данном контексте его следует понимать именно как долю.

В американском праве для обозначения доли в компаниях с ограниченной ответственностью (limited liability companies) используется термин interest (интерес). Этот термин также применяется для описания долей в ограниченных партнёрствах.

Согласно американскому праву, доля участника (member's interest) состоит из двух компонентов: имуще-

ственные права (участие в распределении прибыли) и неимущественные права (участие в управлении и контроль над компанией).

Однако только имущественные права — так называемая *distributional interest* — могут свободно передаваться. Другие права, например, участие в управлении и получение информации, входят в состав доли, но не могут быть переданы.

Таким образом, передача доли сама по себе не наделяет приобретателя правом участия в управлении компанией («*assignee shall have no right to participate in the management*») и не делает его автоматически членом компании («*does not entitle the assignee to become a member*»).

Получение статуса участника связано с другими основаниями. Согласно статье 503 Модельного закона, права на участие в управлении и получение информации у приобретателя доли возникают только в случае, если он принят в качестве члена компании («*only by admitting as a member*»), что осуществляется с согласия других участников.

Аналогичные положения содержатся и в законодательстве штата Монтана. Лишь лицо, принятое в порядке, установленном законом, может считаться участником компании. Приобретение имущественной доли не влечёт автоматического возникновения статуса участника.

Таким образом, по американскому праву у лица, приобретающего долю, может быть два различных статуса: приобретатель доли (*assignee*) и участник компании (*member*). Приобретение доли предоставляет лицу возможность участия в распределении прибыли и потенциальную возможность стать членом компании. Однако эта возможность не является субъективным правом, поскольку участники компании не обязаны принимать приобретателя в свой состав — это их право. Следовательно, приобретение имущественной доли является одним из юридических фактов, которые могут привести к принятию лица в качестве участника компании.

На основе проведённого сравнительно-правового анализа можно сделать вывод, что правовая природа и режим перехода долей в корпоративных структурах представляют собой результат многовековой эволюции юридической мысли, тесно связанной с экономическими потребностями и историческими особенностями различных стран.

Корни правового института долевого участия уходят в античность — в такие формы, как *societas* и *societas*

publicanorum в Древнем Риме, где уже тогда существовали элементы коллективной предпринимательской деятельности. Однако только с развитием средневековых торговых союзов, гильдий и последующим формированием акционерных обществ в раннее Новое время стало возможным появление устойчивых форм оборота долей, отражающих как имущественные интересы, так и элементы корпоративного управления.

Особое значение в процессе институционализации перехода долей сыграли юридические новеллы XIX века, в частности внедрение таких базовых признаков корпораций, как независимая юридическая личность, ограниченная ответственность, управление через совет директоров и свободная передача долей. Эти признаки стали основой для появления современного общества с ограниченной ответственностью (ООО) — организационно-правовой формы, вобравшей в себя как гибкость управления, так и стабильность имущественного участия.

Сравнение правовых режимов Германии, Франции, Великобритании и США показывает различия в акцентах и подходах. В странах континентальной правовой системы (например, Германия и Франция) превалирует подход, при котором передача доли возможна только с согласия других участников или общества в целом. Это позволяет сохранять замкнутый характер компании, усиливая внутреннюю устойчивость и управляемость, однако в некоторых случаях может ограничивать ликвидность доли и интересы миноритарных участников.

Англосаксонская модель, ярко представленная в США и Великобритании, напротив, демонстрирует более либеральный подход, при котором имущественные права (на получение прибыли и активов) могут свободно передаваться, в то время как управленческие и членские права требуют отдельного одобрения. Это разделение способствует гибкости инвестиций и свободному движению капитала, одновременно сохраняя контроль над управленческой структурой.

Таким образом, современное корпоративное право демонстрирует баланс между необходимостью свободного оборота долей как элемента рыночной экономики и защитой корпоративной целостности и интересов участников. Эффективное правовое регулирование перехода долей должно учитывать как свободу предпринимательства, так и потребность в правовой стабильности, особенно в условиях роста транснациональных инвестиций и глобализации бизнеса.

Литература:

1. Hansmann, Henry and Kraakman, Reinier H., *The End of History for Corporate Law* (January 2000). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=204528> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.204528>
2. Козлова Н. В. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Гражданско-правовые проблемы. М., Статут, 2023. — С.7.
3. Rahmonqulov H. R., Gulyamov S. S. *Korporativ huquq. Huquqshunoslik oliy o'quv yurtlari uchun darslik*. — T.: TDYI, 2006. — B. 36–37.
4. Geoffrey Poitras & Frederick Willeboordse., *The societas publicanorum and corporate personality in roman private law*, *Business History*. 2019. — P. 36.

5. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. — С. 333.
6. Fleckner, Andreas Martin, Roman Business Associations. Oxford University Press, Roman Law and Economics, vol. I, pp. 233–272, 2020, Working Paper of the Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance No. 2015–10, Max Planck Private Law Research Paper No. 16/10, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2472598>
7. Горлов В. А. Правовое положение обществ с ограниченной ответственностью: Дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. — С. 17.
8. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. I Введение. Торговые деятели. — С.297.
9. Blair, Margaret M., Locking in Capital: What Corporate Law Achieved for Business Organizers in the Nineteenth Century. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=495984>
10. Wendler M., Tremml B., Buecker B. The Key Aspects of German Business Law. — Springer Berlin Heidelberg. 3rd edition. 2006. — P. 31.
11. Ланкоф С. Н. Товарищества с ограниченной ответственностью на Западе и СССР. М., 1924. — С. 19.

Сервитут в лесных правоотношениях

Балбин Андрей Николаевич, студент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

В статье автор исследует правовое регулирование сервитута Лесным кодексом РФ, а также его соотношение с Земельным кодексом РФ и Гражданским кодексом РФ.

Ключевые слова: сервитут, лесной сервитут, публичный сервитут, частный сервитут, сервитут на лесные участки.

Лесным кодексом Российской Федерации впервые была законодательно закреплена возможность обременения лесных участков правом ограниченного пользования чужим лесным участком (сервитут) в порядке, установленном земельным и гражданским законодательством.

Ранее лесной сервитут представлял собой уникальную юридическую конструкцию, значительно отличавшуюся от ограничительных прав на использование земли, определенных в рамках гражданского и земельного права РФ. В соответствии с статьей 21 Лесного кодекса Российской Федерации, принятого 29 января 1997 года под номером 22-ФЗ [6], граждане России наделялись правом на свободное пребывание в рамках лесного фонда и на территориях вне его пределов, кроме случаев, специально предусмотренных российским законодательством (это положение получило название «публичный лесной сервитут»). В то же время, использование участков лесного фонда, а также земель, не входящих в состав лесного фонда, как гражданами, так и юридическими лицами, могло быть ограничено в интересах других сторон на основе договоров, государственных актов или посредством решений суда (данное положение известно как «частный лесной сервитут»).

Исследуя положения гражданского и земельного права, становится очевидным, что концепции лесного сервитута, воплощенные в ранее действующем Лесном кодексе РФ, представляли собой более широкие рамки, нежели те, что определены в земельном и гражданском праве. Под публичным лесным сервитутом Лесным кодексом понималось право граждан свободно пребывать

в лесах, а частный лесной сервитут представлял собой ограничение прав пользования граждан и юридических лиц участками лесного фонда и права пользования участками, не входящими в лесной фонд лесами в пользу иных заинтересованных лиц на основании договоров, актов государственных органов и актов органов местного самоуправления, а также судебных решений.

Следовательно, термин «публичный лесной сервитут», представленный в Лесном кодексе 1997 года, представлял уникальную концепцию, не имеющую прямых аналогий в земельном и гражданском праве; в то время как «частный лесной сервитут» объединял элементы обоих видов сервитутов: публичный, урегулированный статьей 23 Земельного кодекса РФ [2], и частный, определенный в статье 274 Гражданского кодекса РФ [1]. В юридической литературе данный гибридный сервитут предлагается обозначать термином «квазисервитут».

Переходим к обозначению того, что сегодня действующий Лесной кодекс в своих нормах деления сервитута на рассмотренные ранее виды не содержит.

Сегодня данный термин обозначает наложение определенных обязательств на участок земли, позволяющих третьим лицам использовать данный участок без ущерба для прав владельца. Установление такого права предполагает исключение его предоставления конкретным или неопределенным лицам. Сложно представить логику применения публичного и частного сервитута к землям, относящимся к лесному фонду, так как эти территории находятся в федеральной собственности и могут быть предоставлены в пользование только юридическим лицам.

Юридический статус данных объектов урегулирован в рамках лесного законодательства России, включая цели их эксплуатации, как элементы права сервитута, то есть ограниченного использования чужой территории в интересах государственных или муниципальных нужд, согласно п. 3 ст. 23 Лесного кодекса РФ [3]. Тем не менее, при их закреплении в законе используется отличная методология.

Можно утверждать, что специфическая нагрузка на участки леса в виде официальных сервитутов для обеспечения доступа, таких как проход, проезд и прогон скота, не является обязательной. В соответствии со ст. 11 Лесного кодекса РФ, физлицам разрешено пребывать на территории, относящейся к лесному фонду, в целях сбора как пищевых, так и нелесных ресурсов. При этом, стоит отметить сужение списка доступных действий по сравнению с предшествующей версией Лесного кодекса, исключая, в частности, проведение спортивных событий. Также статья устанавливает условия, при которых присутствие людей на данных участках запрещено, включая их использование в целях государственной обороны или защиты, а также нахождение в зоне с особым режимом охраны.

Федеральное законодательство устанавливает запреты и ограничения на доступ граждан к рассматриваемым объектам. Именно поэтому стоит уделить внимание вопросу ограниченности доступа физических лиц к лесным участкам — подобное допускается, если есть необходимость в обеспечении пожарной, санитарной безопасности; защите граждан, выполняющих работы.

После передачи рассматриваемого объекта в пользование конкретному лицу (физическому или юридическому) — он также может использоваться иными гражданами для осуществления заготовок пищевых и недревесных ресурсов. Однако, не стоит забывать и про исключения, установленные ст. 11 ЛК РФ.

В статьях 36 и 38 Земельного кодекса Российской Федерации устанавливается норма, согласно которой физические или юридические лица, стремящиеся использовать земельные участки для аграрных целей или организации охотничьих хозяйств, обязаны вступить в арендные отношения через заключение соответствующего договора. Это означает, что для легализации деятельности по сельскохозяйственному производству или предоставлению угодий для охоты необходимо оформление аренды лесных земель.

В рамках анализа данного вопроса важно принять во внимание положения статьи 10.1 Федерального закона № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации», согласно которым земельные участки, включенные в состав лесного резервного фонда, могут быть предоставлены заинтересованным лицам в аренду без необходимости проведения аукционных мероприятий для целей проведения разведочных работ, при условии, что длительность такого арендного договора не будет превышать один год (согласно стандартам, установ-

ленным Лесным и Земельным кодексами Российской Федерации). Конкретные механизмы реализации данного порядка определены нормативными актами Правительства РФ [4].

Передача лесных территорий, находящихся в ведении государства или муниципалитета, обустроенных инфраструктурными объектами, включая трубопроводы, автодороги, линии электропередачи и связи, разрешается в рамках положений ст. 9 Лесного кодекса РФ. Это правило применимо к физическим лицам, владеющим указанными объектами на основе права бесплатного пользования, аренды, права хозяйственного ведения или оперативного управления, либо в полном праве собственности, согласно п. 2.1 ст. 45 Лесного кодекса РФ.

В соответствии с представленными данными, выводы указывают на то, что значительная часть оснований для наложения ограничений на использование земель, указанных в п. 3 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации, не применима к лесным землям. Это связано, прежде всего, с тем, что их использование ограничивается правилами, гарантирующими свободу доступа граждан в лесные массивы, и, во-вторых, с категоризацией таких земель как объектов, обеспечивающих особые условия для лесопользования. В этой связи, предоставление доступа к лесным участкам возможно только через механизмы аренды или предоставления в бессрочное пользование. Данный подход в юридической сфере получил наименование «принцип общедоступности лесопользования», как это было выявлено в процессе проведения научного исследования.

Анализируя соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации, становится очевидным, что хотя прямое упоминание о «публичном сервитуте» в статье 11 отсутствует, представленная регуляция де факто описывает публичный сервитут, как он определен в рамках федерального законодательства. Этот сервитут имеет определенные отличия от аналогичной концепции, закрепленной в земельном праве, несмотря на схожесть терминологии.

Отметим специфические характеристики, характеризующие «публичный лесной сервитут», как он представлен в современной юридической доктрине.

1. Невозможность официальной государственной регистрации такого сервитута обусловлена, согласно утверждениям в юридической доктрине, которые мы поддерживаем, отсутствием потребности в этой процедуре. Л. Шейнин подчеркивает, что из-за того, что лесом может воспользоваться неограниченное количество лиц, фиксация их прав в реестрах становится непрактичной даже с точки зрения формальностей [7, с. 76]. К тому же, как и любое другое имущественное право, нарушенный сервитут предусматривает право на возмещение убытков.

2. Безвозмездность использования лесных угодий другими лицами, рассматриваемая как ключевой элемент установления общественного сервитута, предполагает,

что вне зависимости от различных влияний в рамках законных норм и условий на данный участок, владельцы или же арендаторы не обладают правом требования оплаты от граждан за пользование им.

Учитывая аналогии частного права на пользование земельными участками, которые исторически были распространены, в современной юридической практике аналогичными функциями обладает сервитут, предоставляющий право на ведение сельскохозяйственной деятельности на лесных территориях, как это предусмотрено ст. 38 Лесного кодекса Российской Федерации. Однако, ввиду отсутствия ссылки на ст. 11 Лесного кодекса в упомянутой ст. 38, деятельность в сельскохозяйственной сфере на данных землях не попадает под действие норм о свободном доступе граждан в лесные массивы, что обычно трактуется как публичный лесной сервитут. Таким образом, правила и условия использования лесных угодий для сельскохозяйственных нужд находятся под зависимостью от специализированного нормативного документа, который и определяет эти аспекты конкретизировано [5].

Следовательно, урегулирование правоотношений, связанных с установлением сервитута для нужд ведения сельского хозяйства, требует обращения к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации и Земельного кодекса, касающимся сервитутных отношений. Учитывая, что законодательство РФ предусматривает, что такие сервитуты имеют целью поддержку сельскохозяйственных инициатив граждан для личного использования, они могут быть установлены исключительно в качестве частных сервитутов. Регулирование установления частных сервитутов основывается на статьях ГК РФ, определяющих, что они создаются на основе договоренности между владельцем земли, пользующимся сервитутом, и землевладельцем, на чьей территории устанавливается обременение. В контексте сельскохозяйственной деятельности необходимость заключения договора о частном сервитуте появляется между государством, являющимся

владельцем лесного массива, и физическим лицом, стремящимся получить право на использование части этой территории для собственных аграрных нужд. Важным условием, упомянутым в статье 274 ГК РФ, является наличие у заявителя в собственности земельного участка в непосредственной близости к лесному участку, на котором предполагается установление сервитута.

Изучая лесное законодательство, становится очевидным, что лесные участки могут быть выделены для разнообразных целей, которые обусловлены социальными, экономическими и экологическими задачами, выполняемыми в интересах общества и государства. Среди прочего, это может включать разработку и использование водных ресурсов, создание инфраструктуры для транспортировки энергии и ресурсов, как например, строительство гидротехнических сооружений, прокладка трубопроводов и электропередач. Противопоставляя это положениям Земельного кодекса, становится ясно, что последний не предусматривает подобного рода использование земель на правах сервитута, что подчеркивает специфику и особенности лесного законодательства в регулировании использования лесных ресурсов.

Изучив представленные данные, приходим к выводу, что Лесной кодекс Российской Федерации разрешает использование лесов посредством установления частного сервитута лишь в ограниченном числе случаев. Это подразумевает, что такое использование подпадает под нормы Гражданского кодекса РФ, регламентирующего правовые аспекты частного сервитута. Принимая во внимание, что Гражданский кодекс РФ определяет лиц, имеющих право на частный сервитут, как собственников недвижимости и учитывая отсутствие в Лесном кодексе РФ уточнений касательно полномочий на заключение соглашений о сервитуте на лесные участки, который являются собственностью государства (Российской Федерации), очевидно, что процедура установления сервитута для большинства лесных территорий России на данный момент не имеет четкой законодательной базы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Лесной кодекс РФ: Федеральный закон РФ от 4 декабря 2006 г. (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.
4. О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04 декабря 2006 г. № 201-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5279.
5. Об утверждении Правил использования лесов для ведения сельского хозяйства и Перечня случаев использования лесов для ведения сельского хозяйства без предоставления лесного участка, с установлением или без установления сервитута, публичного сервитута: Приказ Минприроды России от 02 июля 2020 г. № 40 (ред. от 24 августа 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ (ред. от 24 июля 2007 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 5. — Ст. 610. (документ утратил силу).
7. Шейнин Л. Публичные сервитута / Л. Шейнин // Право и экономика. 2004. — № 8. — С. 76.

Особенности квалификации сделки в качестве крупной

Балдакова Татьяна Евгеньевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Ведерников Алексей Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор рассматривает законодательство о крупных сделках и анализирует судебную практику, выявляя недостатки законодательства.

Ключевые слова: крупные сделки, экстраординарные сделки, обычная хозяйственная деятельность, критерии крупных сделок, хозяйственные общества.

Features of qualifications transactions in quality large

In the article, the author examines the legislation on major transactions and analyzes judicial practice, identifying shortcomings in the legislation.

Keywords: large transactions, extraordinary transactions, ordinary business activities, criteria for large transactions, business entities.

Экстраординарные сделки, или же сделки с заинтересованностью и крупные сделки, занимают в корпоративном российском законодательстве весьма интересную нишу. В данной статье особое внимание будет уделено именно крупным сделкам и сложившейся вокруг них судебной практике. Актуальность данной тематики объясняется несколькими причинами. Во-первых, используемые для крупных сделок категории и понятия являются достаточно новыми для нашего законодательства. Во-вторых, к исследованию подталкивает не до конца оформленное законодательство по данному вопросу, хотя с 2017 года режим правового регулирования подобных сделок был существенно изменен. Однако самым интересным моментом в последнее время можно назвать квалификацию сделки как крупной, поскольку Верховный Суд РФ в 2025 году обобщил судебную практику по данным корпоративным спорам, и некоторые прецеденты обратили на себя особое внимание [4]. Данный вопрос вызывает некоторые дискуссии относительно судебного толкования признаков таковых сделок и также должного законодательного регулирования.

Для начала стоит разъяснить критерии крупной сделки и их характеристику. Но прежде можно кратко охарактеризовать саму их суть: «крупной считается сделка, связанная с приобретением или отчуждением имущества, стоимость которого составляет 25 % и больше от балансовой стоимости активов предприятия» [6]. Это отражает количественный критерий сделки, который отражен в законодательстве. Наряду с количественным, законодатель указывает еще и второй критерий — качественный, который предполагает выход за пределы обычной хозяйственной деятельности. Несмотря на, казалось бы, хорошо описанные в законодательстве категории и их описание, на практике возникли некоторые нюансы. Обсудим законодательные положения в сочетании с судебной прак-

тикой, мнением Верховного суда о применимости данных критериев и мнение научного сообщества.

Для начала обсудим количественный критерий сделки. Он описывается законодателем в статье 78 Федерального закона об «Об акционерных обществах», согласно которой крупной считается сделка «предусматривающая обязанность общества передать имущество во временное владение и (или) пользование либо предоставить третьему лицу право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации на условиях лицензии, если их балансовая стоимость составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату» [1]. Таким образом, закон устанавливает минимальный порог в 25 % балансовой стоимости от общей балансовой стоимости активов организации. Это должно помогать отличить крупные сделки от рядовых, сразу разграничить их по данному признаку. Однако, несмотря на то, что прямо указывается на то, что «для квалификации сделки как крупной необходимо одновременное наличие у сделки на момент ее совершения двух признаков» [3], на практике суды иногда опускают необходимость соблюдения стоимостного критерия.

Так, в деле ООО «Алекс Трейд» Верховный суд утвердил превалирование качественного критерия над количественным [10]. Участник ООО — иностранная компания Osita Investments limited, обратился в суд за защитой своих прав с целью оспорить сделку, утверждая, что данная сделка была совершена директором общества без согласия его участников. Сделка подразумевала под собой внесение недвижимости, а именно — фитнес-центра, в уставной капитал дочернего общества ООО Алекс Трейд, входящего в ООО «Дон-Моторс плюс». Общество Дон-Моторс Плюс провело общее собрание

участников, на котором присутствовал генеральный директор ООО Алекс Трейд. По результатам голосования Алекс Трейд обязалось передать спорное недвижимое имущество Дон-Моторс Плюс для увеличения уставного капитала последней корпорации. По утверждению истца, данная сделка явилась купной для общества. Суд первой инстанции данный иск удовлетворил, апелляционный суд данное решение отменил и в удовлетворении иска отказал. Такую же позицию, как и апелляционный суд, выдержал и кассационный суд. Однако судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ дело пересмотрела и отменила судебные акты, руководствуясь следующим: само регулирование института согласия на совершение крупных сделок призвано для того, чтобы участники общества могли следить за тем, какие сделки совершает общество, затрагивают ли сделки суть хозяйственной деятельности общества. И, конечно же, при рассмотрении сути сделки, необходимо определить, привело или может ли привести затрагиваемая сделка к утрате возможности осуществления деятельности либо же одного или нескольких видов деятельности хозяйственного общества, а также присутствует ли угроза существенного изменения вида или видов деятельности ООО. Тем самым, раскрывая данное дело в обзоре судебной практики на 2025 год [4], законодатель уверяет о приоритетности качественного критерия перед количественным. Как утверждал суд первой инстанции, отмечая ценность спорного комплекса недвижимости, это был уже практически готовый бизнес — полноценный фитнес-центр, отдельный вид хозяйственной деятельности, приносящий прибыль обществу в теории, который был отчужден, что существенно повлияло на деятельность Алекс Трейд. И действительно, с этим сложно не согласиться. Тем более, что встречного предоставления со второй стороны сделки не произошло и доля общества в уставном капитале не увеличилась настолько, чтобы дать большие рычаги воздействия на деятельность основного общества. По нашему мнению, суд первой инстанции был совершенно прав в своей позиции логически, однако не теоретически. Дальнейшие инстанции напомнили о прописанном в законе постулате о 25 процентах балансовой стоимости активов общества, ведь на деле эта цифра оказалась намного меньше — 10 %, тем более что к прекращению деятельности Алекс Трейд сделка не привела и не изменила существенно масштаб деятельности. Также, как отмечалось, это не помешало обществу заниматься своей основной деятельностью по производству бутылок и иных подобных изделий. Также судом рассматривался и вопрос об аффилированности лиц сделки, однако мы не будем подробно останавливаться на этой части, поскольку настоящая работа посвящена в большей части признакам крупной сделки. Подобным описанному явилось дело, в котором сделки об отчуждении исключительных прав на товарные знаки поспособствовали ликвидации юридического лица, при цене этих прав по договорам ниже 25 % балансовой стоимости активов общества [11].

По нашему мнению, данный прецедент с ООО «Алекс Трейд» показывает сложность в определении крупности сделки и некое недопонимание положений закона как со стороны судей, так и со стороны участников хозяйственных обществ. Во-первых, действительно верно подмечено, что в данном случае качественная сторона сделки влияет на общество, хотя некоторые судьи и не были согласны с этим. Однозначно, возможный бизнес приносил бы прибыль обществу и способствовал бы его дальнейшему развитию. Во-вторых, возникают некоторые вопросы, так как вынесение количественного критерия из сделки увеличивает теоретическое число крупных сделок. Таким образом придется в особом порядке согласовывать большее количество сделок и не совсем понятно, где такой порядок необходим, ведь исключительные случаи в законодательстве не прописаны. Общества начнут в особом порядке согласовывать гораздо большее количество сделок чем того требует закон, чтобы обезопасить себя максимально. Хоть это и кажется хорошим способом повысить защиту прав акционеров, мы не считаем, что это хорошо. Конечно, имеются постановления пленума ВС РФ о крупных сделках и обзор судебной практики по данному вопросу, но все же, наша правовая система не подразумевает данные акты в качестве источников права, хотя на современном этапе данный вопрос является отдельным предметом большой дискуссии.

Ряд ученых не считают верным закрепление в законе количественного критерия, а А. А. Маковская и вовсе подвергает критике закрепление сразу двух критериев и считает это искусственным, так как один критерий всегда подразумевает под собой наличие другого [7, с. 50]. Есть и другая точка зрения, предлагающая добавить критерии к двум имеющимся, например, критерий цели [8].

Несмотря на все эти нюансы, мы убеждены, что законодателю необходимо внести в законы о хозяйственных обществах в части крупных сделок и добавить некоторые особенности на подобии описанных выше. Мы считаем, что возможно добавить в статьи прямое указание на возможность наличия только качественного критерия без наличия количественного, при этом как можно подробнее прописав возможные случаи, где это будет необходимо. Целесообразнее будет оставить этот перечень открытым. Потому как именно разная трактовка положений закона судами (одни суды строго придерживались наличия указанных в перечне формальных критериев, другие строили выводы на основах корпоративного законодательства) и вызвала разное разрешение дел судами и затянула процесс. Существующий подход к определению крупных сделок является в нашем понимании слишком формальным.

В связи с вышеперечисленным, возникает вопрос: если сделка может являться крупной и без стоимостного критерия, то может ли сделка без качественного критерия являться крупной? На первый взгляд однозначно нет, поскольку уже признано первоочередное наличие качественного критерия, который к тому же является оценочным. Дело АО «Сельскохозяйственное предприятие «Русь» [9] показывает, что иногда качественный критерий

может и презюмироваться. Акционер требовал в суде возложить на общество обязанность выкупить его пакет акций с указанием на то, что без его согласия на собрании акционеров было одобрено совершение крупных сделок. Суд первой инстанции, апелляционный, кассационный суды в удовлетворении иска отказали. Стоит отметить в деле большое десятикратное превышение денежных обязательств над балансовой стоимостью активов. Следовательно, «При столь существенном превышении количественного критерия, установленного для квалификации крупной сделки подпунктом 2 пункта 1 статьи 78 Закона № 208-ФЗ (в два и более раза), выход одобряемой общим собранием сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности общества предполагается. Следовательно, презюмируется и наличие риска того, что совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов» [4]. Однако, ведь не всегда даже очень большая сумма сделки может повлиять на деятельность общества. И имеет ли место при этом качественный критерий на самом деле не до конца ясно. Обратим внимание на то, что из раннего Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах был исключен пример, касающийся критериев крупной сделки [5]. Ранее пункт напминал о необходимости установления не только качественного, но и количественного критерия. Приводилось в пример дело, где кредитный договор, заключенный с банком, составил 90 % от размера всех активов общества, а потому и не было сомнений в крупной сделке. Так и постановил суд первой инстанции, однако суд кассационной инстанции постановил, что большая сумма сделки не является освобождением от установления качественного критерия сделки, нужно установить, преследовались ли цели прекращения или изменения, существенного изменения масштабов деятельности. Тогда суд не признал такую сделку в качестве крупной, объяснив, что этот договор был заключен для продолжения текущей деятельности, закупки оборудования, а значит серьезно не

повлиял на дальнейшую деятельность хозяйственного общества и оно продолжало свою обычную хозяйственную деятельность. Интересно, что далее по такой позиции суд обосновал иную позицию, хотя и законодательство оставалось прежним. Думается, отмена пункта связана с противоречием пункту в новом обзоре. И все-таки, означает ли отмена данного положения позицию о том, что количественный критерий больше не нужен? Сложно дать ответ, ведь напрямую это нигде не прописано, поэтому стоит придерживаться закона, где признака все-таки два, но уделяя при этом большее внимание качественному критерию. В то же время, для участников обществ потерялась некая «безопасная зона», в пределах которой можно было увериться в обычном характере сделки.

Таким образом, мы проследили развитие разрешения дел касательно крупных сделок и обсудили важность законодательных критериев. В настоящее время развивается судебная практика и суды руководствуются больше практикой, нежели формальным законом, и это можно понять. Неполная определенность критериев, скудность толкования, разрозненность практики и закона, в целом некая отстраненность законодательства об экстраординарных сделках — все это затрудняет решение подобных дел и делает их сложными. Дискуссии относительно необходимости и обоснованности определения крупной сделки в законодательстве и отдельно в практике содержат в себе разные точки зрения, и только совершенствование законодательства может положить им конец. Нельзя опираться только на судебную практику, однако ее влияние невозможно переоценить. Видится необходимым дальнейшая детализация корпоративного законодательства в части четкости критериев крупной сделки, устранения имеющихся противоречий для соблюдения баланса между соблюдением прав акционеров и злоупотреблений в сфере бизнеса. Несмотря на реформирование законодательства крупных сделок в 2017 году, проблемы все еще присутствуют в российском правовом поле. Проблема требует тщательной проработки со стороны юристов и в первую очередь законодателя.

Литература:

1. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, № 248, 29.12.1995.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Российская газета, № 30, 17.02.1998.
3. Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 // Российская газета, № 145, 06.07.2018.
4. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025)
5. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025)
6. Шестакова Е. В. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью. М.: «Право Доступа», 2023.
7. Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ комментариев законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» / А. А. Маковская. — Москва: Статут, 2020. — 375 с (с. 50)

8. Набокин, А. К. Проблемы определения критериев крупности сделки / А. К. Набокин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 19 (361). — С. 224–226.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.07.2024 N 308-ЭС24–2859 по делу N А63–20262/2022// СПС «КонсультантПлюс». — Документ опубликован не был.
10. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24–3124 по делу № А53–16963/2022// СПС «КонсультантПлюс». — Документ опубликован не был.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 N 305-ЭС24–8216 по делу N А41–62370/2021// СПС «КонсультантПлюс». — Документ опубликован не был.

Сравнительно-правовой анализ конституционных обязанностей в РФ, Индии и Германии

Беспавлова Юлия Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Макаров Владислав Олегович, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу конституционных обязанностей в Российской Федерации, Индии и Германии в контексте модернизации юридических технологий. Рассматриваются особенности закрепления и реализации конституционных обязанностей в правовых системах указанных стран. Анализируются современные тенденции в развитии института конституционных обязанностей. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на трансформацию конституционных обязанностей. Предлагаются пути совершенствования юридических технологий в сфере конституционных обязанностей.

Ключевые слова: конституционные обязанности, модернизация, юридические технологии, сравнительно-правовой анализ, Россия, Индия, Германия, цифровизация, правовая система.

Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей является актуальной темой в современном правоведении. В условиях глобализации и цифровой трансформации общества возникает необходимость пересмотра традиционных подходов к пониманию и реализации конституционных обязанностей. Сравнительно-правовой анализ конституционных обязанностей в России, Индии и Германии позволяет выявить общие тенденции и особенности в развитии данного института в различных правовых системах, что способствует выработке эффективных механизмов модернизации юридических технологий в этой сфере. Конституционные обязанности являются неотъемлемой частью правового статуса личности и играют значимую роль в обеспечении баланса между правами граждан и интересами государства. В современных условиях происходит трансформация понимания и реализации конституционных обязанностей под влиянием процессов глобализации и цифровизации.

Как отмечает А. А. Мельшина, конституционные обязанности в России, Германии и Индии имеют ряд общих черт, но также обладают национальной спецификой. В России конституционные обязанности закреплены в главе 2 Конституции РФ и включают в себя, в частности, обязанность платить законно установленные налоги и сборы, защищать Отечество, сохранять природу и окружающую среду [6].

В Германии конституционные обязанности не выделены в отдельную главу Основного закона, но содержатся

в различных его статьях. Основной акцент делается на обязанности соблюдать конституционный порядок, законы и уважать права других лиц. Особое внимание уделяется обязанности родителей по воспитанию детей.

Конституция Индии, будучи одной из самых объемных в мире, содержит развернутый перечень конституционных обязанностей, включая уважение национального флага и гимна, защиту суверенитета и единства страны, сохранение культурного наследия.

С. В. Кабышев подчеркивает важность духа патриотизма при реализации конституционных обязанностей. Он отмечает, что в современных условиях необходимо развивать не только юридические, но и моральные аспекты исполнения конституционных обязанностей [4].

Е. А. Рязанова обращает внимание на особенности закрепления конституционных обязанностей в текстах основных законов. Она отмечает, что в российской Конституции обязанности сформулированы более лаконично по сравнению с Конституцией Индии, что может создавать определенные трудности в их интерпретации и реализации [8].

Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей предполагает использование цифровых инструментов для повышения эффективности их реализации. Например, в России внедряются электронные системы налогового администрирования, что упрощает исполнение обязанности по уплате налогов. В Германии активно развиваются онлайн-платформы для

взаимодействия граждан с государственными органами, что способствует более эффективному исполнению различных конституционных обязанностей.

Индия, в свою очередь, реализует масштабную программу цифровой идентификации граждан (Aadhaar), которая позволяет более эффективно обеспечивать исполнение конституционных обязанностей и предоставление государственных услуг.

Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей также затрагивает вопросы их нормативного закрепления и интерпретации. К. С. Амбарцумян, анализируя конституционно-правовое закрепление обязанностей граждан в зарубежных странах, отмечает тенденцию к более детальной регламентации обязанностей в конституциях некоторых государств [1]. Это связано с усложнением общественных отношений и необходимостью более четкого определения взаимных обязательств государства и граждан. В частности, в Конституции Индии содержится расширенный перечень фундаментальных обязанностей граждан, включающий не только традиционные обязанности (защита страны, уплата налогов), но и такие, как стремление к совершенству во всех сферах деятельности, защита и улучшение природной среды, развитие научного подхода и духа исследования. Такой подход отражает стремление государства к формированию активной гражданской позиции и социальной ответственности граждан. В Германии, несмотря на отсутствие отдельной главы о конституционных обязанностях в Основном законе, их содержание раскрывается через принцип социального государства и концепцию «обязывающего характера основных прав». Это подразумевает, что реализация прав граждан неразрывно связана с исполнением определенных обязанностей перед обществом и государством.

М. В. Саудаханов, исследуя нормативную специфику конституционных обязанностей человека и гражданина, подчеркивает необходимость их четкой формулировки и определения механизмов реализации. Он отмечает, что в условиях цифровизации возникает необходимость адаптации традиционных конституционных обязанностей к новым реалиям информационного общества. Например, обязанность защиты Отечества в современном контексте может включать не только традиционную военную службу, но и участие в обеспечении кибербезопасности государства [9]. Обязанность сохранения природы и окружающей среды может быть расширена до участия в программах по сокращению цифрового следа и ответственного использования информационных технологий.

Одной из актуальных проблем в модернизации юридических технологий является обеспечение баланса между конституционными обязанностями и правом на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. Использование технологий больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга исполнения конституционных обязанностей должно осуществляться с учетом

принципов защиты персональных данных и уважения частной жизни граждан.

В России, Индии и Германии ведутся дискуссии о необходимости закрепления новых конституционных обязанностей, связанных с цифровой средой. Речь идет, в частности, об обязанности граждан по защите своих персональных данных, ответственном поведении в цифровом пространстве, противодействии распространению недостоверной информации. Ключевым элементом модернизации юридических технологий в сфере конституционных обязанностей является развитие механизмов общественного контроля за их исполнением. В этом контексте перспективным направлением является создание цифровых платформ, позволяющих гражданам участвовать в мониторинге и оценке эффективности реализации конституционных обязанностей как со стороны других граждан, так и со стороны государственных органов.

А. М. Цалиев подчеркивает необходимость комплексного подхода к их реализации в современных условиях. Он отмечает, что модернизация юридических технологий должна учитывать не только правовые, но и социальные, экономические и культурные аспекты исполнения конституционных обязанностей [11].

Каждая из рассматриваемых стран имеет свои особенности в подходе к определению и реализации обязанностей граждан. Так, в России акцент делается на сбалансированном сочетании прав и обязанностей, в Индии — на социальной ответственности граждан, а в Германии — на концепции «обязывающего характера основных прав».

Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей предполагает также совершенствование механизмов их реализации. В этом контексте перспективным направлением является использование технологий блокчейн для обеспечения прозрачности и неизменности данных об исполнении конституционных обязанностей. Например, в сфере налогообложения применение блокчейн-технологий может повысить эффективность контроля за исполнением обязанности по уплате налогов и сборов.

О. В. Кабанова, анализируя конституционные обязанности государства и приоритеты политики социальной защиты в зарубежных странах, отмечает взаимосвязь между обязанностями государства и граждан. При исследовании модернизации юридических технологий это означает необходимость развития инструментов взаимодействия между государством и гражданами для более эффективной реализации взаимных обязательств [3].

В Индии, например, реализуется программа «Цифровая Индия», направленная на создание цифровой инфраструктуры, предоставление государственных услуг в электронном виде и повышение цифровой грамотности населения. Это способствует более эффективному исполнению как конституционных обязанностей граждан, так и обязательств государства по обеспечению социальной защиты.

В Германии активно развиваются технологии «электронного правительства», которые позволяют гражданам

более эффективно взаимодействовать с государственными органами в процессе исполнения своих конституционных обязанностей. Это включает в себя онлайн-платформы для подачи налоговых деклараций, регистрации по месту жительства и получения различных государственных услуг.

Россия также движется в направлении цифровизации взаимодействия между государством и гражданами. Развитие портала государственных услуг, внедрение электронного документооборота и создание единых информационных систем в различных сферах государственного управления способствуют более эффективной реализации конституционных обязанностей.

Существенным моментом модернизации юридических технологий в сфере конституционных обязанностей является развитие систем искусственного интеллекта для анализа больших данных и прогнозирования поведения граждан. Однако применение таких технологий должно осуществляться с учетом этических норм и принципов защиты персональных данных.

Н. А. Тарабан рассматривает конституционные обязанности, опираясь на теорию общественного договора, что имеет особое значение при сравнительном анализе правовых систем России, Индии и Германии. Автор подчеркивает, что конституционные обязанности и правоограничения являются неотъемлемыми элементами правового статуса личности и отражают баланс между интересами личности и государства [10]. В рамках модернизации юридических технологий это означает необходимость разработки новых механизмов, обеспечивающих эффективное исполнение конституционных обязанностей при одновременном соблюдении прав и свобод граждан. Например, в России внедрение системы электронного голосования требует не только технологических решений, но и правовых механизмов, гарантирующих соблюдение конституционной обязанности участия в управлении делами государства и права на тайну голосования.

В Индии реализация масштабной программы цифровой идентификации граждан (Aadhaar) также сопряжена с необходимостью баланса между конституционными обязанностями и правами граждан. С одной стороны, эта система способствует более эффективному исполнению обязанностей граждан и предоставлению государственных услуг, с другой — требует тщательного контроля за соблюдением права на неприкосновенность частной жизни.

Германия, с ее развитой системой конституционного контроля, уделяет особое внимание соблюдению принципа пропорциональности при реализации конституционных обязанностей и правоограничений. Это находит отражение в судебной практике Федерального конституционного суда, который неоднократно рассматривал вопросы баланса между обязанностями граждан и их основными правами в период цифровизации.

М. Д. Козлова, анализируя виды конституционных обязанностей человека и гражданина, отмечает необхо-

димость их классификации в условиях современных вызовов. Автор предлагает выделять традиционные конституционные обязанности и новые, связанные с цифровой трансформацией общества. Такой подход имеет практическое значение для модернизации юридических технологий в России, Индии и Германии. К традиционным конституционным обязанностям, общим для рассматриваемых стран, можно отнести обязанность платить налоги, защищать отечество, соблюдать законы [5]. Новые обязанности, связанные с цифровизацией, могут включать ответственное поведение в цифровой среде, защиту персональных данных, участие в электронных формах взаимодействия с государством. В России развитие цифровых технологий приводит к трансформации традиционных конституционных обязанностей. Например, обязанность по уплате налогов теперь тесно связана с использованием электронных систем налогового администрирования, что требует от граждан определенного уровня цифровой грамотности. В Индии реализация конституционных обязанностей все больше опирается на цифровые платформы. Программа «Цифровая Индия» не только облегчает исполнение существующих обязанностей, но и создает предпосылки для формирования новых, связанных с цифровым гражданством. Германия, с ее развитой системой «электронного правительства», также сталкивается с необходимостью адаптации конституционных обязанностей к цифровой реальности. Особое внимание уделяется обязанностям в сфере защиты данных и кибербезопасности.

Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей предполагает не только техническое совершенствование, но и развитие правовой культуры граждан. В этом контексте важную роль играет правовое просвещение и повышение цифровой грамотности населения.

А. В. Мелентьев, А. М. Омарова и В. И. Елинский обращают внимание на проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей. Авторы отмечают, что в условиях цифровизации возникают новые вызовы, связанные с обеспечением исполнения конституционных обязанностей. Это особенно актуально при сравнительном анализе правовых систем России, Индии и Германии [7].

В России одной из ключевых проблем является адаптация традиционных механизмов исполнения конституционных обязанностей к цифровой реальности. Например, реализация обязанности по защите Отечества в современных условиях включает не только традиционную военную службу, но и участие в обеспечении информационной безопасности государства. Это требует разработки новых правовых механизмов и технологических решений.

В Индии, с ее масштабной программой цифровой идентификации граждан, возникают вопросы о соотношении конституционных обязанностей и права на неприкосновенность частной жизни. Использование био-

метрических данных для идентификации граждан при исполнении ими конституционных обязанностей вызывает дискуссии о границах вмешательства государства в частную жизнь.

Германия сталкивается с проблемой обеспечения баланса между эффективностью исполнения конституционных обязанностей и защитой персональных данных граждан. Развитие систем электронного правительства требует тщательного правового регулирования и технологических решений, гарантирующих безопасность личной информации.

М. М. Гулиева и М. Б. Аушева, рассматривая вопрос о конституционных обязанностях человека и гражданина, подчеркивают необходимость их адаптации к современным реалиям. Авторы отмечают, что в условиях глобализации и цифровизации возникает потребность в формировании новых конституционных обязанностей, связанных с ответственным поведением в цифровой среде [2]. Данная потребность характеризуется необходимостью разработки правовых механизмов и технологических решений для реализации таких новых обязанностей. Например, в России обсуждается возможность закрепления конституционной обязанности по защите персональных данных и ответственному поведению в информационном пространстве.

В Индии, где цифровизация государственных услуг идет быстрыми темпами, возникает вопрос о конституционной обязанности граждан по участию в электронном взаимодействии с государством. Это требует не только правового регулирования, но и обеспечения доступа к цифровым технологиям для всех слоев населения.

Германия, с ее развитой системой конституционного контроля, сталкивается с необходимостью интерпретации традиционных конституционных обязанностей в рамках цифровой реальности. Федеральный конституционный суд Германии играет ключевую роль в формировании правовых позиций по этим вопросам.

Мы можем сделать вывод, что модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей в России, Индии и Германии имеет общие тенденции, не-

смотря на различия в правовых системах. Эти тенденции включают:

1. Адаптацию традиционных конституционных обязанностей к цифровой реальности.
2. Формирование новых конституционных обязанностей, связанных с цифровым гражданством.
3. Разработку технологических решений для обеспечения эффективного исполнения конституционных обязанностей при соблюдении прав и свобод граждан.
4. Развитие систем электронного правительства и цифровых платформ для взаимодействия граждан с государством.
5. Повышение цифровой грамотности населения как необходимое условие для исполнения конституционных обязанностей в современном мире.

Таким образом, Россия, Индия и Германия, несмотря на различия в правовых системах, сталкиваются со схожими вызовами в процессе модернизации юридических технологий в сфере конституционных обязанностей. Это создает предпосылки для международного сотрудничества и обмена опытом в данной области. Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей в России, Индии и Германии является комплексным процессом, требующим учета национальных особенностей правовых систем, культурных традиций и современных технологических возможностей. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить общие тенденции и перспективные направления развития в этой области, способствуя обмену опытом и выработке эффективных решений для реализации конституционных обязанностей в условиях цифровой трансформации общества. Модернизация юридических технологий в сфере конституционных обязанностей также должна опираться на развитие правовой культуры, совершенствования законодательства и адаптации государственных институтов к новым реалиям. Успешная реализация этого процесса в России, Индии и Германии будет способствовать укреплению правового статуса личности, повышению эффективности государственного управления и развитию гражданского общества.

Литература:

1. Амбарцумян, К. С. Конституционно-правовое закрепление обязанностей граждан в зарубежных странах // В сборнике: Перспективы развития науки и образования. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Вострцова. — Нефтекамск, 2023. — С. 69–73.
2. Гулиева М. М., Аушева М. Б. К вопросу о конституционных обязанностях человека и гражданина // Научный альманах. — 2022. — № 3–3 (89). — С. 10–12.
3. Кабанова, О. В. Конституционные обязанности государства и приоритеты политики социальной защиты и обеспечения в зарубежных странах // *Russian Studies in Law and Politics*. — 2023. — Т. 7. № 3–2. — С. 33–38.
4. Кабышев С. В. Конституционные обязанности и дух патриотизма: жизненные и научные императивы // *Гражданин. Выборы. Власть*. — 2025. — № 1 (35). — С. 156–162.
5. Козлова, М. Д. Виды конституционных обязанностей человека и гражданина: проблемы классификации // *Национальный вестник Республики Крым*. — 2025. — № 10. — С. 69–74.
6. Мельшина А. А. Конституционные обязанности: понятие и особенности в России, Германии, Индии и Китае // *Тенденции развития науки и образования*. — 2022. — № 90–2. — С. 82–87.

7. Мелентьев А. В., Омарова А. М., Елинский В. И. Проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 2. — С. 138–141.
8. Рязанова Е. А. Закрепление в конституционном тексте прав, свобод и обязанностей человека и гражданина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 2 (74). — С. 71–79.
9. Саудаханов М. В. Нормативная специфика конституционных обязанностей человека и гражданина // Вестник экономической безопасности. — 2024. — № 3. — С. 145–148.
10. Тарабан Н. А. Конституционная обязанность и конституционное правоограничение в структуре правового статуса личности как элемент общественного договора // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 3. — С. 3–7.
11. Цалиев А. М. О конституционных обязанностях человека и гражданина // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. — 2020. — Т. 45. № 2. — С. 345–351.

Проблема понятия предмета договора строительного подряда

Бобкова Алена Андреевна, студент магистратуры
Красноярский государственный аграрный университет

В статье рассматривается проблема понятия договора строительного подряда в гражданском праве Российской Федерации. Автор анализирует действующее законодательство в данной сфере, а именно Гражданский Кодекс РФ, и выявляет проблему понятия предмета на основе договора строительного подряда и на основе проведенного анализа формулирует направления совершенствования законодательства в области рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: предмет, договор, строительство, понятие, подряд, строительный подряд.

The problem of the concept subject of the construction contract

The article discusses the problem of the concept of a construction contract in the civil law of the Russian Federation. The author analyzes the current legislation in this area, namely the Civil Code of the Russian Federation, and identifies the problem of the concept of an object on the basis of a construction contract and, based on the analysis, formulates directions for improving legislation in the field of the problem under consideration.

Keywords: subject, contract, construction, concept, contract, construction contract.

Договор строительного подряда занимает важное место в гражданском праве и строительной деятельности. Он регулирует отношения между заказчиком и подрядчиком, определяя условия выполнения строительных работ, ответственность сторон и порядок расчетов. Однако, несмотря на широкое распространение и значимость, понятие этого договора остается предметом дискуссий и неоднозначных интерпретаций в юридической практике и научных исследованиях.

Исторически понятие договора строительного подряда формировалось под влиянием развития строительной отрасли и изменений в гражданском законодательстве. В советский период регулирование было сосредоточено в рамках специальных строительных нормативных актов, что приводило к размытости понятий и отсутствию единого определения.

История появления договора строительного подряда уходит корнями в глубокую древность, когда люди начали возводить первые сооружения — храмы, дворцы, укрепления. В те времена отношения между заказчи-

ками и строителями носили преимущественно устный характер, основывались на обычаях и традициях, а договоры представляли собой скорее устные соглашения, закрепленные на уровне традиций и доверия. Со временем, с развитием цивилизаций, таких как Египет, Месопотамия, Греция и Рим, начали появляться первые письменные формы договорных отношений, связанных со строительством. Эти документы регулировали основные условия выполнения работ, сроки и оплату, хотя и были довольно простыми по своей форме.

В эпоху индустриализации, особенно в XVIII–XIX веках, ситуация начала меняться. Строительная индустрия быстро росла, появлялись крупные проекты, требующие более четкого правового регулирования. Тогда начали формироваться первые письменные договоры, в которых учитывались вопросы безопасности, качества работ и ответственности сторон. Эти договоры становились более сложными и формализованными, что было необходимо для обеспечения стабильности и предсказуемости в строительной сфере.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, в большинстве стран мира начали создаваться специальные нормативные акты, регулирующие строительную деятельность. В СССР и постсоветских странах развитие законодательства шло по пути закрепления договорных отношений в рамках гражданского права. В этот период сформировалось понятие «договор строительного подряда» как самостоятельной разновидности договора подряда, учитывающей специфику строительных работ — проектирование, строительство, реконструкцию и ремонт. В советский период регулирование строительных договоров осуществлялось через отраслевые нормативные документы, стандарты и инструкции, что позволяло систематизировать отношения между участниками строительного процесса.

После принятия Гражданского кодекса РФ (1994 г.) возникла необходимость адаптировать общие нормы гражданского права к специфике строительных работ. В результате появился термин «договор подряда», который стал использоваться в качестве общего понятия, включающего в себя и строительные работы.

На сегодняшний день в российском праве отсутствует отдельное, четко сформулированное определение договора строительного подряда. В основном, его регламентируют нормы Гражданского кодекса РФ и Градостроительного Кодекса РФ.

Статья 740 ГК РФ определяет договор строительного подряда следующим образом: «По договору строительного подряда одна сторона (подрядчик) обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а другая сторона (заказчик) обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену». По своей юридической природе данный договор, как и договор подряда, разновидностью которого он является, - консенсуальный, двусторонний и возмездный.

Предмет договора — это ключевой элемент, определяющий его действительность. Согласно статье 432 Гражданского кодекса РФ, пункт 1, он относится к существенным условиям любого гражданско-правового соглашения. Иными словами, если предмет договора сформулирован некорректно или неточно, это может привести к тому, что договор будет считаться незаключенным. Как отмечает В. В. Сенечкина: «Важнейшей характеристикой договора является его предмет, который в соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ является существенным условием любого гражданско-правового договора. Следовательно, неправильное или неточное закрепление в договоре предмета может повлечь за собой признание такого договора незаключенным»

Предмет договора строительного подряда — это то, для чего заключается такой договор.

Согласно п. 2 ст. 740 Гражданского кодекса РФ, предметом может быть:

— строительство или реконструкция предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта;

— выполнение монтажных, пусконаладочных и иных работ, неразрывно связанных со строящимся объектом.

Также к предмету договора строительного подряда относятся капитальный ремонт зданий и сооружений, если иное не предусмотрено договором.

Некоторые варианты, которые могут входить в предмет договора:

- возведение объекта с заданными характеристиками;
- осуществление отдельных строительных работ.

Следует подчеркнуть, что законодатель не уточняет содержание данного термина в нормативных актах. В некоторых случаях предмет договора трактуется как деятельность подрядчика, связанная с возведением и передачей объекта строительства [3, с. 75]. Широкое распространение получила теория «сложного предмета», согласно которой предмет договора включает в себя два компонента: работы (процесс их выполнения) и результат работ (материализованный объект) [2, с. 30]. В свою очередь арбитражные суды, характеризуя предмет договора строительного подряда, отмечают такие его элементы, как: содержание, вид и объем подлежащих выполнению работ. Судами общей юрисдикции в качестве предмета договора строительного подряда указываются «строительство» того или иного объекта или строительные работы. Пункт 1 Статьи 740 Гражданского кодекса, гласит: «По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определённый объект либо выполнить иные строительные работы» [1].

Конкретной проблемой является отсутствие пояснения, что именно подразумевает понятие «иных» строительных работ, тем самым не ограничивая предмет договора.

Таким образом, можно говорить о том, что до настоящего времени отсутствует единый подход, как в теории, так и в практике в части понимания предмета договора строительного подряда. Подобное положение в свою очередь порождает проблемы при подготовке и формулировке договоров строительного подряда. Одним из способов разрешения противоречий в подходе к пониманию предмета договора строительного подряда могли бы стать разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, который бы конкретизировал, что под предметом договора строительного подряда стоит понимать определённые строительные работы, по результатам которых возникает определённый строительный объект.

В случае объединения подхода к содержанию предмета договора строительного подряда участникам гражданского оборота, заключающего договоры строительного подряда, было бы гораздо легче разрабатывать и согласовывать.

Это создает правовую неопределенность, поскольку отсутствует единое нормативное определение, что затрудняет применение законодательства и судебную практику.

Проблема определения и понимания договора строительного подряда является одной из наиболее сложных и актуальных в сфере гражданского и строительного права. Глубокий анализ показывает, что проблема понятия договора строительного подряда обусловлена историческими, нормативными и практическими фак-

торами. Ее решение требует системных изменений в правовой базе, что позволит повысить эффективность регулирования строительных отношений, снизить юридические риски и обеспечить более стабильную и предсказуемую деятельность участников строительного рынка.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5.
2. Бежан, А. В. Заключение договора строительного подряда на выгодных условиях / А. В. Бежан, С. А. Киракосян // Юрист. 2014. № 1. С. 28–32.
3. Богачева, Т. В. Договор строительного подряда / Т. В. Богачева // Закон. — 2004. — № 8. С. 74–80.

Актуальные способы использования дебиторской задолженности как средства контроля налоговой оптимизации и распределения имущества организации

Богданова Анжела Геннадьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Эффективность предпринимательской деятельности оценивается по экономическим показателям, которые формируются из фактов хозяйственной жизни экономического субъекта. В данной статье проанализированы способы использования показателя дебиторской задолженности в оптимизации налоговой нагрузки организаций. Дебиторская задолженность рассмотрена как инструмент контроля над распределением имущества организации в рамках правовой процедуры.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, финансовый цикл, бухгалтерский учет, налоговая оптимизация, бизнес-процесс, предпринимательская деятельность, честная конкуренция, фальсификация, юридическая ответственность.

На сегодняшний день обостренная геополитическая обстановка продолжает оказывать давление на внутренние и внешние процессы российского государства. Поддержание обороноспособности государства в условиях военного конфликта на экономическом рынке товаров и услуг увеличивает динамику высокого ценообразования и удорожания кредитов. Для предотвращения негативных последствий данных экономических явлений в текущем году на законодательном уровне вводятся изменения в порядке ведения предпринимательской деятельности, закрепляется новая налоговая система и обновляется имущественная составляющая арбитражной практики. Ввиду этого 2025 год постепенно становится годом формирования новых обычаев делового оборота, происходит обновление способов налоговой оптимизации экономических субъектов, что провоцирует рост экономических преступлений и правонарушений.

Согласно обзору о результатах деятельности за 2024 год, количество выявленных подразделениями органов внутренних дел преступлений экономической направленности тяжких и особо тяжких составов (без нераскрытых по ст. ст. 186, 187 УК РФ) возросло на 4,3 % (2417), совер-

шенных в крупном и особо крупном размерах — на 2,8 % (1787) [8].

Отсюда следует, что увеличивающаяся динамика преступлений экономической направленности характеризует состояние предпринимательского сегмента как финансово нестабильного, в условиях резких изменений рынка. Финансовая нестабильность экономических субъектов способствует появлению новых тенденций управления бизнес-процессами и способов налоговой оптимизации в рамках этих процессов. Она показывает степень адаптации юридических лиц к системе контроля за предпринимательской деятельностью и качество работы осуществляемой контролирующими органами по выявлению экономических преступлений и правонарушений.

Управление бизнес-процессами неразрывно связано с управленческим учетом организации, который в свою очередь оказывает влияние на бухгалтерский и налоговый учеты. Первостепенным выступает отражение фактов хозяйственной жизни в бухгалтерском учете, который лежит в основе управления и налоговой оптимизации. Сведения о фактах хозяйственной жизни экономического субъекта, согласно Федеральному закону от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О

бухгалтерском учете», должны своевременно и полно отражаться в бухгалтерских регистрах учета, на основании которых формируется бухгалтерская отчетность, дающая достоверные представления о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате деятельности и движении денежных средств за отчетный период [5].

Одним из ключевых показателей, которые отражаются в основных формах финансовой отчетности организации и влияют на ее ликвидность, оборачиваемость и размер капитала в определенном финансовом цикле, является дебиторская задолженность. Ввиду того, что дебиторская задолженность отражает финансовое благополучие экономического субъекта, она является инструментом налоговой оптимизации и получения контроля над имуществом организации в момент ее принудительной ликвидации через процедуру банкротства.

Рассмотрим основные способы использования дебиторской задолженности в бизнес-процессах предпринимательской деятельности.

С 2025 года начала действовать новая налоговая реформа, которая изменила порядок исчисления налога на прибыль, порядок действия специальных налоговых режимов в части НДС и установила прогрессивную шкалу НДФЛ. Начиная с этого момента, незаконная налоговая оптимизация стала затруднена, динамика применения законной практики уменьшения налоговой базы прогнозируется как положительная. Согласно данным аудиторской

проверке, средняя сумма дополнительно начисленных налогов на одну результативную выездную проверку организаций по России за 2024 год составила 65 млн руб. По «столичным» компаниям средние доначисленные суммы налогов в 2024 году достигли уже 101 млн руб. Динамика за последние 4 года представлена ниже [3].

Проанализируем причины возникновения налоговых доначислений в ходе проведения выездных проверок компаний.

Одной из основных причин налоговых рисков является искажение в бухгалтерских документах. Искажения приводят к завышению или занижению показателей дебиторской и кредиторской задолженности. Анализируя дебиторскую задолженность, можно обозначить, что это совокупный показатель оборотной рентабельности экономического субъекта, отражающий временно отвлеченные от основного оборота средства намеренно невыплаченные, или же являющиеся определенной формой кредитования покупателя, согласно договору купли-продажи товаров, услуг, работ. Искажение размера дебиторской задолженности, как правило, происходит преднамеренно или непреднамеренно.

В работе Гордеевой А. А. при изучении подходов определения достоверности финансовой отчетности были проанализированы основные классификационные признаки, к которым отнесены: сфера использования, метод регулирования, категория пользователей, предмет учета, содержание определения достоверности. Сравнение и со-

Рис. 1. Средний налоговый чек по итогам выездных проверок компаний [3]

поставление данных классификационных признаков позволило автору разработать модель отнесения видов преднамеренного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности [1].

Применяя данную модель к преднамеренному искажению размера дебиторской задолженности, можно сделать вывод о том, что при помощи умышленного искажения финансовой информации организации в рамках формально законной практики, достигаются финансовые и нефинансовые цели. Формально законная практика искажения дебиторской задолженности, целями которой являются завышения или занижение выручки, скрытие обязательств и расходов осуществляется при помощи вуалирования.

Вуалирование дебиторской задолженности применяется к просроченной дебиторской задолженности. Просроченная задолженность может быть сомнительной и безнадежной. Определение вида осуществляется при помощи инвентаризации активов, которая проводится

в целях эффективного управления бизнес-процессами и контроля товарооборота для определения ликвидности, и оборачиваемости капитала. Разница между двумя видами в том, что сомнительную можно взыскать в досудебном (претензионном порядке) или судебном порядке, либо иным альтернативным методом, а безнадежную нет, так как должник, как правило, проходит процедуру ликвидации через банкротство. Разработка кредитной политики при работе с контрагентами у каждой организации происходит на самостоятельном балансе, как и определение количественно выраженных финансовых коэффициентов, отражающих результат отдельного договора и его влияния на баланс в целом.

Так, например, Касачева О. В. и Удод В. А. в своей статье выделяют ликвидную просроченную задолженность, погашение которой практически достоверно, субнеликвидную, когда контрагент объявлен банкротом и в отношении него начато конкурсное производство, а поддержка исполнения обязательств происходит постоянно,

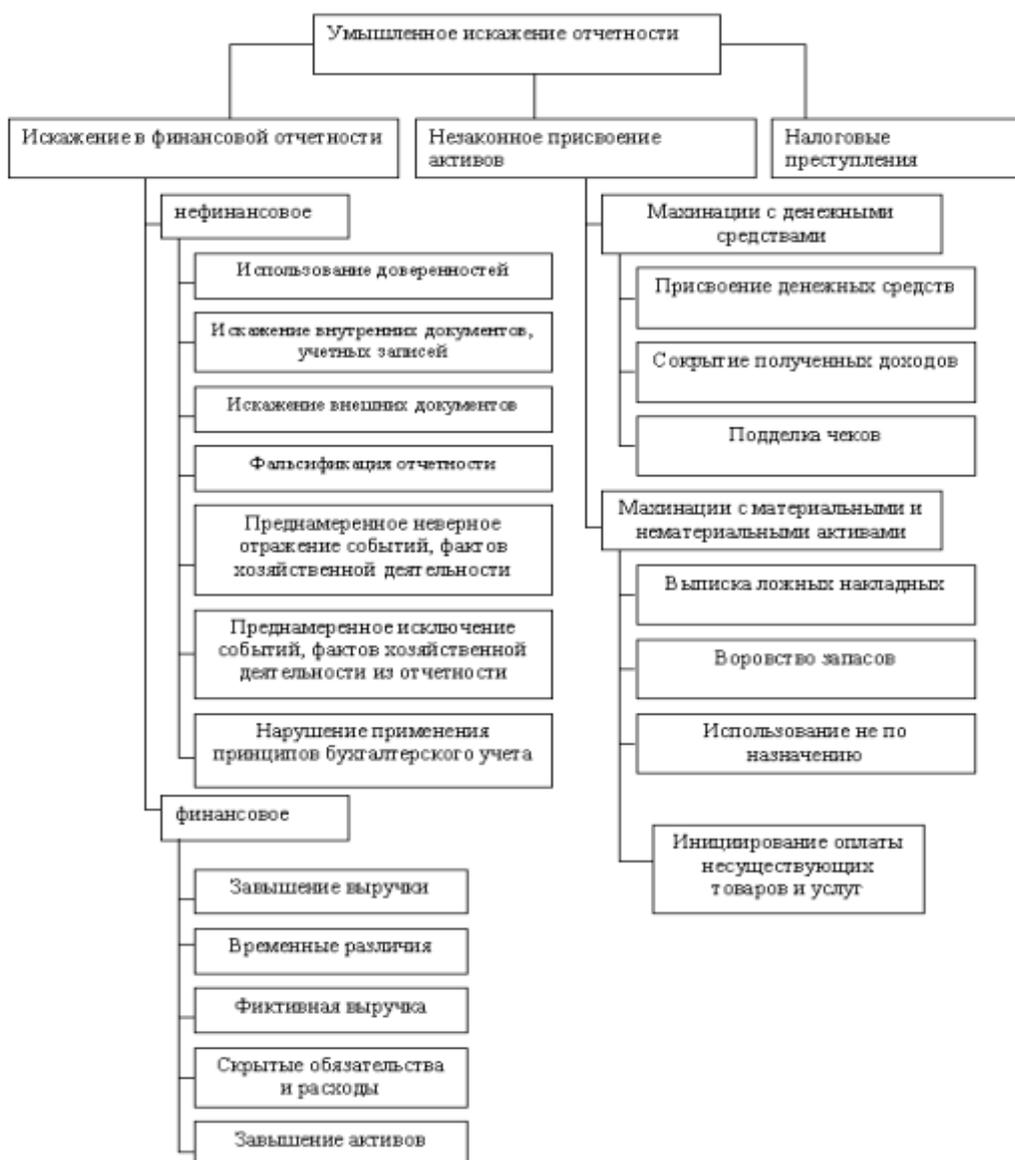

Рис. 2. Модель отнесения видов преднамеренного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности [1]

УС _{дт}	Категория дебиторской задолженности	Нарушение контрагентом сроков исполнения своих обязательств	Реакция системы
> 0%	Текущая	—	—
От -30% до 0%	Просроченная	Допустимое	—
От -100% до -30%	ликвидная	Серьезное	Претензионная работа
От -3 650% до -100%	Просроченная субнеликвидная	Грубое	Судебная работа, расторжение договора, создание резерва по сомнительным долгам, постоянный мониторинг очередности погашения обязательств в случае банкротства контрагента и пр.
Ниже -3 650% и/или внесены в записи в ЕГРЮЛ (ЕГРИП) о ликвидации контрагента	Просроченная неликвидная	—	Вынесение вопроса о списании задолженности как нереальной к взысканию

Рис. 3. Характер дебиторской задолженности

неликвидную просроченную дебиторскую задолженность, когда достоверно установлено, что с истечением срока исковой давности, она не будет погашена [2].

Данная классификация позволяет сформировать кредитный рейтинг должников и оценить последствия кредитного риска, а также разработать реакционные системы организации, которые будут применяться в зависимости от категории дебиторской задолженности.

В отношении сомнительной дебиторской задолженности (ликвидной) ведется претензионная работа, в бухгалтерском учете в соответствии с п. 70 Положения по бухгалтерскому учету, утвержденному приказом Минфина России от 29.07.1998 № 34н должен быть создан резерв по сомнительным долгам, где отражается размер сомнительной дебиторской задолженности. В соответствии с п.4 ст.266 НК в налоговом учете сумма резерва по сомнительным долгам должна составлять не более 10 % от выручки за текущий отчетный период или не более 10 % от выручки за прошедший год [7].

В случае если ликвидная задолженность трансформируется в субнеликвидную или неликвидную (безнадежную), то есть в соответствии со ст. 196 ГК срок исковой давности превысил 3 года, юридическое лицо или ИП признано банкротом или ликвидировано [6], такая задолженность, включая НДС по ней, списывается за счет резерва по сомнительным долгам. Прибыль может быть уменьшена на сумму безнадежной дебиторской задолженности. Использование резерва по сомнительным долгам для уменьшения прибыли на сумму безнадежной дебиторской задолженности, при отсутствии оснований для квалификации дебиторской задолженности как безнадежной, является вуалированием баланса.

Преднамеренное искажение дебиторской задолженности может осуществляться фальсификацией документов. В этом случае происходит уголовно-правовая квалификация экономического преступления по разделу 8 главе 22 УК РФ. Степень общественной опасности некоторых деяний не исключает законодательной корректи-

ровки их противоправности, предполагающей допустимости преобразования состава уголовного преступления в гражданско-правовой деликт или административное правонарушение, и наоборот.

Квалифицировать фальсификацию документов в отношении дебиторской задолженности можно при наличии множественности процедур банкротства, мнимых сделок с высокими процентными ставками и экономически необоснованными для делового интереса. Использование мнимых сделок влечет формирование фиктивной дебиторской задолженности, которая нарушает права добросовестных кредиторов, в случае неплатежеспособности и конкуренции кредиторов при распределении имущества конкурсной массы в процедуре банкротства.

Дебиторская задолженность используется в качестве инструмента получения контроля над распределением имущества организации, при помощи создания фиктивной задолженности между аффилированными лицами. В этом случае интерес должника и контролирующих лиц связан с ликвидацией долга при максимальном сохранении активов. При формировании реестра требований происходит блокировка преобладающим числом голосов, бенефициары получают контроль над распределением имущественной массы должника. Данная схема в порядке ведения дел в предпринимательском сегменте приобрела законную практику, но выявление контролирующими органами фиктивного порядка реализации имущества организации, при помощи фиктивной дебиторской задолженности через аффилированных лиц, является основанием вменения субсидиарной ответственности должностным лицам, ввиду наличия гражданско-правового деликта.

В заключении, можно отметить, что геополитическая обстановка продолжает оказывать давление на внутренние и внешние процессы российского государства, что является главным фактором преобразований экономического рынка товаров и услуг, в рамках осуществления предпринимательской деятельности. Ввиду адаптации предпринимательского сегмента к нововведе-

ниям 2025 года, наблюдается рост экономических правонарушений и преступлений, которые связаны с минимизацией налоговых рисков. Одним из инструментов налоговой оптимизации является дебиторская задолженность, которая отражает финансовое благополучие экономического субъекта. Основной причиной налоговых доначислений является искажение размера дебиторской задолженности. При помощи умышленного искажения финансовой информации организации достигаются финансовые и нефинансовые цели. Одной из которой является завышение или занижение выручки для оптимизации налогов организации и контроля распределения активов экономического субъекта в процедуре банкрот-

ства. В первом случае, используется просроченная сомнительная дебиторская задолженность, во втором просроченная безнадежная дебиторская задолженность. Преднамеренное искажение дебиторской задолженности может осуществляться фальсификацией документов. В этом случае происходит уголовно-правовая квалификация экономического преступления по разделу 8 главе 22 УК РФ. Выявление контролирующими органами фиктивного порядка реализации имущества организации, при помощи фиктивной дебиторской задолженности через аффилированных лиц, является основанием вменения субсидиарной ответственности должностным лицам, ввиду наличия гражданско-правового деликта.

Литература:

1. Гордеева А. А. Методика выявления искажений в бухгалтерской (финансовой) отчетности: специальность 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук Гордеевой Александры Александровны; ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления». — Москва, 2014. — 26 с.
2. Касачева О. В. Просроченная дебиторская задолженность организации: анализ качества, пути предупреждения и урегулирования / Касачева О. В., Удод В. А. // Финансы и кредит. — 2018. — С.833–844.
3. Налоговый контроль в цифрах и фактах. Статистика ФНС и бюджета 2024–2025 [Электронный ресурс]: Правовой аудит. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh/>.
4. Приказ Минфина России от 29.07.1998 N 34н: [Зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 27 августа 1998г Регистрационный N 1598]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081/.
5. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ: [Принят Государственной Думой 22 ноября 2011 года; одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 года]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/.
6. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ: [Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
7. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ: [Принят Государственной Думой 16 июля 1998 года; одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
8. Статистика и обзоры о результатах деятельности «Обзор о результатах деятельности за 2024 год» [Электронный ресурс]: Главное управление МВД России по Московской области. URL: <https://50.mvd.rf/DEJATELNOST/statistika-i-rezultaty-deyatelnosti/obzory-o-rezultataх-deyatelnosti/obzor-o-rezultataх-deyatelnosti-za-2024>.

Методы прокурорского реагирования при осуществлении надзора за субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также проблемы, с которыми сталкиваются прокуроры при проведении данного надзора

Божков Валерий Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Шишков Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент
Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В представленной работе рассматриваются актуальные вопросы прокурорского надзора за субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Особое внимание уделяется анализу методов прокурорского реагирования в данной сфере, их эффективности и практической реализации. В статье подробно рассматриваются существующие формы прокурорского реагирования, такие как: представление, постановление, предупреждение и другие

процессуальные документы. Описывается применения каждого метода в контексте специфики оперативно-розыскной деятельности. Заключительная часть работы посвящена анализу проблем, с которыми сталкиваются прокуроры при осуществлении надзорной деятельности. Исследование базируется на анализе действующего законодательства, судебной практики и научных работ в данной области. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов для повышения эффективности прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью и совершенствования правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: прокурор, оперативно-розыскные мероприятия, надзор, прокурорский надзор, методы реагирования, проблемы надзора, правоохранительные органы.

Methods of prosecutorial response in the supervision of entities engaged in operational investigative activities, as well as the problems faced by prosecutors during this supervision

Bozhkov Valery Dmitriyevich, student

Scientific advisor: Shishkov Andrey Albertovich, candidate of law sciences, associate professor
State University «Dubna» (Moscow region)

The presented work examines current issues of prosecutorial supervision of entities engaged in operational investigative activities. Special attention is paid to the analysis of methods of prosecutorial response in this area, their effectiveness and practical implementation. The article examines in detail the existing forms of prosecutorial response, such as: presentation, resolution, warning and other procedural documents. The application of each method is described in the context of the specifics of operational investigative activities. The final part of the paper is devoted to the analysis of the problems faced by prosecutors in the implementation of supervisory activities. The research is based on an analysis of current legislation, judicial practice and scientific papers in this field. The practical significance of the work lies in the possibility of using its results to increase the effectiveness of prosecutorial supervision of operational investigative activities and improve the legal framework in this area.

Keywords: prosecutor, operational investigative measures, supervision, prosecutorial supervision, response methods, surveillance problems, law enforcement agencies.

Введение

В правовой системе России главенствующую роль играет конституция, устанавливающая фундаментальные права и свободы граждан, как основополагающую ценность. Государственное обязательство по защите и соблюдению легло в основу новой системы правового регулирования.

В сфере уголовного права надзорные функции прокуратуры охватывают весь процесс уголовного преследования - от первичной проверки материалов происшествия до судебного разбирательства и вынесения приговора. Трансформация института прокурорского надзора происходила параллельно с изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве. Судебная власть осуществляет контроль над прокурорскими решениями, при этом прокуратура участвует в надзоре за другими участниками процесса при рассмотрении различных обращений, поскольку в предмет судебного контроля входят не только решения, облаченные в процессуальную форму, но и любые действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования, ведомственного контроля и прокурорского надзора. Система прокурорского надзора в области оперативно-розыскной деятельности была создана сравнительно недавно. Исключительное право на одобрение оперативно-розыскных мероприятий, затраги-

вающих конституционные права граждан, принадлежит судебной власти. При этом невозможность обжалования судебных решений гражданами возлагает на прокуратуру дополнительную ответственность за законность принятых судом решений. На сегодняшний день существуют различные точки зрения, касающиеся прокурорского надзора за исполнением законов субъектами оперативно-розыскной деятельности и в своей статье я изложу свой взгляд на данный вид надзора.

Основная часть

Прежде чем перейти к описанию методов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за субъектами, осуществляющими ОРМ, предлагаю рассмотреть процесс становления и развития истории контроля за соблюдением законов в сфере оперативно-розыскной деятельности. Она тесно связана с развитием сыска в России и сопровождался принятием законодательных актов, которые определяли правила и методы работы специальных служб, а также устанавливали критерии законности их действий.

В первые годы развития сыска, начиная с 1860-х годов, вопросы прокурорского контроля практически не находили отражения в законодательстве. Это было связано с тем, что правовая система только начинала формиро-

ваться, а специальные органы вроде Тайной канцелярии и Третьего отделения подчинялись напрямую императору и не нуждались в дополнительном надзоре. Значительным шагом вперед стали реформы 1862 и 1880 годов. К концу 19 века сформировалась целая система правовых норм, регулирующих уголовное преследование и организацию сыска. Это привело к необходимости создания механизмов контроля за их исполнением. Судебные уставы 1864 года кардинально изменили роль прокуратуры. Из простого надзорного органа она превратилась в структуру, осуществляющую уголовное преследование, получив полномочия контролировать работу полиции и органов дознания.

Как отмечает известный юрист А. Ф. Кони, именно после принятия Судебных уставов судебная практика и наука начали развиваться в тесной взаимосвязи. Прокурорский надзор того времени охватывал как предварительное расследование, так и собственно сыскные мероприятия. Важным этапом стало принятие в 1908г. закона «Об организации сыска», который не только упорядочил работу уголовного сыска, но и создал основу для новой отрасли права - оперативно-розыскного права. Прокуроры получили дополнительные полномочия, включая право давать полиции конкретные поручения по проведению розыскных мероприятий.

С приходом советской власти система оперативно-розыскной деятельности полностью изменилась. В период становления нового государства контроль за законностью методов работы спецслужб отошел на второй план. Главным считались интересы революции и классовая борьба. Несмотря на отсутствие традиционных форм контроля, оперативно-розыскная деятельность не оставалась полностью без надзора. Его осуществляли различные органы: рабоче-крестьянская инспекция, народный комиссариат юстиции и местные Советы.

Особенность того времени заключалась в том, что функции исполнения законов и их контроля не разделялись - Советы объединяли в своих руках законодательную власть, контроль за исполнением законов и непосредственное их применение через своих членов. Изменения в работе прокуратуры того времени произошли в конце 70-х годов. Был издан закон о прокуратуре в СССР, отдельные статьи которого предназначались под нормы, регулирующие надзор за оперативно-розыскной деятельностью.

Прокурор теперь имел право поручать органам дознания исполнение постановлений о розыске лиц, а также давать указания о принятии необходимых мер для раскрытия преступлений и обнаружения лиц, их совершивших, по делам, находящимся в производстве прокурора или следователя прокуратуры. Переходный период в России (1985–1993 гг.) серьезно ослабил систему правового контроля и прокурорского надзора за деятельностью правоохранительных органов, что потребовало масштабного реформирования правовой системы.

Ключевым документом стала Концепция судебной реформы, представленная президентом РСФСР в ок-

тябре 1991 года и одобренная Верховным Советом. Согласно концепции, реформа предполагала не только изменение судебной системы, но и трансформацию работы правоохранительных органов, включая предварительное расследование, прокурорский надзор и оперативно-розыскную деятельность.

Исторический анализ развития прокурорского надзора в дореволюционный, советский и современный периоды позволяет сделать следующие выводы: исторически сложилось, что надзор за негласной деятельностью правоохранительных органов всегда требовал особого правового регулирования. В советский период это регулирование было закреплено на законодательном уровне, а в современной России сформировалась специальная отрасль прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью. До 2007 года прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью сочетался с функцией уголовного преследования.

Хотя такая модель доказала свою работоспособность, она создавала определенные сложности с обеспечением объективности надзора и определением места прокуратуры в системе органов власти. Длительные споры о роли прокуратуры как органа, совмещающего надзорные и обвинительные функции, начавшиеся еще в дореволюционный период, продолжаются и сегодня, влияя на понимание природы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью.

Рассмотрев становление правоохранительных органов, представленных уголовным розыском и органов прокуратуры перейду к исследованию методик прокурорского надзора при проведении проверок по законности и документированию оперативно-розыскных мероприятий. Законодательными актами Российской Федерации, приказами и указаниями Генерального прокурора Российской Федерации периодичность проведения прокурорских проверок в сфере ОРД не установлена.

Однако правоприменительной практикой выработана определенная система их проведения. Проверки условно можно подразделить: на плановые, проводимые в связи с поступившей в прокуратуру информацией (заявление, жалоба или иное обращение граждан и организаций) о нарушениях закона органом, осуществляющим ОРД, проводимые по инициативе уполномоченного прокурора по мере необходимости, проводимые по заданию вышестоящего прокурора (органа прокуратуры).

При этом в соответствии с требованиями Генерального прокурора Российской Федерации (п. 5 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33) проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности необходимо проводить:

- по обращениям граждан, юридических и должностных лиц,
- по результатам изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях или при поступлении информации о ненадлежащем исполнении поручения сле-

дователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам и материалам проверки сообщения о преступлении или решения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве, а также в связи с ненадлежащим исполнением требований уполномоченного прокурора, в плановом порядке, в том числе по указанию вышестоящего уполномоченного прокурора,

– в других случаях с учетом состояния законности в этой сфере деятельности и отсутствия положительных результатов в работе по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений,

– при раскрытии преступлений, розыске обвиняемых или подозреваемых по уголовным делам и лиц, без вести пропавших.

Проверки проводятся с определенной периодичностью и могут быть плановыми и внеплановыми. На их регулярность влияет специфика проверяемой области, уровень соблюдения правовых норм и иные обстоятельства. Порядок проведения прокурором проверки, а также действий прокурора перед проверкой прописан в методических рекомендациях и задокументирован в нормативно-правовых актах Генеральной прокуратуры.

Получение каждого конкретного дела оперативного учета, оперативно-розыскных материалов, другого оперативно-служебного документа с грифом секретности уполномоченный прокурор фиксирует путем соответствующей отметки на сопроводительном документе либо во внутренней описи (ином документе) проверяемого органа, с указанием даты и времени получения, количества томов и листов ДООУ (материалов, документа), своей фамилии; заверяется отметка подписью.

Возвращение прокурором каждого изученного ДООУ фиксируется соответствующей записью (в специальной внутренней описи либо на ином документе) с указанием реквизитов ДООУ (номера и условного наименования, если оно имеется), количества томов и листов ДООУ, фамилии лица, которому оно возвращается, даты и времени. Запись должна быть заверена подписью сотрудника, которому возвращается ДООУ, а также подписью уполномоченного прокурора.

По результатам проведенной проверки уполномоченным прокурором с соблюдением правил секретного делопроизводства составляется соответствующая справка, в которой указываются выявленные нарушения закона, принятые в соответствии с законом и иными нормативными правовыми актами меры, а также предложения по устранению этих нарушений, причин и условий, им способствующих.

В зависимости от характера нарушений и согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 кроме справки уполномоченный прокурор готовит проекты предусмотренных законом соответствующих актов прокурорского реагирования (представление, протест, предостережение, постановление), а также требования об устранении нарушений закона.

В ходе осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью выявлены типичные нарушения, совершаемые оперативными работниками при реализации ОРМ, согласно материалам Генеральной прокуратуры РФ:

– поверхностное и хаотичное планирование мероприятий, которые часто проводятся частично или не осуществляются вовсе,

– несоответствие проводимых ОРМ задачам и целям оперативно-розыскной деятельности,

– нарушения в процессе согласования и оформления ОРМ, а также ущемление конституционных прав граждан,

– осуществление ОРМ без достаточных оснований, включая провокационные действия со стороны оперативников,

– недостаточный ведомственный контроль за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий.

ОРМ могут проводиться как в рамках уже заведенных дел, так и до их открытия при необходимости срочных мер по предотвращению преступлений. Основные нарушения при ведении дел оперативного учета: незаконное открытие дел, игнорирование сроков заведения обязательных дел, поверхностное планирование и иные. При проверке законности оперативно-розыскной деятельности необходимо: подготовить специальное предписание, предъявить его руководителю ОРО, после проверки передать предписание в подразделение по охране гостайны. Отказ в предоставлении документов рассматривается как неповиновение требованиям прокурора.

Проблема методов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за субъектами, осуществляющими ОРМ

Представление прокурора должно применяться в виде завершающего акта, такой итоговый документ, когда иные возможности реагирования уже исчерпаны. Причем представление не способно оперативно влиять на ситуацию в поднадзорных органах, так как его рассмотрение, обычно сопровождающееся проведением служебной проверки, и принятие необходимых мер, как правило, уходит минимум месяц. Оно не может быть эффективным в то время, когда, скажем, необходимо обязать соответствующий орган незамедлительно провести те или иные оперативно-розыскные мероприятия.

Кроме того, представления прокурора далеко не всегда рассматриваются надлежащим образом, не всегда принимаются действенные меры по устранению нарушений, не всегда наказываются виновные лица. Нередко руководители ОРО ограничиваются сообщением о его рассмотрении на оперативном совещании, а виновные в нарушениях не наказываются, так как уже были наказаны ранее за аналогичные нарушения.

Продолжая рассматривать меры прокурорского реагирования, перейду к следующему «рычагу» прокурора и рассмотрю, чем отличается протест от представления.

В системе прокурорского реагирования протест отличается от представления тем, что направлен не на пресечение неправомерных действий должностных лиц, а на отмену незаконных правовых актов, которые они принимают. Законодательная база, регламентирующая использование протеста, содержится в общих положениях Федерального закона о прокуратуре (статьи 23 и 28).

Практика показывает, что протест может быть направлен как против незаконных нормативных актов, так и против индивидуальных правовых решений. В сфере надзора за оперативно-розыскной деятельностью это особенно актуально при оспаривании неправомерных решений органов, осуществляющих ОРД, например, при незаконном открытии или закрытии дел оперативного учета.

Важное преимущество протеста — его оперативность в противодействии незаконным решениям поднадзорных органов, которые обычно оформляются постановлениями или распоряжениями. В контексте надзора за ОРД протест может быть использован для оспаривания решений: о заведении, приостановлении или закрытии дел оперативного учета, о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Для превентивного воздействия на возможные правонарушения закон предусматривает возможность вынесения предостережения. Этот инструмент применяется исключительно для предотвращения готовящихся противоправных действий и адресуется конкретному должностному лицу. Основанием для вынесения предостережения служат достоверные данные о планируемых противоправных деяниях, которые могут нанести ущерб государственным или общественным интересам, правам и свободам граждан (не влекущим уголовной ответственности).

Несмотря на ограниченный характер применения, предостережение остается важным инструментом прокурорского надзора, особенно в случаях, когда его использование может предотвратить потенциальные нарушения законности со стороны сотрудников правоохранительных органов. При выявлении признаков уголовно наказуемых деяний в действиях должностных лиц оперативной службы прокурор обязан направить материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Данная процедура регламентируется положениями Уголовно-процессуального кодекса и дополнительными разъяснениями Генеральной прокуратуры.

Изучив методы прокурорского надзора за субъектами, осуществляющими ОРД, предлагаю выделить ряд проблем, сформированных на основе анализа собранного и описанного выше материала. Существенным нормативным пробелом является вопрос о прокурорском надзоре за вынесением судебных решений о разрешении (отказе в разрешении) проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Законодательно не определён процессуальный порядок, в рамках которого подлежит рассмотрению судом поступившее в порядке ст. 9 ФЗ «об ОРД» ходатайство

о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, а, следовательно, и какими процессуальными правами и обязанностями должны обладать суд и участвующие стороны.

В настоящий момент в ФЗ «Об ОРД» существует «особенность», заключающаяся в присутствии на заседании только одной стороны — заявителя, подавшего данное ходатайство. ФЗ «Об ОРД» и иные нормативно-правовые акты не предусматривают участие прокурора в данном заседании, на по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Судьи рассматривают вопросы оперативно-розыскной деятельности самостоятельно, без коллегии. Прокурорский надзор в этой сфере имеет существенные ограничения: он осуществляется уже после проведения ОРМ, когда возможные нарушения закона уже произошли. Что может привести к нанесению как материального, так и морального ущерба гражданам. Даже если прокурор выявляет нарушения и принимает меры реагирования, это не решает вопрос компенсации ущерба — такие дела должны рассматриваться в суде.

Проблема осложняется тем, что отсутствует единая практика участия прокурора в таких делах: одни суды привлекают прокурора к рассмотрению, другие обходятся без его участия. Особую озабоченность вызывает недостаточная правовая регламентация надзорных полномочий прокуроров в сфере ОРД. Существующее законодательство не предоставляет прокурору достаточно инструментов для эффективного контроля за соблюдением законов в этой области, что создает существенные препятствия для защиты прав граждан и обеспечения законности в оперативно-розыскной деятельности. Законодательная база, регулирующая полномочия прокурора в сфере оперативно-розыскной деятельности, имеет существенные пробелы.

Хотя закон о прокуратуре предусматривает установление полномочий прокурора федеральным законодательством. Уголовно-процессуальный кодекс не содержит норм о прокурорском надзоре в этой области. Федеральный закон «Об ОРД» лишь частично определяет полномочия прокурора, ограничиваясь перечнем документов для проверки, но не раскрывая механизмы выявления нарушений и способы реагирования на них.

Дополнительные полномочия прописаны только в ведомственных приказах. В результате прокурор оказывается не в состоянии эффективно влиять на качество работы оперативно-розыскных органов, особенно в случаях волокиты или полного бездействия. Ответственность за ненадлежащее реагирование на нарушения не подкрепляется достаточным правовым механизмом.

Выступая как надзирающий орган, прокурор имеет право влиять на работу поднадзорных органов путем применения мер реагирования, имеющих оперативный

характер. Действующим законодательством право дачи письменных указаний по делам оперативного учета, в том числе и розыскным делам, уполномоченному прокурору не представлено. Уполномоченный прокурор не наделен правом самостоятельной отмены незаконных и необоснованных решений органов, осуществляющих ОРД.

Для устранения нарушений, связанных с принятием незаконных и необоснованных решений, прокурор осуществляет их опротестование. На практике масса нарушений закона связана с процедурой оформления и ведения дел оперативного учета. Существующая система не предусматривает обязательного согласования с органами прокуратуры при открытии и закрытии таких дел, более того, прокурорский надзор лишен возможности получать информацию об этих процедурах. Законодательством

также не предусмотрено право прокурора давать прямые указания о необходимости заведения дела оперативного учета, даже если в ходе проверки выявляются явные нарушения законности.

Для решения данной проблемы моими коллегами юристами и учеными-правоведами выдвигаются следующие идеи по усилению контрольных функций прокуратуры путем внедрения регулярной практики всеобъемлющих проверок дел оперативного учета. Такой подход позволит: минимизировать факты необоснованного открытия и закрытия ДОУ, обеспечить соблюдение регламентированных сроков заведения дел; предотвратить возможные злоупотребления при проведении оперативно-розыскных мероприятий, повысить общий уровень законности в сфере ОРД.

Литература:

1. Библиотечная система государственного университета Дубна –URL: <http://lib.uni-dubna.ru/bibleweb/index.asp>.
2. Ергашев Е. Р., Асоян К. А. О современных проблемах представления, применяемого при осуществлении надзорной функции прокуратуры / Е. Р. Ергашев, К. А. Асоян // Российское право: образование, практика, наука. — 2022. — № 4. — С. 101–107. EDN: SWMNAAG
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 06.10.2022
4. Методика и тактика проведения прокурорской проверки: учебное пособие / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Н. В. Кулик, И. И. Головкин, Е. А. Бурмистрова, Г. В. Дытченко, Д. М. Плугарь, К. А. Чулкинов; под ред. О. Н. Коршуновой. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. — 240 с.
5. Никитин Е. Л. Акты и меры прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2018. — № 11. — С. 357–363. EDN: WCEBYR.
6. Никитин Е. Л. Основы теории оперативно-розыскной деятельности и прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Е. Л. Никитин, Г. В. Дытченко. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 156 с.
7. Никитин Е. Л. Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие / Е. Л. Никитин, Г. В. Дытченко. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 279 с.
8. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров; под общей редакцией А. Ю. Винокурова. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 380 с.
9. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. — М.: Изд-во КноРус, 2019. — 268 с.
10. СПС «КонсультантПлюс» — URL: <http://www.consultant.ru>
11. СПС Гарант — URL: <http://www.garant.ru/>.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 г. № 63 //Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст.4921.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249.
14. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 768 с.
15. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 14.08.1995. — № 33. — Ст. 3349.
16. Электронная библиотека ЮРАЙТ — URL: <https://biblio-online.ru/>.
17. Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн»: www.biblioclub.ru.

Способы совершения коммерческого подкупа

Бурякова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Проведенный анализ официальной статистики совершенных преступлений за период с января по декабрь 2024 года, опубликованной на официальном сайте МВД России, указал на совершение за весь период 30184 преступлений коррупционной направленности, из них 16993 преступлений, квалифицированных по статье о взяточничестве, и 2039 — о коммерческом подкупе [1]. Для наилучшего понимания динамики совершения данного вида преступлений сравним данные показатели со статистическими данными за период с января по декабрь 2023 года. Из приведенных данных следует, что в целом выявлено 26851 актов коррупции, из них 13873 преступлений, квалифицированных как взятка и 1571 — как коммерческий подкуп [2]. Сравнительный анализ приведенных цифр указывает на отрицательный рост динамики совершения коррупционных преступлений, что еще раз подчеркивает актуальность настоящего исследования. В дополнение отметим, что латентный характер коррупции значительно препятствует определению правоохранительными органами точного количества совершенных преступлений, потому что цифры, приведенные в отчетах МВД, не отражают реального количества совершенных преступлений.

Для текущей модели криминалистической характеристики коммерческого подкупа, как неотъемлемой части методики расследования любого преступления, характерно включение следующих элементов: способ совершения преступного деяния; личность преступника; обстановка совершения уголовно-наказуемого деяния; время совершения преступления.

В рамках текущего исследования нас интересуют способы совершения коммерческого подкупа.

Многими авторами, в частности Д. Е. Латышкиной, отмечается некоторая несостоятельность научной среды в выработке единой классификации способов совершения коммерческого подкупа. Отсутствие единого подхода в данном случае усложняет процесс усвоения, а в последующем и практическое применение знаний субъектов расследования при реализации следственных действий, направленных на раскрытие рассматриваемого коррупционного преступления [3, с. 156]. Автор детально анализирует диспозицию основного состава преступления, содержащегося в рамках статьи 204 УК РФ, опирается в ходе своего размышления на мнение Л. И. Слепневой, справедливо отмечающей, что при разновидностях коррупционных преступлений, в том числе взяточничества, способ совершения преступления зависит от служебных обязанностей взяточполучателя; наличия или отсутствия воздействия на лицо, совершающее подкуп (например, вымогательство), а также от конкретной формы передачи предмета подкупа. Автор считает приведенную по-

зицию Л. И. Слепневой применимой и для коммерческого подкупа, утверждает, что для завершения единой классификации необходимым является отражение в ней преждевременного сговора между субъектами преступления [3, с. 157].

Главным образом, исходя из положений основного состава, в понятие «способ передачи коммерческого подкупа» следует включать активные действия как лица, стремящегося передать незаконное вознаграждение, так и подкупаемого лица, потенциально способного принять незаконное вознаграждение, направленные на поиск соответствующего субъекта для такой передачи. Дающий подкуп ищет лицо с соответствующими полномочиями для последующей передачи незаконного вознаграждения с целью реализовать собственные потребности более доступным, на его взгляд, противозаконным образом. Получатель, как незаконный контрагент, принимает условия «сделки» за незаконную награду. Далее между ними устанавливается контакт, обсуждаются условия передачи предмета подкупа, место и время.

Из диспозиции статьи 204 видно, что основными способами совершения подкупа является дача и получение подкупа. Данные способы могут осложняться фактом предварительного сговора группой лиц, когда два и более лица взаимно заинтересованы в получении личной выгоды, вымогательством, а также наличием посредников.

Судебной практике известно множество таких примеров. Так председатель ТСЖ «АБВ», имея преступный умысел на получение незаконного вознаграждения, осознав зависимость своего контрагента А из ООО «ТД» от заключенной с ним сделки, угрожал ему ее расторжением в случае, если последний не будет выплачивать в пользу упомянутого председателя дополнительную денежную сумму, гарантирующую, что договор будет продлеваться без последующего прекращения. Вымогательство и шантаж, представленные в данной ситуации являются примером коммерческого подкупа. Таким образом, председатель ТСЖ был осужден по п. «б», ч.7, ст.204 УК РФ [4].

Еще одним способом совершения коммерческого подкупа является практика привлечения посредника для передачи предмета подкупа.

Статья 204 УК РФ, устанавливающая ответственность за коммерческий подкуп, не ограничивает величину предмета коммерческого подкупа каким-либо минимальным размером. Такой размер (значительный, крупный или особо крупный) учитывается только в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления. В то же время, исходя из диспозиции статьи 204.1 УК РФ, посредничество в коммерческом подкупе может иметь место только в тех случаях, когда размер предмета коммерческого

подкупа (незаконного вознаграждения) является значительным (то есть более 25 тыс. руб.), крупным (более 150 тыс. руб.) или особо крупным (более 1 млн. руб.). Соответственно, неопределённым с научной и практической точки зрения является вопрос о квалификации посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тысяч рублей.

Совершение коммерческого подкупа в ходе предварительного сговора группой лиц — явление не частое, но также имеет место в рамках судебной практики.

Так, исполнительный директор строительного предприятия З. с помощью посредника, бывшего сотрудника Дмитрия, путем вымогательства стремился получить 450 тысяч рублей от финансового директора ООО «Л» за подписание несоответствующего действительности акта. В ходе оперативного эксперимента были переданы деньги и оба фигуранта (исполнительный директор и посредник) были привлечены к ответственности [5].

Уголовный кодекс также предусматривает наказание за предложение или готовность передать подкуп, что отражено в п. 4 статьи 204.1 УК РФ, хотя случаи привлечения к уголовной ответственности по данной статье редки.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Латышкина Д. Е. Проблемы классификации способов совершения коммерческого подкупа // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 2–2.
4. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова № 1–11/2024 1–58/2023 1–624/2022 от 26 января 2024 г. по делу № 1–11/2024 // <https://sudact.ru/regular/doc/>.
5. Решение Шарыповского городской суд Красноярского края № 2А-1355/2023 2А-1355/2023~М-1115/2023 М-1115/2023 от 7 декабря 2023 г. по делу № 2А-1355/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/>.
6. Верченко Н. И. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 мая 2022 года. Новосибирск-Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022.

Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с коммерческим подкупом

Бурякова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В сфере уголовного законодательства явно прослеживается тенденция к особому урегулированию преступлений в сфере коммерческих и экономических отношений, к которой, как указывает Е. В. Меженина, также относится глава 23 УК РФ, непосредственно охраняющая данный родовой объект. Автор указывает на то, что главной особенностью защиты данных правоотношений является воз-

буждение уголовного дела, инициируемое лицом, чьи интересы угрожают или права которого нарушены [1]. На наш взгляд, данное утверждение указывает на обязательное изучение правил уголовного преследования, в том числе определение перечня лиц, уполномоченных возбудить уголовное дело по статье о коммерческом подкупе.

Состав статьи 304 УК РФ, содержащий такой способ совершения коррупции как провокация подкупа, вызывает особый научный интерес со стороны исследователей. Состав содержит преступное деяние, в ходе которого происходит попытка передачи лицу, выполняющему управленческие функции денежных средств и других благ «в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Слово «попытка», фигурирующее в диспозиции, имеет особое значение. Оно означает не покушение на взятку, но направлено исключительно на создание видимости получения лицом подкупа, чтобы в дальнейшем использовать данный факт для достижения желаемого поведения якобы «подкупаемого» лица, которое отказало в передаче предмета подкупа или стало его обладателем в результате обманных действий субъекта преступления [6].

Таким образом, анализ текущего законодательства, научных работ и судебной практики позволяет сделать вывод о постоянном увеличении количества преступлений коррупционной направленности и совершенствовании способов совершения коммерческого подкупа.

Общее правило возбуждение уголовного дела частного, частно-публичного и публичного обвинения раскрывается в рамках статьи 20 Уголовного процессуального кодекса России [2] (далее УПК РФ). Для каждого вида уголовного преследования характерно свое правило возбуждения уголовного дела, например, по статьям 115 и 116.1 уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению потерпевшего и прекратится только по его личной инициативе (что представляет из себя дела частного обвинения), а вот по части 1 статьи 201, если потерпевший является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, уголовное дело может быть возбуждено при соблюдении следующего условия: не должен быть причинен вред интересам государства и органам местного самоуправления. В противном случае лицо не может возбудить дело по указанной статье. Данный пример являет собой правило возбуждения уголовного дела в порядке частно-публичного обвинения и не может быть прекращено потерпевшим ни при каких обстоятельствах, даже в том случае, если удалось достичь примирения со стороной защиты. При анализе статьи 20 УПК РФ мы не находим порядка возбуждения уголовного дела по статьям 204–204.2 УК РФ, что, по общему правилу должно подразумевать, что данные составы преступления соотносимы с порядком публичного обвинения. Однако, в ходе дальнейшего анализа мы пришли к выводу, что общее правило не является действующим в отношении указанных составов, потому как УПК РФ содержит особую норму, раскрывающуюся в статье 23, регулиющую возбуждение уголовного дела по составам преступлений, содержащимся в главе 23 УК РФ, в частности возбуждение уголовного дела по рассматриваемым нами преступлениям о коммерческом подкупе.

Анализ статьи 23 УПК РФ позволяет сделать вывод, что коммерческий подкуп относится к делам частно-публичного обвинения, а порядок возбуждения уголовного дела имеет две ключевых особенности, связанные с субъектом и причинённым вредом. Если в статье 20 УПК РФ указывается, что в качестве субъекта, возбуждающего уголовное дело по делам частно-публичного обвинения, выступает и индивидуальной предприниматель и юридическое лицо, то заявление о привлечении к ответственности по статье о коммерческом подкупе может быть подано только юридическим лицом, которому был причинен вред. Причем характерной чертой такого юридического лица является отсутствие в его уставном капитале государственных или муниципальных средств (в противном случае, преступное посягательство относится к делам публичного обвинения и имеет другой порядок возбуждения уголовного дела). Вторым, не менее значимым условием возбуждения уголовного дела по статье о коммерческом подкупе, является подача заявления только руководителем данного юридического лица, либо с его прямого согласия. В данном случае рассматривается исключительно единоличный или коллегиальный орган управления юридического лица, полномочия которого могут определены или

законом, или уставом, договором, протоколом и иным документом, содержащим сведения об учреждении данного юридического лица [3].

Для установления фактического соблюдения последнего условия органом следствия производится проверка полномочий должностного лица на соответствие указанным организационным документам, а также на соответствие нормам иных федеральных законов. Например, для акционерного общества основные положения о его органах предусмотрены в Гражданском кодексе России и в Федеральном законе «Об акционерных обществах», где указывается, что в качестве руководителей такого общества могут выступать: директор, генеральный директор, общее собрание акционеров, совет директоров, правление [4].

Предлагаем рассмотреть пример возбуждения уголовного дела по статье о мелком коммерческом подкупе, регулируемой статьей 204.2 УК РФ. С. В. Смелова в своей работе указывает на необходимость соблюдения органами следствия специального правила уже рассмотренной ранее статьи 23 УПК РФ, однако, помимо этого, уточняет следующее: в случае, если незаконное вознаграждение, не превышающее 10 тыс. рублей, было принято самим руководителем организации, привлекать к уголовному делу по указанной статье вправе управление такой организации, которым был назначен или избран обвиняемый руководитель (привлечение к уголовному делу в данном случае также возможно и с согласия органа управления). Автор приводит пример, в рамках которого суд отметил отсутствие надобности в представлении заявления о привлечении к уголовному делу со стороны органа управления организации по той причине, что привлекаемым к уголовному делу руководителем коммерческой организации были нарушены государственные интересы, в частности основы правового положения иностранных граждан в России [5]. Полагаем, что в данном случае автор имел в виду несоблюдение условия о не нарушении интересов общества и государства для привлечения по статье о коммерческом подкупе. Наличие факта нарушения государственных интересов автоматически переносит уголовное дело в группу дел публичного обвинения, т. е. возбуждение дела в данном случае является прямой обязанностью следственного органа, а не органа управления организации. В данном случае преступное деяние квалифицируется не как коммерческий подкуп, а как получение взятки.

К особенностям мелкого коммерческого подкупа автор относит нестандартные для многих преступлений поводы к возбуждению уголовного дела: это могут быть сведения, косвенно устанавливающие факт преступления (источником таких сведений может является процесс расследования совершенно другого преступления, заявления физических лиц, организации, в частности, анонимные). Нередким поводом является и явка с повинной. Добровольное сообщение о принятии или передаче незаконного вознаграждения, как правило, вызвано либо достоверным знанием виновного лица об установлении следствием фактов совершенного подкупа, либо столкновением ви-

нового в даче подкупа с мошенничеством со стороны подкупаемого лица [5].

По мнению Загребина И.А, в законе имеется необходимость раскрыть содержание примечаний рассматриваемой статьи: «Лицо, совершившее передачу предмета мелкого коммерческого подкупа, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство предмета подкупа, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о передаче предмета подкупа». Автор указывает, что ни в законе, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции не указано, что именно следует понимать под понятием «активное содействие раскрытию

и расследованию преступления». Не совсем понятно, что относить к данному понятию. Будет ли активным содействием дача показаний лицом, совершившим преступление, явка с повинной, участие в следственных, оперативно — розыскных мероприятиях или эти формы будут всего лишь «способствием раскрытию и расследованию преступлению», а не «активному содействию раскрытию и расследованию преступлений» [6].

Таким образом, при возбуждении уголовного дела стоит учитывать, что дела по коммерческому подкупу относятся частно-публичному обвинению и имеют особые требования к субъектам, которые могут подавать заявления, а также возбуждение уголовного дела становится обязанностью следственных органов, если нарушены интересы государства.

Литература:

1. Меженина Е. В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 14–15.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Комментарий к Статье 23 Уголовно-процессуального кодекса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://upkod.ru/chast-1/razdel-1/glava-3/st-23-upk-rf> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/.
5. Смелова С. В. Особенности проверки сообщений о мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве / С. В. Смелова // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года / Составители: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 270–271.
6. Загребин И. С. Мелкий коммерческий подкуп: проблемы теории и практики // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2020. № 2(41).

Особенности нормативно-правовых актов в сфере правового регулирования финансового контроля

Волков Даниил Антонович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности правового регулирования сферы финансового контроля, исходя из иерархии нормативно-правовых актов. При этом особое внимание уделяется проблемам правовой регламентации финансового контроля.

Ключевые слова: *нормативно-правовое регулирование, финансовый контроль, финансы, проблемы.*

Актуальность темы обусловлена необходимостью эффективного контроля за использованием финансовых ресурсов государства и муниципальных образований, а также соблюдением финансовой дисциплины. В условиях нестабильной экономической ситуации и постоянных изменений в законодательстве важно постоянно совершенствовать механизмы финансового кон-

троля, что требует актуализации и адаптации норм права к новым вызовам и реалиям.

Государственный финансовый контроль возложен на ряд органов, который представлен как органами исполнительной, так и законодательной власти, а также особым субъектом финансового контроля — Банком России.

Ранее данные органы определялись Указом Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации», который утратил силу 25 октября 2018 года и имел целью обеспечение контроля за надлежащим формированием государственных доходов, координацию деятельности контрольных органов.

В настоящее время государственный финансовый контроль осуществляется следующими субъектами:

- федеральными органами законодательной власти (представительной);
- органами законодательной (представительной) власти субъектов РФ;
- федеральными органами исполнительной власти;
- органами исполнительной власти субъектов РФ;
- органами местного самоуправления;
- Президентом РФ.

Нормативно-правовая основа финансового контроля в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему законодательных актов, регламентирующих различные аспекты контрольной деятельности в финансовой сфере.

Основным Законом выступает Конституция Российской Федерации, закрепляющая основополагающие принципы организации финансового контроля и определяющая компетенции органов государственной власти в данной области [1].

Особенности нормативно-правового регулирования финансового контроля, в том числе определяются наличием иерархии НПА, которые регламентируют сферу финансового контроля.

Основу такого регулирования составляют:

- 1) Конституция РФ (ст. 101, 102, 114), закрепляющая принципы разделения властей и контрольные полномочия органов власти.
- 2) Бюджетный кодекс РФ (гл. 26), определяющий виды финансового контроля (предварительный, текущий, последующий), объекты контроля и полномочия органов.
- 3) Специальные федеральные законы, например, «О Счетной палате РФ» (статус высшего органа внешнего аудита).

При этом наблюдается двойственность этого нормативно-правового регулирования. Так, область финансового контроля регулируется нормами налогового и бюджетного права, что создаёт пересечение компетенций. Например, бюджетные нормы конкретизируют общие финансово-правовые положения, а налоговые нормы регламентируют налоговый контроль как подвид финансового.

Необходимо отметить, что в данной сфере действуют федеральные стандарты, утверждаемые Правительством РФ.

Ключевое значение в регулировании финансового контроля имеют Бюджетный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» и ряд других, устанавливающие фундамен-

тальные принципы организации контрольной деятельности.

Федеральные стандарты детализируют нормы, содержащиеся в гл. 26 Бюджетного кодекса РФ, проясняют целый ряд процессуально-процедурных моментов, регламентируют порядок применения положений Бюджетного кодекса РФ, устанавливают общие для государственного и муниципального финансового контроля нормативы.

К примеру, Бюджетный кодекс РФ устанавливает основные виды принимаемых по результатам проверок документов, а также ряд процессуальных сроков в рамках проведения контрольных мероприятий.

Федеральные стандарты, в свою очередь, детализируют эти нормы: они содержат предписания касательно порядка проведения контрольных мероприятий, их сроков, процедуры вынесения актов финансового контроля, составления представлений, предписаний и др. [6].

В XX веке принятие упорядоченных финансово-правовых актов стало важным шагом в развитии законодательства, регулирующего финансовую сферу России.

Однако, несмотря на этот прорыв, в современной системе российского финансового законодательства до сих пор отсутствует единый отраслевой кодифицированный акт, необходимость которого была отмечена учеными еще в советский период.

Судебные акты, в том числе решения Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, также выступают в роли источников финансового контроля, так как они формируют прецеденты и разъясняют применение норм законодательства. Они помогают прояснить правоприменительную практику и устанавливают правовые позиции по вопросам, связанным с бюджетными отношениями и расходованием государственных средств [2].

Существенную роль играют специальные нормативные акты, регламентирующие отдельные направления финансового контроля: налоговый, валютный, банковский надзор и финансовый мониторинг, и др.

В контексте развития регионального финансового права особое значение имеют нормативно-правовые акты, принимаемые на уровне субъектов РФ.

Важно учитывать, что решения конституционных судов субъектов РФ также отнесены к источникам права в области финансового контроля.

Как отмечает Галушкин А. А., такие решения обладают рядом характеристик, включая общеобязательный и законный характер, оказывают непосредственное воздействие на правоприменение и высокий уровень юридической силы [5].

Нормативно-правовая база финансового контроля находится в постоянном развитии, адаптируясь к новым экономическим реалиям и технологическим инновациям.

Особое внимание уделяется совершенствованию механизмов межведомственного взаимодействия, внедрению риск-ориентированного подхода и цифровизации контрольных процедур.

При этом сохраняется необходимость дальнейшей гармонизации различных уровней законодательства и устранения существующих правовых пробелов для повышения эффективности системы финансового контроля в целом.

Многие из существующих весьма важных нормативно-правовых актов в области финансового контроля нуждаются в корректировке. Так, наблюдается некоторая несогласованность даже по такому важному вопросу, как определение нецелевого использования бюджетных средств, что резко повышает и без того высокий риск злоупотреблений и других нарушений в использовании государственных финансов.

В правовых актах должны быть усилены положения об ответственности за те или иные нарушения финансовой

дисциплины, должен быть четко и однозначно прописан порядок исполнения решений органов финансового контроля по результатам контроля (вместе с тем соответствующим контрольным органам должны быть предоставлены права наложения санкций) [3].

Таким образом, система нормативно-правовых актов в этой сфере сочетает конституционные основы, отраслевую специализацию (бюджетное, налоговое право) и ведомственную детализацию.

Законодательная база в данной сфере представляет собой комплексную иерархическую систему, включающую конституционные нормы, федеральные законы, подзаконные акты, а также региональные и муниципальные правовые документы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Официальный текст с изменениями. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 120 с.
2. Волков, Д. А. Особенности правового регулирования финансового контроля / Д. А. Волков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 97–102.
3. Бурцев В. В. Нормативная база государственного финансового контроля // Региональная экономика: теория и практика. № 4(7) — 2004. С.40–47.
4. Бондарцкова, А. П. Нормативно-правовая основа финансового контроля в Российской Федерации / А. П. Бондарцкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (550). — С. 404–406.
5. Галушкин, А.А., Митрохин В. В., Тарадаева А. В., Усков И. В. Финансовая система Российской Федерации: состояние, тенденции и перспективы. — М., 2015. С. 124.
6. Абросимов А. В. — К вопросу о различиях основ правового регулирования внешнего и внутреннего государственного финансового контроля // Право и политика. — 2021. — № 7.

Криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений

Гакал Руслан Русланович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены теоретические, методологические и практические проблемы формирования частной криминалистической методики расследования неочевидных преступлений как примера укрупненной криминалистической методики, ориентированной на практику расследования системы разнородных преступлений. Обосновано значение криминалистической методики расследования неочевидных преступлений, которая рассматривается в качестве теоретико-прикладного базиса для определения общей программы расследования, дополняемого более узкими по содержанию методическими рекомендациями.

Ключевые слова: криминалистическая методика, расследование преступлений, неочевидные преступления, частная методика расследования, условия неочевидности.

Современная правоохранительная система России сталкивается с новыми вызовами, обусловленными трансформацией преступной деятельности, что требует разработки эффективных криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений определенных групп и видов. В этих целях криминалистика разрабатывает и совершенствует систему частных криминалистических методик расследования, которые дифференцированы в зависимости от различных критериев, имеющих

уголовно-правовое, уголовно-процессуальное или чисто криминалистическое содержание.

При этом в настоящее время обнаруживаются две противоположные тенденции развития частных криминалистических методик. С одной стороны, наблюдается стремление, как в науке, так и в практике, разрабатывать специализированные методики расследования, ориентированные на узкую группу преступлений. Как правило, в рамках таких частных криминалистических методик

разрабатывается алгоритм расследования преступления, предусмотренного конкретной статьёй Особенной части УК РФ.

С другой стороны, одновременно наблюдается укрупнение частных криминалистических методик, ориентированных на объемную группу преступлений, объединенных либо объектом преступного посягательства (например, предусмотренных одной главой или даже разделом Особенной части УК РФ), либо общим криминалистическим признаком, вне зависимости от состава преступления, его объекта посягательства и других конкретных критериев классификации преступлений в криминалистических целях.

Примером такой укрупненной методики является частная криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений, т. е. преступлений, совершенных в условиях неочевидности. В научной литературе представлены различные позиции в отношении того, какие преступления и условия можно считать неочевидными.

Е. А. Шалда полагает, что понятие «условие неочевидности» характеризуется как событие, произошедшее при отсутствии мотива, конкретного подозреваемого лица, а также когда сам факт произошедшего события вызывает сомнения [3]. П. С. Моисеева дополняет перечень признаков, указывая, что к неочевидным относятся преступления, в ходе расследования которых не было получено данных о том, что произошло, кто потерпевший, и кто совершил преступление [1]. А. И. Натура и Т. И. Ушкань в систему признаков неочевидности включают отсутствие сведений о криминальном событии, о субъекте преступного посягательства, о жертве преступления в различных вариантах, и только на стадии возбуждения уголовного дела [2].

На наш взгляд, условия неочевидности как критерий криминалистической дифференциации преступлений отражают неосведомленность субъекта расследования о ключевых признаках преступления: о характере криминального события, о личности преступника или потерпевшего. Иными словами, условия неочевидности характеризуют не само преступление, которое подлежит расследованию, а обстановку, сложившуюся на первоначальном этапе расследования, для которой свойственно отсутствие достаточных сведений о событии преступления, личности преступника или потерпевшего.

Кроме того, важно отметить, что условия неочевидности имеют различное содержание в зависимости от стадии уголовного процесса. Принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела должно быть основано на достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), поэтому к данному этапу неосведомленность субъекта расследования, как минимум, о самом факте криминального события исключена. Учитывая сказанное, полагаем, что после возбуждения уголовного дела неочевидное преступление может характеризоваться только неосведомленностью субъекта

расследования о лице, совершившем преступление, и/или о потерпевшем.

Исходя из этого, можно предположить, что большинство преступлений, которые имеют место в социальной практике, отвечают критерию неочевидности на первоначальном этапе расследования, а потому определить границы криминалистической методики в данном случае весьма затруднительно. Еще менее вероятной представляется разработка универсальных, практически применимых рекомендаций по расследованию неочевидных преступлений, ведь их характеристики могут быть самыми разнообразными, начиная с объекта посягательства, заканчивая способом совершения преступления, свойствами личности преступника и всеми остальными традиционными элементами криминалистической характеристики преступлений.

Полагаем, в этом противоречии состоит основная методологическая проблема укрупненных криминалистических методик, которые ориентированы на расследование целой системы разнородных преступлений. Поэтому в науке методика расследования неочевидных преступлений, как правило, относится к определенному виду преступных деяний, например, убийств, изнасилований, краж и т. д.

В связи с изложенным возникает закономерный вопрос, имеет ли практическую ценность укрупненная криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений, или же она остается теоретической абстрактной системой криминалистических положений и рекомендаций общего характера, которые неприменимы на практике.

Отвечая на данный вопрос, отметим следующее. Любое преступление может характеризоваться условием неочевидности вне зависимости от объекта посягательства, способа и обстановки совершения, других критериев дифференциации преступлений в криминалистике. Условия неочевидности — наиболее распространенный вариант расследования на первоначальном этапе. Поэтому необходимо принимать во внимание методические особенности расследования неочевидных преступлений, независимо от их конкретных признаков. Указанные обстоятельства демонстрируют важность разработки методики расследования неочевидных преступлений, поскольку на практике они встречаются чаще всего.

Думается, целесообразно проводить в первую очередь теоретический анализ методики расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, чтобы разрабатывать и совершенствовать общий механизм следственной деятельности в подобных общих ситуациях. Если же речь идет о практике, криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений определенно должна быть дополнена методическими рекомендациями из более узкоспециализированных криминалистических методик, которые учитывают признаки конкретной, четко обозначенной группы преступных деяний.

На основании изложенного можно констатировать, что частная криминалистическая методика расследования неочевидных преступлений — это яркий пример укрупненной криминалистической методики, которая ориентирована на целую систему разнородных преступлений. Методика расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, имеет прежде всего теоретическое и методологическое значение, поскольку служит

базисом для формирования методических рекомендаций узконаправленного характера, обеспечивающих расследование преступлений конкретного вида, в зависимости от определенного классификационного критерия. В связи с этим практическое значение методика расследования неочевидных преступлений обретает в том случае, если дополняется положениями частной методики расследования определенного вида преступления.

Литература:

1. Моисеева П. С. Некоторые тактические особенности расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы V Всероссийской молодежной научно-практической конференции / под ред. О. Ю. Антонова. М., 2022.
2. Натура А. И., Ушкань Т. И. Элементы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в условиях неочевидности: их содержание и значение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10.
3. Шалда Е. А. Особенности расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М., 2023.

Основные проблемы защиты ноу-хау в организации

Гвоздева Юлия Валерьевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье исследуются проблемные аспекты, возникающие на практике и в правоприменении, при защите ноу-хау в организации и возможные пути решения.

Ключевые слова: ноу-хау, защита ноу-хау, секрет производства, режим коммерческой тайны.

Ноу-хау, также имеющее второе название, секрет производства, — это отдельный институт интеллектуальной собственности. В российском праве понятие «секрет производства (ноу-хау)» закреплено в ст. 1465 Гражданского кодекса РФ. Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны [1, ст. 1465]. Из этого определения вытекают основные признаки ноу-хау:

1. Экономическая ценность и новизна. Сведения полезны потому, что позволяют получить выгоду или преимущество перед конкурентами.

2. Конфиденциальность информации. Сведения не должны быть общедоступны, обладатель должен пред-

принимать разумные меры по их защите. Если у других людей нет доступа к информации на законном основании, сведения будут являться ноу-хау.

3. Отсутствие обязательного раскрытия информации. Некоторые сведения обязательно должны быть представлены обществу, например, это могут быть сведения по экологической безопасности. Сведения, обладающие статусом ноу-хау, являются коммерческой тайной.

Секрет производства можно использовать только в своих целях, если оно станет общедоступным, то, соответственно, оно теряет ценность.

В литературе существует два мнения по вопросу соотношения понятия секрет производства и коммерческая тайна. Одни авторы отождествляют данные понятия, другие указывают, что они неразрывно связаны между собой, но не идентичны. Второй точки зрения придерживается автор учебного пособия Уральского федерального университета «Защита интеллектуальной собственности». Указывается на различия: секрет производства — это разновидность информации, а коммерческая тайна — это один из видов секрета производства, особый режим такой информации, позволяющий ее обладателю получать коммерческую выгоду [5, с. 80].

Кончаков А.Б и Матвеева И. А. в своей работе отождествляют понятия «ноу-хау» и «коммерческая тайна». Такой вывод они делают исходя из содержания понятия коммерческая тайна. Коммерческая тайна является чем-то абстрактным, то информация, составляющая ее содержание, должна быть выражена на материальном носителе. Следовательно, сам секрет производства и составляет коммерческую тайну. Прямая взаимосвязь прослеживается и в том, что понятия «ноу-хау» и «информация, составляющая коммерческую тайну» идентичны [6, ст. 197]. На мой взгляд, понятия секрет производства и коммерческой тайны являются различными. Коммерческая тайна — понятие шире, чем секрет производства, который является ее составляющей частью.

Ноу-хау охраняется режимом коммерческой тайны по Федеральный закон от 29.07.2004 № 98 «О коммерческой тайне» (далее по тексту — ФЗ «О коммерческой тайне»). В современном мире информация является важнейший ресурсом в организации. Именно поэтому защита ноу-хау необходима для сохранения конкурентных преимуществ между организациями. Однако в правовом регулировании защиты ноу-хау существуют пробелы и противоречия, что повышает риск утраты секретной информации, это подтверждается и на практике.

Правовая охрана ноу-хау наступает при условии установления режима коммерческой тайны, а не автоматически. Коммерческая тайна — режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [2, ст. 3]. Из законодательства Российской Федерации следует, что право считать информацию коммерческой тайной принадлежит непосредственному обладателю сведений. Установление режима коммерческой тайны фактически осуществляется самим владельцем информации, режим считается установленным только после принятия комплекса мер по защите конфиденциальности.

Основные требования к установлению режима коммерческой тайны содержатся в ст. 10 ФЗ «О коммерческой тайне». Сначала необходимо сформировать список конфиденциальных сведений и ограничить к ним доступ с помощью внутренних регламентов. Нанести на сведения гриф «Коммерческая тайна» с указанием обладателя. Помимо этого, также необходимо вести учет лиц, имеющих доступ к данным сведениям. Режим считается установленным после фактического выполнения требований к защите перечисленных выше [2, ст. 10]. На практике означает, что, если не будут соблюдены вышеперечисленные условия, суд, при разрешении спора, может признать не установленным режим коммерческой тайны и отказать в защите.

В отличие от патентной охраны, ноу-хау не требует государственной регистрации. Защита секрета производства основана на договорных отношениях и граждан-

ско-правовых санкциях за нарушение исключительных прав, предусмотренных ст. 1472 ГК РФ. Однако абстрактность определения «разумных мер защиты» и отсутствие процедуры подтверждения статуса ноу-хау создаёт проблемы. Например, ранее формальное требование о «введении режима коммерческой тайны» было обязательным, но с 2014 г. сохранение конфиденциальности именно через формальный режим ФЗ «О коммерческой тайне» уже не обязательно. Это означает, что конфиденциальность может поддерживаться и другими способами, такими как: установление в договорах или внутренних регламентов, но, к минусам данного подхода, относится, что он слишком свободный и порождает неопределённость. С одной стороны, уменьшена бюрократия, с другой — трудно доказать наличие четкого режима защиты.

На практике защита ноу-хау сталкивается с реальными проблемами реализации требований закона:

1. Неустановленный режим коммерческой тайны. ФЗ «О коммерческой тайне» требует конкретизации конфиденциальной информации и вводит комплекс мер защиты. Однако многие компании пренебрегают фактическим исполнением установленных требований, например, не утверждают перечень секретных сведений или не помечают документы грифами. В судебной практике не раз указывалось, что без фактического исполнения ст. 10 ФЗ «О коммерческой тайне» режим нельзя считать установленным. Например, в одном деле компания предъявила иски к бывшему сотруднику, что он использует ее коммерческую тайну, в виде базы клиентов, в своей предпринимательской деятельности, но суд установил: «наличие условия о неразглашении... в трудовом договоре недостаточно для определения статуса базы клиентов как коммерческой тайны. Компания не ввела специальных мер по защите конфиденциальности данных, следовательно, эта информация не является коммерческой тайной». Наличие в трудовом договоре условия о неразглашении коммерческой тайны недостаточно, обязательно должен быть введен режим коммерческой тайны в отношении базы клиентов, однако этого не было сделано и, соответственно, база клиентов не относится к коммерческой тайне. То есть, отсутствие протоколов, штрафов за нарушение, бирок «секрет производства» — пробел, ставящий под угрозу правовую охрану информации [3].

2. Неправильное правовое оформление и отсутствие документов. На предприятиях обычно разрабатывают положение о коммерческой тайне, вводят обязательство неразглашения для сотрудников и контрагентов. Это необходимая, но не всегда достаточная мера. Закон прямо указывает, что одного только договора о неразглашении недостаточно, если организация не следит за исполнением режима коммерческой тайны. На основании ст. 11 ФЗ «О коммерческой тайне» работодатель обязан ознакомить работника под расписку с перечнем секретных сведений, если этого не сделать, суды могут освободить сотрудника от ответственности за разглашение сведений, составляющих секрет производства [2, ст. 11].

3. Нарушения прав на ноу-хау. Основными нарушителями являются: работники, получившие доступ к секрету производства; контрагенты, не выполнившие обязательства по неразглашению; а также лица, незаконно получившие сведения, например, путём промышленного шпионажа. Нарушение режима может выражаться в разглашении или несанкционированном использовании конфиденциальной информации. В судебной практике были дела, когда уволенный сотрудник, открыл свою фирму и заключал договоры с бывшими клиентами организации в которой работал ранее. Организация пытались привлечь уволенного сотрудника к ответственности, но суд отказал в удовлетворении требований, поскольку не удалось доказать, что разглашение сведений, составляющих секрет производства, связано с падением выручки [4].

Основные проблемы возникающие при защите ноу-хау в судебной практике — это неаккуратное формальное оформление режима конфиденциальности и неполное соблюдение требований законодательства. Исключительное доверие к договорам без надлежащих технических и организационных мер даёт возможность недобросовестным контрагентам и даже конкурентам оспорить статус информации как секретна производства. Суды отмечают: «отсутствие специальной маркировки, режима безопасности и контроля не позволяет считать информацию коммерческой тайной».

Из выявленных проблем в судебной практике можно вывести проблемы в правовом регулировании защиты секрета производства, а также рассмотреть пути их устранения.

Во-первых, сложность доказывания статуса ноу-хау. Поскольку нет обязательной регистрации ноу-хау, суды при отсутствии формализованного режима фактически исключают случайную защиту информации. Повышение уровня формализма: введение грифов, списков, протоколов контроля сотрудников приводит к лишней бумажной волоките, особенно для малого бизнеса. В законодательство необходимо внести коррективы, например, предусмотреть электронную регистрацию сведений как

коммерческой тайны, без разглашения этих сведений, это позволило бы подтвердить дату введения режима коммерческой тайны. Могло бы быть полезно введение единого реестра коммерческих тайн, как это сделано для государственной тайны, это повысит прозрачность и упростит доказывание при разрешении споров.

Во-вторых, неясность понятия «разумные меры защиты». Закон требует «разумность» мер, но не содержит критериев их достаточности. В итоге у сторон и судов разные представления о том, что считается достаточным. Происходит либо формальное формирование режима коммерческой тайны, либо избыточная бюрократия. Для борьбы с данным пробелом, необходимо детализировать стандарты, например, ввести какие-то рекомендации вышестоящими государственными органами об обязательных мерах для разных отраслей.

Устранение этих недостатков требует, как законодательных инициатив, так и практического исполнения внутри организаций. Необходимо повышать корпоративную культуру информационной безопасности: обучать сотрудников правилам работы с ноу-хау, регулярно проводить курсы по использованию режима коммерческой тайны.

Защита ноу-хау в организации — комплексная проблема, сочетающая в себе вопросы интеллектуального права, корпоративного управления и информационной безопасности. Российское законодательство, опирающееся на главы ГК и специальный закон о коммерческой тайне, создаёт прочную правовую основу, но требует тщательного исполнения. На практике основными препятствиями являются формальное отношение к режиму конфиденциальности и отсутствие документального оформления защиты секретных сведений. Судебная практика показывает, что ключевой критерий — системность мер защиты и доказуемость статуса ноу-хау. Нарушители могут быть привлечены к гражданской и уголовной ответственности, но добиться этого возможно лишь при внимательном соблюдении всех законных требований.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // «Собрание законодательства РФ», 09.08. 2004, № 32, ст. 3283.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 по делу № 88–18752/2023. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=136046#LrI5DmUw3RltNADZ> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2023 по делу № 88–20393/2023, 2–637/2023. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=132305#MV96DmUaSqNTF48s> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Черкасова О. В. Защита интеллектуальной собственности: учеб. пособие / О. В. Черкасова // М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, — 2017. — с. 102.
6. Кончаков А. Б. Соотношение понятий «коммерческая тайна» и «секрет производства» (ноу-хау) / Кончаков А. Б., Матвеева И. А. // Современная научная мысль. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-kommercheskaya-tayna-i-sekret-proizvodstva-nou-hau> (дата обращения: 21.05.2025).

Правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации: проблемы и перспективы

Голуб Ирина Игоревна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье исследуются правовые механизмы реализации государственной молодежной политики в условиях цифровой трансформации общества. Автор анализирует актуальные проблемы нормативного регулирования, включая пробелы в законодательстве, цифровое неравенство среди молодежи, риски защиты персональных данных и недостаточную адаптацию традиционных форм работы к цифровой среде. Особое внимание уделяется противоречию между необходимостью цифровизации молодежной политики и отсутствием четких правовых механизмов реализации цифровых инициатив. На основе анализа российского и зарубежного опыта предлагаются направления совершенствования законодательства, включая закрепление статуса цифровых молодежных проектов, развитие системы цифровых компетенций специалистов и создание механизмов преодоления цифрового неравенства. Статья представляет интерес для законодателей, исследователей молодежной политики и практиков, работающих в сфере цифровизации социальной сферы.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, цифровизация, правовые механизмы, цифровое неравенство, защита персональных данных, цифровые компетенции, молодежные инициативы, нормативное регулирование.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется интенсивной цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни, что требует переосмысления традиционных подходов к реализации государственной молодежной политики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации правовых механизмов к новым цифровым реалиям, в которых существует современная молодежь — наиболее технологически вовлеченная социальная группа. За последние пять лет доля молодежи, регулярно использующей цифровые сервисы для получения государственных услуг, увеличилась с 47 % до 82 % (по данным Министерства цифрового развития, 2023), что свидетельствует о кардинальном изменении каналов коммуникации между государством и молодыми гражданами.

Перед нами стоит задача провести комплексный анализ правовых коллизий, возникающих на стыке традиционных механизмов реализации молодежной политики и цифровых технологий. В частности, в работе впервые рассматривается проблема правового статуса цифровых молодежных инициатив, которые сегодня существуют в правовом вакууме, несмотря на их активное развитие. Кроме того, исследуется противоречие между необходимостью цифровизации государственных услуг для молодежи и требованиями защиты персональных данных, особенно актуальное в свете последних изменений в законодательстве о персональных данных.

Существующая на сегодняшний день нормативно-правовая база государственной молодежной политики не в полной мере учитывает цифровую трансформацию общества, что снижает эффективность взаимодействия государства с молодежью и требует разработки новых правовых механизмов, сочетающих технологические инновации с надежными гарантиями прав молодых граждан.

Современная правовая система России находится в процессе активной адаптации к цифровой трансформации общества, что особенно актуально для сферы го-

сударственной молодежной политики. Анализ действующего законодательства показывает, что Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», принятый в 2020 году, хотя и является важным шагом в систематизации работы с молодежью, все же содержит существенные пробелы в части регулирования цифровых аспектов этой деятельности. Это становится особенно очевидным при рассмотрении практики реализации молодежных программ, где цифровые технологии уже стали не просто вспомогательным инструментом, а основным каналом взаимодействия с целевой аудиторией [8].

Сложившаяся ситуация порождает ряд правовых коллизий, требующих незамедлительного решения. В частности, отсутствие четкого правового статуса у цифровых молодежных инициатив создает значительные трудности для их организаторов и участников. Популярными среди молодежи форматы онлайн-голосований за социальные проекты, краудфандинговые платформы, виртуальные волонтерские программы существуют в своеобразном правовом вакууме. Это приводит к невозможности полноценной правовой защиты участников таких инициатив, сложностям с привлечением финансирования и отсутствию четких правил отчетности. Примечательно, что аналогичные проблемы характерны и для государственных цифровых платформ работы с молодежью, правовой статус которых также требует уточнения и законодательного закрепления.

В условиях цифровизации на первый план выходит проблема обеспечения равного доступа молодежи к государственным программам и сервисам. Проведенные исследования демонстрируют устойчивую тенденцию к углублению цифрового неравенства среди различных групп молодежи. Данные мониторинга Института развития интернета за 2023 год свидетельствуют, что лишь 38 % молодых людей в малых городах и сельской местности имеют техническую возможность полноценно участвовать в цифровых молодежных программах. При этом

в крупных городах этот показатель достигает 89 %. Такой разрыв обусловлен не только различиями в уровне развития цифровой инфраструктуры, но и отсутствием в действующем законодательстве механизмов, гарантирующих равный цифровой доступ для всех категорий молодежи [2].

Серьезную озабоченность вызывает вопрос защиты прав молодежи в цифровом пространстве. Статистика Роскомнадзора свидетельствует о ежегодном росте числа киберинцидентов, связанных с деятельностью молодежных организаций и образовательных учреждений. В 2023 году каждый третий случай нарушения прав молодежи в интернете был так или иначе связан с реализацией молодежных программ или образовательных инициатив. Особенно тревожной выглядит ситуация с защитой персональных данных участников цифровых молодежных проектов. Действующие нормы законодательства о персональных данных, несмотря на их постоянное совершенствование, зачастую не учитывают специфику работы с молодежью, что создает дополнительные риски как для организаторов проектов, так и для их участников.

Важно отметить, что цифровизация молодежной политики сталкивается не только с правовыми, но и с организационными вызовами. Проведенный в 2023 году опрос специалистов молодежных центров показал, что только 12 % работников сферы молодежной политики обладают достаточными цифровыми компетенциями для эффективной работы с современными технологиями. Это существенно ограничивает возможности реализации цифровых инициатив на местах и требует пересмотра подходов к профессиональной подготовке кадров для работы с молодежью [2].

Анализ регионального опыта цифровизации молодежной политики выявляет как проблемы, так и перспективные направления развития. В частности, пилотные проекты, реализуемые в Татарстане и Московской области, демонстрируют высокую эффективность комплексного подхода, сочетающего технологические инновации с адаптацией нормативно-правовой базы. В этих регионах были разработаны и внедрены специальные правовые механизмы, регулирующие цифровые молодежные инициативы, что позволило значительно повысить их результативность и прозрачность. Однако отсутствие единых федеральных стандартов затрудняет тиражирование этого положительного опыта в других субъектах Российской Федерации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос международного сотрудничества в цифровой сфере молодежной политики. Сравнительно-правовой анализ показывает, что многие страны Европейского союза уже разработали и успешно применяют специальные правовые механизмы регулирования цифровых молодежных инициатив.

В частности, опыт Германии в области законодательного регулирования цифрового волонтерства или практика Эстонии по созданию системы цифрового резидентства для молодежных стартапов могли бы быть адаптированы к российским условиям с учетом национальной специфики.

Перспективы развития правовых механизмов реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации требуют комплексного подхода, который должен включать как совершенствование законодательной базы, так и развитие цифровой инфраструктуры и кадрового потенциала. Особое значение приобретает необходимость законодательного закрепления статуса цифровых молодежных инициатив, включая вопросы их финансирования, отчетности и защиты прав участников. Одновременно требуется разработка специальных норм, направленных на преодоление цифрового неравенства и обеспечение равного доступа молодежи ко всем возможностям цифрового общества.

Развитие системы цифровых компетенций для работников сферы молодежной политики должно стать неотъемлемой частью государственной кадровой политики. Введение соответствующих профессиональных стандартов и требований к квалификации специалистов по работе с молодежью позволит значительно повысить эффективность реализации молодежной политики в цифровой среде. При этом важно учитывать, что цифровизация молодежной политики не должна сводиться к простому переносу традиционных форм работы в цифровую среду, а требует разработки принципиально новых подходов и форматов взаимодействия с молодежью, основанных на особенностях цифрового поколения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости существенной корректировки правовых механизмов реализации государственной молодежной политики в условиях цифровой трансформации. Существующая нормативно-правовая база не успевает за технологическими изменениями и новыми формами взаимодействия с молодежью, что снижает эффективность государственной политики в этой сфере. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего как изменения в законодательстве, так и развитие цифровой инфраструктуры и компетенций.

Перспективными направлениями развития правового регулирования представляются: закрепление статуса цифровых молодежных инициатив, создание механизмов преодоления цифрового неравенства, разработка специальных норм по защите прав молодежи в цифровом пространстве. Реализация этих мер позволит не только повысить эффективность государственной молодежной политики, но и создать правовые условия для активного участия молодежи в цифровом развитии страны.

Литература:

1. Digital Youth Policy in EU Countries: Best Practices Report. — Brussels: EU Youth Forum, 2022. — 89 p.

2. Аналитический отчет «Цифровая грамотность молодежи России 2023» / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. — М., 2023. — 145 с.
3. Отчет о реализации государственной молодежной политики в 2022 году / Федеральное агентство по делам молодежи. — М., 2023. — 98 с.
4. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2021 № 327-р // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 8. — Ст. 1322.
5. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 1 (часть I). — Ст. 12.

Об особенностях проявления молодёжного экстремизма и его предупреждении

Горбатенко Антон Андреевич, студент
Челябинский государственный университет

В данной статье будут рассмотрены факторы, влияющие на молодёжный экстремизм. Перечислены основные факторы, способствующие развитию молодёжного экстремизма, а также была проведена попытка систематизировать данных факторов в одну универсальную классификацию.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, предупреждение преступлений, преступления экстремистской направленности.

Проблема предупреждения экстремизма приобретает всё более глобальный характер, представляя собой одну из важнейших задач для мирового сообщества. Разжигание ненависти на почве социальных, расовых, национальных или религиозных различий, пропаганда превосходства одной группы над другой, ущемление прав человека на основании его происхождения — всё это недопустимо и представляет собой серьёзную угрозу стабильности и безопасности. Нетерпимость, приводящая к насилию и дискриминации, разрушает общественный порядок и подрывает основы демократического общества. Каждый акт насилия, каждое проявление ненависти — это шаг к эскалации конфликта и потенциальной катастрофе.

Особое внимание необходимо уделять профилактике экстремизма среди молодежи. Молодое поколение, часто характеризующееся недостаточной правовой культурой и критическим мышлением, является наиболее уязвимой группой, подверженной влиянию экстремистских идей и пропаганды. Интернет, с его практически безграничными возможностями, становится основным каналом распространения экстремистских материалов и призывов к противоправной деятельности. Экстремистские группировки используют социальные сети, форумы и другие онлайн-платформы для вербовки новых членов, распространения пропаганды ненависти и организации незаконных акций [1, с. 117].

Заявление Генеральной прокуратуры РФ подчеркивает серьезность ситуации, отмечая беспрецедентную информационную атаку на Российскую Федерацию со стороны запрещенных экстремистских организаций. Эти организации, деятельность которых запрещена на территории России, активно используют интернет для распространения призывов к проведению различных акций, на-

правленных на дестабилизацию ситуации в стране. Это наглядно демонстрирует необходимость активного противодействия распространению экстремистской идеологии в сети Интернет.

Необходимо разрабатывать и внедрять эффективные программы профилактики экстремизма, направленные на повышение правовой грамотности молодежи, формирование толерантности и нетерпимости к проявлениям национализма, ксенофобии и расизма. Важную роль играет образование, способствующее развитию критического мышления и способности отличать правдивую информацию от дезинформации и пропаганды. Также необходимо совершенствовать законодательство и механизмы борьбы с экстремизмом, усиливая контроль за распространением экстремистских материалов в сети Интернет. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, общественных организаций и самих граждан, позволит эффективно предупреждать и пресекать преступления экстремистской направленности. Необходимо помнить, что экстремизм — это не только насилие, но и постепенное разрушение общественной гармонии, посеянное семя нетерпимости и ненависти, которое может привести к тяжелым последствиям для всего общества [1, с. 118].

Проблема экстремизма среди молодежи — сложный феномен, корни которого уходят глубоко в социальные, психологические и идеологические аспекты современной жизни. Исследователи выделяют ряд взаимосвязанных факторов, способствующих его распространению и активизации. Рассмотрим каждый из них подробно [2, с. 23].

Первый и, пожалуй, самый значимый фактор — это обострение социальной напряженности в молодежной среде. Молодые люди, находящиеся в период активного поиска своего места в жизни, формирования мировоз-

зрения и ценностных ориентиров, особенно уязвимы перед лицом неопределенности и социальной незащищенности. Нестабильность экономической ситуации, отсутствие перспектив трудоустройства, жилищные проблемы, чувство социальной несправедливости — все это создает питательную среду для экстремистской идеологии, которая предлагает простые, хотя и часто опасные, решения сложных проблем. Молодые люди, испытывающие чувство разочарования и безысходности, легко поддаются влиянию лидеров экстремистских групп, обещающих им принадлежность к сильному коллективу и чувство значимости, которого им так не хватает в обычной жизни. Это особенно актуально в условиях, когда традиционные институты социализации, такие как семья и школа, ослаблены или не справляются со своими функциями. Невозможно переоценить роль негативного социального опыта, который может сформировать у молодого человека чувство отчужденности и враждебности к окружающему миру [2, с. 24].

Второй фактор — криминализация сфер общественной жизни и широкое вовлечение молодежи в криминальные структуры. В условиях, когда закон не обеспечивает защиту прав и интересов граждан, а государственные институты не справляются со своими функциями, молодые люди, особенно из неблагополучных семей, могут легко оказаться вовлечены в преступную деятельность. В таких условиях экстремистские организации, предлагающие «свой закон» и обещающие материальное благополучие, становятся привлекательной альтернативой. Отсутствие самоуважения, неуверенность в себе и постоянное чувство опасности — все это делает молодых людей более восприимчивыми к экстремистской пропаганде. Криминальный опыт, в свою очередь, усугубляет проблемы социализации и способствует укреплению экстремистских взглядов. Возникает порочный круг, из которого выбраться очень сложно [2, с. 24].

Третий фактор — изменение ценностных ориентаций, особенно под влиянием зарубежных и религиозных организаций. Пропаганда религиозного фанатизма, отрицание общественных норм и конституционных обязанностей, насаждение чуждых российскому обществу ценностей — все это создает опасную идеологическую почву для экстремизма. Важно понимать, что экстремизм не всегда связан с низким уровнем культуры. Напротив, он может процветать в среде людей с разорванным, деформированным мировоззрением, лишенных целостной системы ценностей. Молодежь особенно восприимчива к идеям, которые дают ясность и целостность, даже если эти идеи основаны на насилии и нетерпимости. Внешнее воздействие приобретает особую остроту в условиях слабости традиционных культурных институтов, способных противостоять экстремистской пропаганде [2, с. 24].

Четвертый фактор — использование в деструктивных целях психологического фактора. Агрессия, свойственная молодому возрасту, искусно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности. Желание мо-

лодого человека найти свою группу, поиск собственной идентичности, формирование примитивной схемы «мы — они» — все это используется для манипулирования сознанием молодых людей. Неустойчивость психики, легкая подверженность внушению и манипулированию — вот ключевые характеристики, которые делают молодежь уязвимой перед экстремистской пропагандой. Именно этот фактор позволяет экстремистским организациям формировать из молодых людей послушные и агрессивные инструменты для достижения своих целей. Этому способствует и особенность возрастного самовосприятия — поиск своей группы, своего места в мире, что легко используется для вербовки [2, с. 24].

Пятый фактор — использование интернета в противоправных целях. Интернет предоставляет экстремистским организациям доступ к широкой аудитории, возможность пропаганды своей деятельности, размещения подробной информации о своих целях и задачах. Он служит мощным инструментом для вербовки новых членов, распространения экстремистской идеологии и организации акций. Анонимность, доступность и глобальный охват сети делают ее идеальной платформой для экстремистской пропаганды, которая часто бывает, замаскирована под безобидные мемы, игры или сообщества. Сложность контроля и отслеживания деятельности в сети усугубляет ситуацию, делая борьбу с экстремизмом еще более сложной задачей. Это требует развития специальных технологий и механизмов контроля, а также повышения медиаграмотности молодежи [2, с. 24].

В молодежной среде наиболее ярко проявляются такие формы экстремизма, как политический, националистический и религиозный. Данные виды экстремизма являются опасными и негативно влияют на всё государство и общество в целом. И как уже было сказано выше проблема вовлечения в данную запрещенную законом деятельность заключается в привлечении молодого поколения. Экстремизм в молодежной среде можно рассматривать как неадекватный способ разрешения социально-политических противоречий некоторой части молодежи в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений соответствующими субъектами последних [2, с. 25].

Именно поэтому профилактика молодежного экстремизма становится основным методом борьбы с распространением идеологии экстремизма, так как только воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, способны дать наилучшие результаты.

Профилактикой молодежного экстремизма занимается большое количество ученых. Они разрабатывают комплексные подходы для профилактики и предупреждения экстремизма. Данные наработки уникальны и основываются на тех конкретных фактах, которые ученые относят к основным при изучении преступлений, связанных с экстремизмом.

Так, например, Профилактика молодежного экстремизма, по мнению Т. А. Боголюбовой, складывается из се-

мейного воспитания, полученного молодым человеком. Нередко именно в сфере семейного воспитания закладывается нетерпимость, формируются экстремистские настроения, приводящие к совершению экстремистских посягательств [3, с. 264].

А.А. Гаджиева среди эффективных мер профилактики экстремизма выделял работу с молодёжью непосредственно в самих образовательных организациях (школах, ВУЗах и тд.). В основе его методов лежал принцип воспитания молодого поколения через активное участие в различных мероприятиях культурных, спортивных или творческих [3, с. 264].

Н. В. Стариков приводит следующие меры профилактики экстремизма. В основе, которых лежит правовое воспитание и развитие правовой культуры молодого поколения [4, с. 205].

Литература:

1. Лщенко, Д. Г. Предупреждение преступлений экстремистской направленности / Д. Г. Лщенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 26 (421). — С. 117–118.
2. Довгяло, К. В. Профилактика экстремизма в молодёжной среде / К. В. Довгяло. — Текст: непосредственный // Вестник ПГГПУ. — 2018. — № 3. — С. 21–30.
3. Ростокинский, А. В. Этика. Основы православной культуры, религиоведение / А. В. Ростокинский. — Текст: непосредственный // Современные гуманитарные исследования. — 2008. — № 1 (20). — С. 262–265.
4. Стариков, Н.В., Мамина, И.В., Молодежный экстремизм и ксенофобия: проблемы распространения и пути противодействия / Н. В. Стариков, И. В. Мамина. — Текст: непосредственный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. — 2008. — № 5. — С. 202–206.

Координирующая роль органов прокуратуры в деятельности по профилактике безнадзорности несовершеннолетних

Горбачева Виктория Александровна, студент;
Волегова Наталья Андреевна, студент;
Худякова Ольга Андреевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье исследуется и анализируется ключевая координирующая роль органов прокуратуры в многосторонней деятельности по профилактике безнадзорности несовершеннолетних. Акцентируется внимание на значении данной функции прокуратуры для повышения эффективности работы всей системы субъектов профилактики. Рассматриваются основные направления и механизмы реализации координационной деятельности прокуроров, направленной на защиту прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении или зоне риска. Подчеркивается важность обеспечения надлежащего межведомственного взаимодействия под надзором прокуратуры.

Ключевые слова: органы прокуратуры, координация, профилактика безнадзорности несовершеннолетних, несовершеннолетние, защита прав несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие, система профилактики.

В самой профилактике безнадзорности участвует ряд органов (в том числе и правоохранительных) — к ним относятся комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы социальной защиты населения, федеральные органы власти, ответственные за управление в сфере образования, а также местные органы самоуправления, занимающиеся образователь-

Выделяют также и общие методы профилактики экстремизма, которые являются базовыми и универсальными. Профилактикой экстремизма в молодёжной среде является система мер, направленных на:

- выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин экстремизма, отдельных его видов, а также способствующих им условий;
- выявление и устранение ситуаций на определенных территориях и в социальной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих на совершение экстремистских действий;
- выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения экстремистских действий, и оказание на них, а в случае необходимости и на их ближайшее окружение, сдерживающего и корректирующего воздействия [2, с. 29].

ными вопросами. Кроме того, важную роль играют органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, управления здравоохранением, службы занятости, органы внутренних дел и учреждения уголовно-исполнительной системы, включая следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции.

При этом органы прокуратуры не входят в эту систему, что становится ясным из п. 1 ст. 4 ФЗ № 120, а, следовательно не могут заниматься профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних. В то же время в п. 3 ст. 10 ФЗ № 120 подчеркивается, что «прокурорский надзор за соблюдением законов в рамках системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется Генеральным прокурором РФ и его подчиненными в соответствии с Законом о прокуратуре» [1, с. 55].

Как известно, одной из функций прокуратуры является координация действий правоохранительных органов, особенно по вопросам касаясь несовершеннолетних. Прокуратура должна регулярно организовывать координационные совещания с правоохранительными органами, на которых устанавливается механизм взаимодействия различных служб и органов в сфере работы с детьми [2, с. 124]. Следовательно, прокуратура может выступать в роли координатора между государственными и общественными организациями, работающими с несовершеннолетними, что позволит более эффективно решать проблемы.

Одной из основных проблем является отсутствие четкой координации между различными государственными органами, занимающимися вопросами защиты прав несовершеннолетних. Прокуратура взаимодействует с органами опеки, образовательными учреждениями и социальными службами, однако часто это взаимодействие оказывается недостаточно эффективным.

Отсутствие единой информационной базы и ясных регламентов взаимодействия приводит к тому, что многие случаи безнадзорности остаются незамеченными. Для решения данной проблемы необходимым представляется создание системы межведомственного взаимодействия, которая бы обеспечивала обмен информацией между всеми заинтересованными сторонами. Включение единой информационной платформы для мониторинга случаев безнадзорности и координации действий позволило бы повысить эффективность прокурорского надзора в данной сфере. Необходимо обеспечить эффективное взаимодействие и системный обмен информацией с правоохранительными органами по актуальным вопросам борьбы с преступностью и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, а также преступлений, совершенных в отношении детей. Рекомендуется проводить анализ состояния преступности среди несовершеннолетних и преступности против них не реже одного раза в полугодие, исследуя причины и условия этих явлений. Кроме того, следует реализовать ряд мероприятий, направленных на улучшение криминогенной обстановки среди несовершеннолетних [3, с. 120].

Органы внутренних дел, включая участковых уполномоченных полиции и работников органов дознания и предварительного следствия, проявляют недостаточную активность в профилактической работе с родителями несовершеннолетних, которые не исполняют свои обязан-

ности по воспитанию, обучению и содержанию детей, а также оказывают негативное влияние на их поведение или жестоко с ними обращаются. Деятельность данных органов по выявлению случаев детского неблагополучия и семей, находящихся в социально опасном положении, не соответствует установленным требованиям. В результате отсутствия системной профилактической работы со стороны образовательных учреждений, органов внутренних дел и других субъектов профилактики создаются условия, способствующие совершению несовершеннолетними противоправных деяний и преступлений.

Недостаток взаимодействия между субъектами профилактики и семьями, оказавшимися в социально опасном положении, может привести к серьезным последствиям, включая ситуации, в которых несовершеннолетние оказываются в опасных условиях, подвергая свою жизнь и здоровье риску. В области профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних каждый год фиксируется определенное количество нарушений, значительная часть из которых, как отмечают правоведы, «обусловлена недостаточной эффективностью реализации полномочий субъектами профилактики в сфере предупреждения правонарушений и преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних» [3, с. 120].

Органы опеки и попечительства, чьи полномочия детально регламентированы Федеральным законом об опеке и попечительстве, играют одну из центральных ролей в непосредственной работе с детьми, оставшимися без попечения родителей, и с неблагополучными семьями, которые являются одной из основных причин возникновения детской безнадзорности. Прокурорский надзор в этой области направлен на обеспечение своевременного выявления таких детей и семей, законности и полноты принимаемых органами опеки мер, включая: своевременное проведение профилактических бесед с родителями, ведущими антиобщественный образ жизни; законность и обоснованность постановки семей на учет, а также надлежащее осуществление контроля за бытовыми и психологическими условиями проживания детей в таких семьях; правильность и своевременность подготовки материалов для обращения в суд с исками о лишении или ограничении родительских прав; эффективность контроля за условиями жизни детей, находящихся под опекой или попечительством. Органы прокуратуры регулярно проводят проверки деятельности органов опеки и попечительства, выявляя факты бездействия, несвоевременного принятия мер, нарушения порядка учета или контроля. По итогам таких проверок вносятся представления об устранении нарушений закона, ставятся вопросы о привлечении виновных должностных лиц к ответственности.

На основании вышесказанного, отметим, что взаимодействие всех органов системы профилактики (органов внутренних дел, включая ПДН, органов опеки, образовательных учреждений и др.) также является важным аспектом. Прокурор следит за тем, чтобы информационный

обмен между ведомствами был налажен, а совместные действия были скоординированы и законны. Выявление фактов отсутствия должного взаимодействия или дублирования функций также влечет за собой прокурорское вмешательство. Практические примеры выше подчеркивают, что вопрос оптимизации работы субъектов профилактики для повышения эффективности мер по преду-

преждению правонарушений среди несовершеннолетних также является актуальным, это позволит сократить количество нарушений. Всё вышесказанное ещё раз подчеркивает важность участия прокуратуры как координирующего органа в данной сфере, ведь именно комплексный подход поможет бороться с безнадзорностью, а вследствие — и с беспризорностью несовершеннолетних.

Литература:

1. Горюнов, В. Е., Карнакова, А. Г. Роль прокуратуры Российской Федерации в осуществлении надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних / В. Е. Горюнов, А. Г. Карнакова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2019. — № 2 (21). — С. 55–60. — Текст: непосредственный.
2. Федорова, И. В., Жегулин, А. И., Ржаницына, И. А. Способы и пути решения безнадзорности в Российской Федерации / И. В. Федорова, А. И. Жегулин, И. А. Ржаницына // Криминологический журнал. — 2023. — № 1. — С. 124–128. — Текст: непосредственный.
3. Холина, И. С., Краснослободцева, Е. А., Кулешов, Г. Н. и др. Актуальность профилактики безнадзорности несовершеннолетних / И. С. Холина, Е. А. Краснослободцева, Г. Н. Кулешов // Юридическая наука. — 2022. — № 12. — С. 113–120. — Текст: непосредственный.

Процессуальные действия, проводимые на стадии проверки сообщения о преступлении: правовые, теоретические и организационные основы

Горбунова Ольга Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Васильева Надежда Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В настоящей статье на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), доктринальных подходов, а также материалов правоприменительной практики рассматриваются особенности осуществления процессуальных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела. Стадия возбуждения уголовного дела имеет особую цель. В статье анализируется первоначальный комплекс доказательств, позволяющих признать обоснованным возбуждение уголовного дела. Выделяется, что в качестве особых средств доказывания используются проверочные процессуальные действия, которые, как и прочие проверочные действия, указывают на наличие признаков состава преступления.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, проверочные действия, признаки состава преступления, доказывание, следователь, дознаватель.

Процессуальный порядок проверки повода и основания для возбуждения уголовного дела заключается в совершении комплекса проверочных действий, позволяющих принять процессуальное решение уполномоченными должностными лицами. Такой комплекс действий именуется предварительной проверкой сообщения о преступлении.

Процедура проверки сообщения о преступлении начинается в момент появления сведений о совершенном преступлении, т. е. с момента возникновения одного из поводов возбуждения уголовного дела [1]. В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится определения проверки сообщений. Но оно находится в научных исследованиях. Например, В. Ю. Миллер дал следующее определение: «проверка сообщения о преступлении —

это регламентированная законом деятельность уполномоченных должностных лиц, направленная на выявление наличия или отсутствия признаков преступления по полученному сообщению о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении в целях вынесения законного и обоснованного процессуального решения» [2].

Проверочная деятельность следователя и дознавателя в стадии возбуждения уголовного дела носит процессуальный характер, так как устанавливаются конкретные обстоятельства преступления и для этого используются соответствующие процессуальные средства. Тем не менее, в отличие от предварительного расследования проверка имеет отличную от других стадий цель. Она призвана доказать не вину подозреваемого обвиняемого, а собрать доказательства, указывающие на факт совершения проти-

воправного деяния. Для этого применяются специальные средства: следственные действия, процессуальные действия, проверочные действия, оперативно-розыскные мероприятия и др.

Одним из средств доказывания, которое может быть эффективно применено в стадии возбуждения уголовного дела, является проведение процессуальных действий следователем (дознавателем). Согласно ст. 144 УПК РФ к ним относят получение объяснений; истребование документов и предметов, изъятие их; требование производства документальных проверок, ревизий; исследование документов, предметов, трупов.

Для проведения ревизий и документальных проверок в качестве специалистов могут быть привлечены контрольно-ревизионные органы и налоговые органы. Правовой основой проведения этого проверочного действия выступает Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 (ред. от 24.10.2024) «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Проведение проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов», также к проведению проверок могут быть привлечены аудиторские и ревизионные организации, обладающие соответствующими экономическими инструментами [3].

Как правило, они требуются при возбуждении уголовных дел по экономическим преступлениям. Ревизия может понадобиться для выявления крупных хищений на государственных предприятиях. Задачей ревизии является выявление причин образования недостач или избытков товаров на предприятии, что позволит квалифицировать преступление и выявить виновных лиц. Ревизия или документальная проверка может также понадобиться, если предварительно установлены факты несоответствия показателей финансово-хозяйственной деятельности, указывающие на состав преступления.

Ревизия представляет собой систему обязательных контрольных действий по документальной и фактической проверке законности и обоснованности совершенных в ревизуемом периоде хозяйственных и финансовых операций организации.

Документальная проверка может быть проведена если требуется изучить конкретные документы, которыми руководствуется предприятие, организация. Она может касаться инвентаризации остатков или проверки данных бухучета за конкретный промежуток времени.

Результаты проведения ревизии или проверки доказательством по уголовному делу не являются. Они позволяют установить факт нарушений. По результатам выявленных фактов появится основание для возбуждения уголовного дела.

Чаще всего следователь (дознатель) в качестве проверочных действий использует получение объяснений. Данное проверочное действие представляет собой получение сведений о произошедшем событии, отраженном в памяти человека. Задачей этого проверочного действия

является установление фактов в их хронологической последовательности, полученных от очевидцев события и иных участников. Полученные сведения могут быть использованы в доказывании напрямую (очевидно, речь при этом идет о предусмотренных п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ видах доказательств, как иные документы).

По своему содержанию данное проверочное действие сходно с допросом (следственным действием) и опросом (оперативно-розыскным мероприятием). Ввиду того, что оно проводится в стадии возбуждения уголовного дела, получение объяснений имеет ряд отличительных особенностей:

- 1) для его проведения не нужно предупреждать об ответственности за дачу ложных показаний;
- 2) не имеется различий в статусе лиц, от которых объяснения получены (свидетели, потерпевшие и др.);
- 3) гражданин вправе отказаться давать объяснения полностью или частично, он может отказаться свидетельствовать против себя и своих близких [4].

Процедура получения объяснений носит формализованный характер. Для ее проведения могут быть приглашены защитник, законный представитель, а также переводчик. Их явка обеспечивается следователем (дознавателем) по требованию опрашиваемого. Сначала фиксируются личные данные опрашиваемого (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство и национальность, паспортные данные, наличие или отсутствие судимостей и др.).

Сами объяснения получают в произвольной форме. Они могут носить как письменный, так и устный характер. Вначале сведения сообщаются в виде свободного рассказа опрашиваемого, затем следователю (дознавателю) могут задавать вопросы. Сведения, сообщенные в ходе получения объяснений, фиксируются в письменном документе от первого лица и по возможности дословно.

Объяснение подписывается опрошенным, всеми остальными участниками получения объяснений, и следователем (дознавателем), производившим проверочное действие. Кроме того, по смыслу закона, опрашиваемый, родитель и переводчик должны подписать каждую страницу объяснения [5].

Следователь (дознатель) также вправе истребовать и изымать различные документы и предметы, имеющие отношение к проверяемому событию преступления.

Истребование предметов и документов осуществляется следователем (дознавателем) путем направления запросов. Под предметами и документами в данном случае понимаются любые предметы материального мира, которые могут представлять интерес для предварительного следствия, дознания. В стадии возбуждения уголовного дела они могут быть предоставлены добровольно. Принуждение уголовно-процессуального характера в данном случае не может быть применено.

Для истребования должностное лицо может направить запрос в орган или организацию, которая уполномочена искомые предметы или документы предоставить.

Уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо правил составления и направления запросов. Поэтому они составляются в простой письменной форме [6].

Таким образом, в процессе проверки сообщения по уголовному делу имеется возможность использовать различные источники информации, которые впоследствии

станут доказательствами. Дозволяется в качестве средств доказывания использовать вышеуказанный перечень проверочных действий. Они позволяют закрепить полученную информацию, придать ей статус доказательств, которые введены в уголовный процесс в соответствии с требованиями УПК РФ.

Литература:

1. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2022. С. 200.
2. Миллер В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: дисс.... канд.юрид.наук. Нижний Новгород, 2019. С. 90
3. Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 (ред. от 24.10.2024) «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Проведение проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов» // «Собрание законодательства РФ», 24.08.2020, № 34, ст. 5462.
4. Лупинская П. А. Избранные труды. М., 2017. С. 113.
5. Жуков Д. А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства // Российский следователь. 2018. № 5. С. 12.
6. Косенко А. М. Порядок и процессуальная форма истребования предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3(45). С. 38.

Защита основ конституционного строя гражданами и их объединениями

Гребнева Ольга Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Плотникова Инна Николаевна, доктор юридических наук, доцент, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются способы и уровни защиты основ конституционного строя Российской Федерации гражданами и общественными объединениями.

Ключевые слова: Конституция РФ, защита основ конституционного строя, граждане, общественные объединения, общероссийское голосование.

Защита основ конституционного строя — это важная задача любой страны, требующая активного участия как государственных институтов, так и гражданского общества. Основой конституционного строя Российской Федерации являются ключевые принципы, закрепленные в Конституции РФ, такие как верховенство закона, разделение властей, права и свободы человека, а также демократия и государственная стабильность.

Общественные объединения и граждане играют ключевую роль в защите основ конституционного строя. Во-первых, они помогают создавать и поддерживать правовую культуру общества. Уровень образованности и информированности граждан об их правах и обязанностях, принципах демократии и важности прав человека влияет на формирование гражданской позиции. Это создает условия для возникновения осознанного гражданского общества, которое способно действовать в целях защиты конституционных основ. Так, общественные объединения часто становятся платформами для об-

суждения и продвижения важных социальных и политических вопросов, что является большим толчком к осознанию гражданами важности их участия в политических процессах. Они могут выступать за изменения в законодательстве, помогать в разработке инициатив, направленных на его улучшение, а также осуществлять мониторинг его исполнения. Кроме того, граждане могут участвовать в защите конституционного строя через процедуру выборов, участие в референдумах и акциях протеста, обращение в суды, а также использование других правозащитных механизмов. Когда люди объединяются для защиты своих прав, это оказывает воздействие на органы государственной власти и может привести к позитивным изменениям.

Стоит отметить, что защита конституционного строя не ограничивается лишь прямым участием граждан в политических процессах, а реализуется ими и в повседневной жизни. Это выражается в соблюдении закона, уважении прав окружающих, участии в культурных и об-

ществленных инициативах. Чем активнее и сознательнее граждане, тем устойчивее конституционный строй. Взаимодействие государства и общества должно быть конструктивным. Государство обязано учитывать мнение граждан и организаций, создавать условия для его свободного выражения и воплощения желаемых изменений. Это требует от власти открытости и готовности к диалогу, что является неотъемлемой частью демократического процесса.

По мнению И. А. Дурновой, можно выделить следующие уровни защиты основ конституционного строя гражданами: общий, групповой и индивидуальный [1, с. 99]. Общий уровень защиты основ конституционного строя подразумевает участие граждан в выборах Президента и депутатов Государственной думы, региональных выборах, а также референдумах. Согласно федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации» референдум — это всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в нем, по вопросам государственного значения [2; 3].

Стоит отметить, что не все вопросы могут выноситься на референдум, а лишь некоторые, например, Конституционное собрание вправе предложить на всенародное голосование проект новой Конституции Российской Федерации. Также на референдум выносятся проекты нормативных актов или вопросы, включенные в особый перечень, предусмотренный международным договором Российской Федерации. В ходе референдума могут рассматриваться вопросы, отнесенные Конституцией Российской Федерации к ведению Российской Федерации, а также к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В 2020 году было проведено всероссийское голосование, посвященное легитимации внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Перечень поправок выносился Президентом РФ — В. В. Путиным. Всего в Конституцию было внесено 206 поправок. Общероссийское голосование проводилось с 25 июня по 1 июля, и явка составила более 60 %. Поправки поддержали более 70 % граждан [4].

Таким образом, можно сказать, что вопросы, выносимые на референдум, направлены на защиту конституционного строя и самой Конституции, что требует непосредственного участия граждан страны, так как именно народ является носителем власти и суверенитета в Российской Федерации.

Групповой уровень защиты основ конституционного строя предполагает объединение людей на основании общих интересов. Возможны следующие формы общественных объединений: общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, орган общественной самодеятельности и политические партии [5; 6]. Однако граждане не всегда могут объединяться в группы произвольно — со стороны государства существуют определенные ограничения на этот счет (например, запреты установлены в ч. 5

ст. 13 Конституции РФ), так как не все объединения граждан, к сожалению, имеют целью защитить основы конституционного строя.

Последний уровень защиты основ конституционного строя Российской Федерации — индивидуальный. Это важный вектор правовой системы, направленный на обеспечение прав и свобод личности, а также защиту конституционных основ государства. Конституция РФ, принятая в 1993 году, закрепляет основные принципы и нормы, гарантирующие не только права граждан, но и, что самое главное, фундаментальные основы функционирования государственного строя.

На уровне индивидуальной защиты основ конституционного строя Российской Федерации можно выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, Конституция РФ в ст. 46 гарантирует право на судебную защиту, что подразумевает возможность обращения граждан в суд для защиты своих прав и законных интересов. Данное право позволяет гражданам не только защищать свои личные права, но и бороться с возможными нарушениями со стороны государственных органов или частных лиц. Так граждане могут обратиться за защитой своих прав как в Верховный суд РФ, Конституционный суд, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, так и к мировым судьям. Данные суды рассматривают нарушение законных прав и интересов граждан в различных сферах общественных отношений (семейные, трудовые, конституционные, гражданско-правовые, административные и т. д.) [7].

Во-вторых, деятельность государственных органов, таких как прокуратура, полиция и суды различной юрисдикции, направлена на защиту конституционного порядка и конституционных прав граждан. Эти органы обязаны обеспечивать соблюдение законов, выявлять и предотвращать действия, которые могут угрожать основам конституционного строя (терроризм, экстремизм и другие преступления, направленные против общественного порядка), а также противоправные действия лиц, посягающих на территориальную целостность государства.

В-третьих, в рамках индивидуальной защиты основ конституционного строя необходимо отметить значимость институтов гражданского общества. Неправительственные организации, активисты и инициативные группы играют важную роль в мониторинге соблюдения прав и свобод, а также в формировании общественного мнения и выработке правозащитной политики. Они помогают выявлять нарушения, привлекают внимание государственных органов к проблемным вопросам и способствуют реализации правовых норм.

Итак, защиту прав и свобод, а также основных принципов конституционного строя в Российской Федерации необходимо рассматривать как многоуровневую систему, в которой задействованы как государственные органы, так и гражданское общество. Это взаимодействие играет ключевую роль в обеспечении стабильности и законности в стране, а также в формировании правового государства, где права и свободы личности уважаются и защищаются.

Литература:

1. Дурнова, И. А. Народ как субъект защиты основ конституционного строя / И. А. Дурнова // Вестник ПАГС. — 2012. — № 1 (30). — С. 98–102.
2. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 27. — Ст. 2710. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002004027000&page=1&sort=position&limit=50&nd=59&olid=1002004027000> (дата обращения: 30.05.2025).
3. Федеральный конституционный закон от 30.12.2021 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 1. — Ст. 3 (Часть I). — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002022001010&page=1&sort=position&limit=50&nd=1&olid=1002022001010> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Общероссийское голосование по поправкам в Конституцию РФ (2020) // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20210701/golosovanie-1739046410.html> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 21. — Ст. 1930. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001995021000&page=1&sort=position&limit=50&nd=9&olid=1001995021000> (дата обращения: 30.05.2025).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 33. — Ст. 4956 (Часть I, ст. 3). — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002024033010&page=1&sort=position&limit=50&nd=45&olid=1002024033010> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Решение Конституционного Суда РФ по индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики отказа в рассмотрении в судебном порядке трудовых споров об увольнении, разрешенных по действовавшему до 21 июня 1990 года законодательству о труде вышестоящими в порядке подчиненности органами от 01.10.1993 // Сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30460.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Григорьева Лариса Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает основные аспекты правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, а также анализируются конституционные принципы, федеральное законодательство и международные договоры.

Ключевые слова: лица без гражданства, иностранные граждане, правовой статус, миграционное законодательство.

Опубликованная статистика миграционной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации говорит о том, что в 2024 году российское гражданство получило 209 тысяч человек (на 44,8 % меньше, чем в 2023 году), разрешение на временное проживание оформили 44,5 тысяч человек (-50,4 % в сравнении с 2023 годов), а вид на жительство — 214,9 тысяч человек (падение на 21,3 %). На ряду с этим, 190,2 тысяч человек были депортированы из страны, из которых 157 тысяч человек вынуждено покинули России из-за нарушения законодательства [3].

Основной принцип, закрепленный в статье 62 п.2 Конституции Российской Федерации, гласит следующее: ино-

странные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ [2]. Стоит отметить, что Конституция РФ гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства права и свободы наравне с гражданами России, за исключением случаев, установленных федеральным законом или международным договором.

Основным законом, который определяет правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации (далее — РФ) является Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской

Федерации» [7]. Закон закрепляет следующие категории иностранцев, а именно:

1. Временно прибывающие — иностранцы, которые прибыли на территорию Российской Федерации на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и получившие миграционную карту. Срок пребывания таких граждан ограничен и составляет 90 суток в течение каждого периода в 180 дней, а также сроком действия визы.

2. Временно проживающие — иностранцы, которые получили официальное разрешение на временное проживание (далее — РВП), которое даёт право иностранцу проживать и работать на территории Российской Федерации в течение 3-х лет.

3. Постоянно проживающие — иностранцы, которые получили вид на жительство (далее — ВНЖ). Полученный документ даёт право иностранцу постоянно проживать и работать в России без ограничения срока действия.

Порядок получения РВП и ВНЖ, а также требования, предъявляемые к иностранным гражданам, которые желают получить указанные документы, подробно регламентирован в Федеральном законе № 115.

В соответствии со статьёй 10 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» документами, удостоверяющими личность иностранного гражданина в РФ, являются:

– Паспорт иностранного гражданина либо иной документ, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором РФ в качестве документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина.

– Вид на жительство — для постоянно проживающих иностранцев.

– Разрешение на временное проживание — для временно проживающих иностранцев [7].

Лицо без гражданства должно иметь один из следующих документов:

– Документ, выданный иностранным государством и признаваемый в соответствии с международным договором РФ в качестве документа, удостоверяющего личность лица без гражданства.

– Разрешение на временное пребывание в РФ — специальный документ, выдаваемый лицам без гражданства, не имеющим документа, удостоверяющего личность.

Основания прекращения законного пребывания иностранца в РФ установлены ст. 31 Закона № 115-ФЗ. К ним относятся:

- Истечение срока действия визы, РВП или ВНЖ.
- Аннулирование визы, РВП или ВНЖ.
- Депортация или выдворение иностранца из РФ.
- Вступление в гражданство РФ.
- Смерть иностранца.

Депортация и выдворение являются мерами административного воздействия, применяемыми к иностранцам, нарушившим законодательство РФ.

Стоит отметить, что правовой статус иностранцев также регулируется следующими актами:

1) Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ — устанавливает порядок миграционного учета иностранных граждан, которые находятся на территории РФ. Под миграционным учетом понимается система учета информации о месте пребывания или месте жительства иностранцев. Так, иностранные граждане обязаны вставать на миграционный учет по месту пребывания или месту жительства в течение 7 рабочих дней со дня прибытия в место прибытия. Нарушение правил миграционного учета влечет за собой административную ответственность в виде штрафа и может привести к выдворению из РФ.

2) Кодекс об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) устанавливает административную ответственность за совершение правонарушений. Среди наиболее часто совершаемых иностранцами административных правонарушений можно выделить: нарушение правил въезда в РФ или режима пребывания (проживания) в РФ, нарушение правил привлечения иностранной рабочей силы, осуществление трудовой деятельности без соответствующих разрешительных документов, нарушение правил дорожного движения, мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков в общественных местах и др.

3) Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за совершение преступлений.

4) Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ — устанавливает порядок выезда из России и въезда обратно для граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, иностранцу может быть отказано во въезде в РФ в случаях, предусмотренных законом, например, если он представляет угрозу безопасности РФ, нарушил законодательство РФ во время предыдущего пребывания в РФ, сообщил о себе заведомо ложные сведения при получении визы и др.

Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ представляет собой сложную и многогранную систему, регулирующую как конституционными принципами, так и многочисленными федеральными законами и международными договорами. Эффективная реализация норм миграционного законодательства является важным фактором обеспечения национальной безопасности, защиты прав и законных интересов как граждан РФ, так и иностранных граждан, находящихся на территории страны. Дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере должно быть направлено на упрощение процедур оформления документов, повышение эффективности контроля за миграционными потоками и укрепление международного сотрудничества в сфере миграции.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации
3. Паспортная аномалия: Иностранцы не хотят становиться гражданами РФ, а Россия их и не ждет // Коммерсант URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации
5. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации
6. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации
7. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации

Международно-правовые основы защиты окружающей среды при недропользовании

Гриднев Глеб Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Еремина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует международно-правовые основы защиты окружающей среды при использовании природных ресурсов, в частности, недропользовании. Рассматриваются основные термины и понятия, необходимые для глубокого понимания особенностей регламентации взаимоотношений между пользователями недр и природоохранительными организациями. Анализируются существующие источники правового регулирования, включающие как национальные законодательные акты, так и международные соглашения и конвенции, играющие значительную роль в установлении общего режима охраны окружающей среды. Особое внимание уделено ключевым принципам международного права охраны окружающей среды, составляющим основу современных практик регулирования недропользования. В заключении делается акцент на необходимости укрепления международно-правовых норм и улучшения международного сотрудничества для обеспечения устойчивости и гармонии между потребностями человечества и защитой природы.

Ключевые слова: недропользование, охрана окружающей среды, международное право, устойчивое развитие, экология, правовые нормы.

Введение

Защита окружающей среды в процессе недропользования регулируется целым рядом международных документов и национальных законодательств различных стран мира. Основой международно-правового регулирования является принцип устойчивого развития, закрепленный в Декларации Рио-де-Жанейро от 1992 года. Этот документ провозглашает необходимость сочетания экономического роста и сохранения природы, что предполагает учет экологических последствий любых видов деятельности, связанных с добычей природных ресурсов.

Кроме того, значительное внимание уделяется международным соглашениям и конвенциям, регулирую-

ющим использование отдельных компонентов окружающей среды — воздуха, воды, почвы, биологического разнообразия и др. Важнейшими источниками международного права являются Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.) и Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях (1971 г.). Эти международные акты устанавливают нормы, касающиеся предотвращения загрязнения морской среды и охраны особо ценных экосистем.

Национальная правовая база также играет ключевую роль в обеспечении экологической безопасности при освоении месторождений полезных ископаемых. Многие государства приняли законы, направленные на регулирование процессов разведки, добычи и переработки минерального сырья с целью снижения отрицательного

влияния на окружающую среду. Среди наиболее значимых норм российского законодательства можно отметить Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон № 2395-1 «О недрах», а также Постановление Правительства РФ № 166 «Об утверждении Положения о порядке проведения государственной экспертизы запасов полезных ископаемых».

Таким образом, международная практика свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению вопросов защиты окружающей среды при эксплуатации минеральных ресурсов. Эффективность мероприятий по предотвращению негативных воздействий определяется степенью согласованности действий всех заинтересованных сторон — государств, компаний и общественных организаций.

1. Терминология и понятия

Освоение природных ресурсов, особенно полезных ископаемых, неразрывно связано с необходимостью защиты окружающей среды. Проблема приобретает глобальное измерение, поскольку воздействие добывающей отрасли распространяется далеко за пределы государственных границ. Современное международное право выработало ряд важных принципов и институтов, призванных регулировать взаимоотношения государств и частных субъектов в вопросах охраны природы [1]. Для эффективного функционирования механизма международной защиты необходима ясная и единая терминологическая основа, позволяющая четко определять границы ответственности и формулировать юридические обязательства участников процесса.

Основные термины и понятия международно-правовой защиты окружающей среды при недропользовании:

Недра — подземные горные породы, минералы и вода, используемые человечеством для удовлетворения экономических нужд [2].

Недропользование — деятельность по исследованию, добыче и переработке полезных ископаемых, ведущаяся государственными органами, компаниями или частными лицами.

Охрана окружающей среды — правовые и технические мероприятия, защищающие природный баланс и предупреждающие ущерб природе от экономической активности [3].

Экологическое законодательство — национальные и международные нормативно-правовые акты, определяющие правила охраны природы и наказания за нарушения.

Устойчивое развитие — концепция сбалансированного прогресса, предполагающая удовлетворение текущих потребностей без ущемления будущих поколений.

Загрязнение окружающей среды — распространение опасных веществ в воздухе, воде, почве и растительности, негативно влияющее на качество жизни и природу.

Экоцид — преступления против природы, выражающиеся в намеренном уничтожении природных богатств и экосистем [4].

Принцип предосторожности — принятие защитных мер в ситуациях, когда потенциальный вред науке ещё недостаточно изучен.

Биологическое разнообразие — богатство животного и растительного мира Земли, представляющее особую ценность для науки и экологии.

Эти термины обеспечивают основу для понимания правовых механизмов и инструментов, применяемых в сфере защиты окружающей среды при ведении добычи полезных ископаемых. Термины и понятия, применяемые в международно-правовом механизме защиты окружающей среды при недропользовании, образуют фундаментальную базу для формирования единых подходов к разрешению проблем ресурсодобычи и охраны природы. Четкость определений помогает избежать двусмысленности и способствует принятию обоснованных управленческих решений. Соблюдение установленных международно-правовых норм и обязательств обеспечит стабильное функционирование мирового сообщества и позволит сохранить благоприятную природную среду для последующих поколений.

2. Источники международно-правового регулирования

Международно-правовое регулирование защиты окружающей среды при осуществлении недропользования основывается на нескольких источниках:

1. Международные договоры и соглашения.

Основой регулирования выступают многосторонние международные договоры и соглашения, принятые в рамках международных форумов и конференций. Наиболее значимые среди них:

– Декларация Рио-де-Жанейро (1992) — важнейший международный акт, содержащий концепцию устойчивого развития и положения о разумном использовании природных ресурсов.

– Конвенция ООН по морскому праву (1982) — регулирует эксплуатацию морских ресурсов, включая разработку морского дна и континентального шельфа.

– Рамсарская конвенция (1971) — направлена на охрану водно-болотных угодий, являющихся важными элементами экосистемы и часто подверженными загрязнению при промышленной деятельности.

– Базельская конвенция (1989) — определяет условия транспортировки и утилизации опасных отходов, многие из которых образуются в результате недропользования.

2. Решения международных органов.

Решения специализированных учреждений ООН, Совета Европы и других международных организаций формируют важные стандарты и рекомендации по вопросам охраны окружающей среды. Например, решения Европейского суда по правам человека играют важную роль в толковании положений Европейской конвенции о правах человека относительно вопросов экологического характера [5].

3. Национальное законодательство.

Каждый государственный орган вправе самостоятельно устанавливать собственные правовые рамки для защиты окружающей среды при пользовании недрами. Однако такие нормы должны соответствовать общим принципам международного права и принятым обязательствам, зафиксированным в ратифицированных документах. Так, российское законодательство предусматривает механизм выдачи лицензий на пользование недрами и установления экологических требований для пользователей.

4. Обычаи международного права.

Некоторые общепринятые практики становятся частью международно-правовых обычаев. Они формируются постепенно, путём постоянного повторения аналогичных действий различными субъектами международного права и признания их обязательным характером всеми участниками международного общения.

Совокупность указанных источников формирует целостную систему международно-правового регулирования, направленную на гармонизацию усилий государств и бизнеса в деле защиты окружающей среды при эксплуатации недр.

3. Основы международного права охраны окружающей среды

Международное право охраны окружающей среды формируется на протяжении десятилетий и служит основой для защиты природных ресурсов от пагубного воздействия хозяйственной деятельности человека. Современные реалии требуют интеграции глобальных подходов и тесного международного сотрудничества для поддержания баланса между экономическим развитием и сохранением окружающей среды. Основа этого права представлена набором общих принципов, основных источников и ключевых игроков, действующих на мировой арене.

Современное международное право выделяет следующие ключевые принципы, лежащие в основе охраны окружающей среды:

1. Принцип уважения суверенитета государства над своими природными ресурсами. Каждый народ имеет право свободно распоряжаться своими природными богатствами и владеть ими, одновременно принимая на себя обязательство соблюдать интересы международного сообщества и поддерживать устойчивое развитие [6].

2. Принцип добросовестного исполнения обязательств. Государства обязаны исполнять заключённые международные договоры и следовать установленным нормам и правилам, предусмотренным этими актами.

3. Принцип солидарности и взаимопомощи. Развитые страны должны оказывать помощь развивающимся странам в области передачи технологий, финансирования проектов по восстановлению природы и борьбе с загрязнением окружающей среды.

4. Принцип соблюдения норм эколого-экономической эффективности. Страны должны учитывать эконо-

мические последствия принимаемых решений, стремясь минимизировать негативное влияние на окружающую среду и обеспечить справедливость распределения затрат и выгод.

5. Принцип сотрудничества государств. Государства должны сотрудничать друг с другом, обмениваться информацией и опытом, способствовать осуществлению совместных программ и инициатив в области охраны окружающей среды.

6. Принцип возмещения убытков третьим лицам, пострадавшим от неправомерных действий государства или юридических лиц, ведущих хозяйственную деятельность.

7. Принцип учёта долгосрочных последствий и забота о будущих поколениях. Деятельность должна проводиться таким образом, чтобы удовлетворять потребности настоящего поколения, не ставя под угрозу возможности будущих поколений [7].

Международно-правовая охрана окружающей среды осуществляется посредством различных категорий правовых актов:

1. Многосторонние международные договоры. Такие договоры содержат общие положения и принципы поведения государств, касающиеся охраны окружающей среды. Примеры включают Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (1992), Киотский протокол (1997), Парижское соглашение (2015), Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов (1989) и Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1987).

2. Односторонние акты государств. Сюда входят постановления правительства, распоряжения президента, парламентские законы и судебные решения, отражающие политику конкретного государства в отношении охраны окружающей среды [9].

3. Международные организации и специализированные учреждения. Органы Организации Объединённых Наций (ООН), Совет Европы, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) регулярно принимают резолюции, рекомендации и директивы, направленные на укрепление международной координации и сотрудничество в сфере охраны окружающей среды.

4. Практика международных судов и арбитражей. Решения Международного Суда ООН, Комиссии по морскому праву, региональных трибуналов и коммерческих арбитражей вносят вклад в формирование норм и стандартов международного права охраны окружающей среды.

5. Документы международных неправительственных организаций. Отчёты экспертов, заключения комиссий, исследования НПО и гражданского общества помогают выявить проблемы и стимулируют улучшение политики государств в области охраны окружающей среды.

Важную роль в формировании и развитии международного права охраны окружающей среды играют различные международные организации:

1. Организация Объединённых Наций (ООН). Генеральная Ассамблея принимает резолюции и создаёт специальные органы, занимающиеся вопросами охраны окружающей среды. Конференции ООН оказывают большое влияние на мировую повестку в области экологии.

2. Программа ООН по окружающей среде (UNEP). UNEP координирует усилия государств по снижению антропогенного давления на окружающую среду, проводит исследования и распространяет информацию о состоянии природы [10].

3. Совет Европы. Совет Европы разработал целый ряд документов, посвящённых охране окружающей среды, включая Конвенцию о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды (Орхусская конвенция, 1998).

4. Европейский Союз (ЕС). ЕС активно внедряет экологические нормы и стандарты в свою политику, оказывая существенное влияние на практику внутри союза и вне его.

Несмотря на значительные достижения в области международного права охраны окружающей среды, остаются нерешёнными некоторые важные вопросы:

- отсутствие универсальных норм, обязательных для всех государств;
- недостаточная эффективность санкций за нарушение экологических обязательств [8];
- сложности с координацией действий между развитыми и развивающимися странами;
- рост давления на природу в связи с ростом численности населения и увеличением спроса на энергоресурсы.

Перспективы дальнейшего развития международного права охраны окружающей среды связаны с усилением роли международного сотрудничества, повышением прозрачности и доступности информации, улучшением научных исследований и разработкой инновационных технологий для уменьшения нагрузки на окружающую среду.

Современные тенденции указывают на важность усиления международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Необходимо продолжать совершенствовать существующую систему международно-правовых норм, создавать новые инструменты мониторинга

и обеспечивать выполнение принятых обязательств. Только совместные усилия смогут обеспечить устойчивость и безопасность нашей планеты для будущих поколений.

Заключение

Вопросы охраны окружающей среды при использовании природных ресурсов приобретают особое значение в современном мире, характеризующемся возрастающим давлением на природу в результате интенсивного промышленного освоения недр. Совершенствование международно-правовых основ защиты окружающей среды выступает необходимым условием устойчивого развития, сочетающего экономический прогресс и экологическую безопасность.

Анализ терминологии и понятий показал, что правильное применение специальной лексики и точное понимание её значения способствуют формированию единого подхода к решению экологических проблем, связанных с использованием природных ресурсов. Термины и понятия, используемые в международно-правовом регулировании, создают единую платформу для конструктивного диалога и эффективных переговоров между государствами и бизнес-сообществом.

Отдельное внимание было уделено основным принципам международного права охраны окружающей среды, которые служат фундаментом для выработки конкретных норм и рекомендаций. Выделение таких принципов, как принцип добросовестного исполнения обязательств, взаимной помощи и участия третьих сторон, подчеркивает важность коллективных усилий в достижении общей цели — сохранении природы ради будущего благополучия всего человечества.

Проведённое исследование позволило сделать вывод о необходимости продолжения работы по совершенствованию международно-правовых рамок, регулирующих вопросы охраны окружающей среды при использовании недр. Важно развивать международное сотрудничество, повышать уровень осведомлённости граждан и представителей бизнеса о существующих нормах и правилах, улучшать взаимодействие между различными структурами власти и негосударственными институтами.

Литература:

1. Астафьева, О. Е. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды / О. Е. Астафьева, А. В. Питрюк. — учебник. — Академия, 2014. — 272 с.
2. Бринчук, М. М. Экологическое право. / М. М. Бринчук. — Москва: Проспект, 2020. — 416 с.
3. Природноресурсовое право и правовая охрана окружающей среды / Петров, В. Ред. — Юридическая литература. — Букинист, 1988. — 512 с.
4. Международное экологическое право / Отв. ред. Р. М. Валеев. — Учебник. — Статут, 2012.
5. Боярко, Г. Ю. Правовое регулирование доступа к участку недр / Г. Ю. Боярко, И. Б. Калинин. — Минеральные ресурсы России. — Экономика и управление, 2001, № 1. — 62–65 с.
6. Лунева, Е. В. Методологические подходы к исследованию права рационального природопользования / Е. В. Лунева. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2021. — № Т. 25 № 11. — 163–182 с.

7. Боголюбов, С. А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды / С. А. Боголюбов, Е. А. Позднякова. — учебник и практикум для академического бакалавриата. —: Юрайт, 2017. — 398 с.
8. Боголюбов, С. А. Современные проблемы Экологического кодекса / С. А. Боголюбов. — № 6. —: Экологическое право, 2005.
9. Мельник, С. О. Односторонние акты государств в международном праве / Международное право и национальное законодательство / С. О. Мельник. —: Эксмо, 2009. — 289 с.
10. Программа ООН по окружающей среде. — Текст: электронный // UNEP: [сайт]. — URL: <https://www.unep.org/ru/who-we-are/about-us> (дата обращения: 25.05.2025).

К понятию о конвенционных преступлениях

Гусаков Антон Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Гончарова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

На сегодняшний день в эпоху развития цифровизации и обнаружения новых способов совершения преступлений, развитии преступных организаций и увеличение количества совершаемых преступлений, особую роль следует уделить конвенционным преступлениям. Под конвенционными преступлениями понимаются преступления, регулируемые международными конвенциями и соглашениями. В данную категорию следует включать- терроризм, отмывание денежных средств, торговлю людьми.

Стоит сразу отметить тот факт, что данные преступления затрагивают огромное количество стран и выходят за рамки какого-то отдельно взятого государства. Уже разработано достаточно много различных конвенций и соглашений, направленных на то, чтобы предупредить преступные посягательства, создаются различные ведомства и организации для разрешения данных вопросов, однако несмотря на сильное разрушительное влияние конвенционных преступлений, мер принимаемых в настоящий момент недостаточно в силу развития в том числе интернет-коммуникационных систем.

В этой связи стоит упомянуть вопрос о разграничении конвенционных преступлений. Вопрос о разграничении конвенционных преступлений в теории уголовного права остается дискуссионным. Преступления имеют свою квалификацию в зависимости от предмета рассмотрения, что отметили Э. Ю. Латыпова и Н. Н. Гончарова [2]. Отсутствие единой методологии приводит к тому, что теоретики предлагают различные критерии классификации. Однако стоит учесть, что значительная часть из них остается неэффективной на практике.

Классификация по характеру международного договора: это, к примеру преступления, в основу которых ложится общий характер договоров. Такие документы не содержат конкретных уголовно-правовых норм, а формируют лишь общие принципы ответственности, например, Всеобщая декларация прав человека — устанавливает фундаментальные права, но не детализирует составы пре-

ступлений и не представляет перечня характеристик преступного поведения.

Классификация по характеру преступлений, закрепленных в специализированных договорах- конвенции, не относящиеся напрямую к уголовному праву, все же включают элементы состава преступления. Например, Женевская конвенция об открытом море [5], регулирующая международное морское право, предусматривает нормы, связанные с пресечением пиратства, что требует последующей криминализации в национальном законе.

В условиях мирового сотрудничества все больше государств стараются внедрить в свои правовые системы нормы международного права и исследуют вопросы преступлений международного характера А. Г. Кибальник и А. В. Наумов определяют преступление в международном праве как «нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве» [3].

Профессор А. Ю. Скурагова отмечает: «конвенционные преступления –тягчайшие, общественно опасные противоправные деяния, которые нарушают основополагающие нормы международного права, затрагивают интересы всего международного сообщества, посягают на международный правопорядок в целом» [4, с. 7], [6].

Изучая разные к подходы понимаю конвенционных преступлений мы бы хотели выделить свое определение, учитывая общие характерные черты, представленные в доктрине: Конвенционные преступления — это преступления, направленные прежде всего против всего мирового сообщества и в особенности против стран, подписавших международные договоры и имплементировавшие их, а также регламентировавшие данные преступления как совершенные с целью подрыва государственных устоев и затруднения международного сотрудничества, имеющие последствия для государств, предприятий и общества в целом.

В силу однозначного противоречия нормам международного договора, также важно, что такие деяния

признаются преступлениями в силу действующего международного уголовного права. Такие преступления соответственно должны быть тяжкими и особо тяжкими.

Кроме того, такие конвенционные преступления работают только в случае имплементации во внутреннее законодательство государств, что в итоге является следствием параллельной юрисдикции в отношении данных деяний [1]. В качестве примера приведем Конвенцию ООН против киберпреступности, которая объединила множество квалификаций по признаку совершения деяния при воздействии на информационно-коммуникационную систему, на электронные данные, однако при условии, что государ-

ство считает такие составы преступлениями по внутреннему законодательству [7].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что возрастание внимания к конвенционным преступлениям — это уже первый шаг к их профилактике и борьбе. Данные преступления требуют особого подхода, объединяющие усилия государств и международных организаций. В данном случае мы говорим о ратификации и имплементации конвенций, создании новых организаций, направленных на предотвращение и предупреждения возможных преступлений, устранении правовых пробелов и повышении осведомленности граждан о методах совершаемых преступлений.

Литература:

1. Гончарова Н. Н. Юрисдикция государства в отношении преступлений, совершенных на воздушных судах, и иных нарушений в контексте обеспечения безопасности полетов / Н. Н. Гончарова, М. Ф. Матюнин, И. Ю. Пименова // Международное публичное и частное право. — 2022. — № 5. — С. 25–28.
2. Латыпова Э. Ю., Гончарова Н. Н. О военном времени как квалифицирующем признаке преступлений против военной службы / Э. Ю. Латыпова, Н. Н. Гончарова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2024. — № 3. — С. 162–172.
3. Кибальник А. Г., Наумов А. В. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 252 с.
4. Скуратова А. Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 160 с.
5. Женевская конвенция об открытом море 1963 года // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf Дата обращения: 21.02.2025.
6. Попова, Д. Р. Понятие и классификация конвенционных преступлений и их место в системе уголовного права РФ / Д. Р. Попова // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции, Курск, 24 марта 2022 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 332
7. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимся к серьезным преступлениям 2024 года // Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> Дата обращения: 21.02.2025.

Процессуальный порядок проведения обыска как следственного действия

Дадонов Александр Игоревич, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассмотрено понятие и сущность обыска как следственного действия. Приведено понятие и описаны ключевые признаки обыска. Также раскрыты задачи обыска и кратко описан процессуальный порядок его производства.

Ключевые слова: следственное действие, обыск, признаки, задачи, порядок производства.

В системе средств проверки доказательств по уголовному делу важное место занимает обыск. Его проведение относится к одному из наиболее сложных, трудоемких и требующих разносторонних знаний следственных действий. Его производство строго регламентировано уголовно-процессуальным законом и соответствует всем принципам уголовно-процессуального права (ст. ст. 182, 184 УПК РФ).

Обыск является одним из распространенных способов получения доказательств по делу. Значение этого следственного действия определяется возможностью устанавливать те или иные обстоятельства совершенного преступления. Обыск служит средством своевременного изобличения виновных в совершении преступления и установления истины по уголовному делу.

Современной уголовно-процессуальной науке свойственны различные взгляды на содержание понятия «обыск». Е. С. Арнаутова описывает данное следственное действие как проводимое в принудительном порядке обследование помещений и сооружений, приусадебных участков, одежды и тела отдельных лиц в целях отыскания и изъятия имеющих значение для уголовного дела объектов, а также обнаружения разыскиваемых преступников, потерпевших и трупов [1].

С. С. Разин и Н. С. Грудинин, под обыском понимают следственное действие, которое производится в целях обнаружения предметов, документов или иных объектов, имеющих значение для установления обстоятельств совершения преступления, а также в целях обнаружения трупов и лиц, которые находятся в розыске [2].

В ходе обыска решаются следующие задачи:

1. выявление и конфискация объектов, имеющих значение для уголовного дела (вещественные доказательства, инструменты, использованные при совершении преступления, предметы, хранящие следы преступных деяний (одежда со следами, позволяющими связать ее с местом преступления), или же результаты преступной активности (фальшивые банкноты, поддельные удостоверения, средства для изменения внешности). Сюда же относится поиск имущества, полученного незаконным путем (украденные деньги, драгоценности, ценные бумаги), и документов, содержащих важную информацию (записи, фотографии, личные дневники);

2. обнаружение находящегося в розыске человека, тела умершего, а также сопутствующих материалов и документов, идентифицирующих личность и способствующих его розыску;

3. выявление имущества, которое подлежит аресту для обеспечения возможного удовлетворения имущественных претензий потерпевшего или применения уголовно-правовых мер в виде конфискации имущества.

4. обнаружение ценностей, вещей и документов, которые позволят рассмотреть различные версии совершения преступления;

5. обнаружение фрагментов одежды или личных вещей, указывающих на место нахождения потерпевшего;

6. обязательное изъятие предметов, запрещенных к свободному обращению.

Обыск характеризуется рядом признаков, позволяющих отграничить его от других видов следственных действий. Прежде всего, обыск характеризуется высокой степенью принудительного воздействия на лицо, у которого он производится. Под руководством следователя участники следственного действия принудительно изымают следы и предметы, имеющие отношение к совершению преступления. Принуждение в данном случае не позволяет собственнику или владельцу помещения отказаться от проведения обыска, если имеются процессуальные основания его проведения.

Характерной чертой обыска является конфликт интересов между следователем и обыскиваемым. Целью сле-

дователя является обнаружение орудий преступления и незаконно приобретенного имущества, тогда как обыскиваемый, как правило, стремится этому воспрепятствовать.

Для подозреваемого (обвиняемого) и его близких обыск равносителен вторжению в личное пространство, раскрытию материальных и интимных сторон жизни. Информация об обыске, в котором участвуют понятые, представители ТСЖ и другие лица, быстро распространяется среди окружающих, что может негативно повлиять на репутацию обыскиваемого и его семьи, ассоциируясь с негативным общественным мнением о виновном.

Обыск отличается ярко выраженным поисковым характером. Следователь и его команда ориентированы на поиск конкретных предметов и информации. Для успешного обнаружения орудий преступления и сокрытых ценностей необходимы поисковые навыки, наблюдательность и умение анализировать информацию.

В большинстве случаев следователь располагает ограниченной информацией об обстоятельствах обыска, местах нахождения искомых объектов. Поэтому обыск имеет поисковую направленность. Для установления искомых объектов следователь и его команда руководствуются могут применять тактические рекомендации, которыми вооружает науки криминалистика.

Обыск характеризуется высокой степенью неопределённости. Проведение обыска — сложная задача, требующая значительных моральных, интеллектуальных и физических усилий. Обнаружение скрытых объектов значительно сложнее, чем их сокрытие. Следователь, инициировавший обыск, сталкивается с множеством неизвестных факторов, что предъявляет повышенные требования к его профессиональной компетентности и психологической устойчивости. В процессе обыска следователь постоянно находится в ситуации решения проблем, где каждое действие направлено на поиск скрытых предметов и улик, способных указать на скрытые объекты.

Присутствие лица, у которого производится обыск, или совершеннолетних членов его семьи, является важным условием законности следственного действия, установленной уголовно-процессуальным законом. В случае невозможности их присутствия, обеспечивается присутствие представителя жилищно-эксплуатационной организации или местной администрации. Отсутствие указанных лиц при проведении обыска влечёт за собой признание протокола и обнаруженных вещественных доказательств недопустимыми.

Процессуальный порядок производства обыска состоит в следующем.

Следователь начинает взаимодействие с обыскиваемым с предъявления постановления, а в необходимых случаях — и судебного решения. В постановлении приведено требования о выдаче искомых предметов. Производство обыска в жилом помещении требует специального судебного решения. Если обыск производится не в жилом

помещении, а в служебном, то решения суда не требуется. Например, в постановлении следователя указано: 25.09.21 года в период с 18.00 ч. до 19.00 ч. неизвестные лица похитили носильные вещи, принадлежащий В. А. Л. Была получена информация, что вещи могут находиться в кладовке электрика по адресу с. Восточное ул. Пионерская, 116. После проведения обыска подозреваемый обжаловал действия следователя. Однако, суд признал действия следователя законными, так как обыск был проведено не в жилом помещении и не требовал особой фиксации [3].

После вручения копии постановления обыскиваемому следователь должен разъяснить всем участвующим в производстве обыска лицам их права и обязанности, а также порядок его проведения (ч. 1 ст. 11, ч. 5 ст. 164 УПК). Это нормативное предписание тоже сопряжено с рядом проблем. В случае, если лицо на момент производства обыска имеет процессуальный статус, следователь должен руководствоваться соответствующими статьями УПК, которые этот статус определяют. Заметим, однако, что статус подозреваемого (ст. 46 УПК), обвиняемого (ст. 47 УПК) и других участников (ст.ст. 42, 56 УПК), не охватывает специфических прав, которыми должен располагать обыскиваемый для того, чтобы защищать свои законные интересы. Производство обыска может серьезно затрагивать важные права личности (на неприкосновенность жилища, тайну переписки, уважение чести и достоинства личности и др.) Лицу, у которого производится обыск, вне зависимости от наличия или отсутствия у него процессуального статуса, должны быть разъяснены все специфические права, позволяющие ему эффективно отстаивать свои законные интересы. Такой комплекс законом не предусмотрен.

В то же время для улучшения уголовно-процессуального регулирования, повышения ответственности всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц важное значение имеет четкое определение в законе круга процессуальных обязанностей каждого субъекта уголовного

процесса и детально разработанная система мер контроля, главным образом процессуальных санкций за выполнением этих обязанностей.

До начала поисковых действий следователь предлагает добровольно выдать искомые объекты и предметы, изъятые из оборота. Добровольная выдача предмета до начала поисковых действий имеет юридическое значение доказательственного факта. Если обыскиваемый добровольно выдает какой-либо предмет, то следственное действие может быть заменено выемкой.

Особенностью производства обыска является требование обязательного обеспечения участия в нем лица, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи. По смыслу УПК РФ к участию в обыске привлекаются владелец обыскиваемого объекта (а не только помещения), либо его представитель (аналогия ч. 6 ст. 177 и ч. 15 ст. 182 УПК РФ), либо проживающие в жилище лица. Невыполнение этого требования, при наличии возможности его выполнить, является существенным нарушением процессуального закона (ч. 3 ст. 7) и влечет недопустимость полученных доказательств.

Обнаруженные во время обыска объекты подлежат изъятию, включая те, что имеют отношение к иным уголовным делам. Они подвергаются первичному осмотру в месте их обнаружения и изъятия. Осмотр, как правило, не производится, если для этого требуется продолжительное время, а также при отсутствии необходимых условий (освещения, специальных приспособлений и т. п.) [4].

Итак, обыск — это следственное действие, которое заключается в обследовании физического лица, жилых и нежилых помещений, хранилищ, земельных участков, транспортных средств, находящихся во владении физических или юридических лиц. Целью обыска является обнаружение и изъятие объектов, имеющих значение для установления обстоятельств преступления.

Литература:

1. Арнаутова Е. С., Червяков М. Э. Обыск как следственное действие, проводимое на первоначальном этапе расследования квартирных краж // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 7–9.
2. Разин С. С., Грудинин Н. С. Некоторые проблемы проведения обыска и выемки // Nauka-rastudent.ru. 2017. № 1. С. 65
3. Приговор Шелопугинского районного суда Забайкальского края № 1–18/2021 от 8 июня 2021 г. по делу № 1–18/2021
4. Кожевникова О. Н., Котельвин М. О. Проблемные вопросы обыска в жилище // В сборнике: Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы шестого международного круглого стола. 2019. С. 36–38.

Применение мер пресечения, избираемых по решению суда при производстве дознания

Дмитриева Евгения Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Горчакова Екатерина Витальевна, доцент
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В современном правовом порядке меры пресечения, применяемые по решению суда в ходе дознания, играют ключевую роль в обеспечении справедливости и эффективности уголовного процесса. Эти меры призваны гарантировать сохранность доказательств, предотвращать уклонение от следствия, а также защищать права и законные интересы всех участвующих в уголовном процессе лиц. В данной статье рассмотрены различные виды мер пресечения, которые может назначить суд во время дознания, их юридическое значение и последствия для всех участников процесса. Проанализировано какие критерии определяют выбор конкретной меры, какое влияние она оказывает на ход следствия и результативность его завершения.

Ключевые слова: мера пресечения, дознание, судебное решение, ходатайство, уголовный процесс, доказывание.

Application of preventive measures chosen by a court decision during the investigation

In the modern legal order, preventive measures applied by a court decision during an inquiry play a key role in ensuring the fairness and effectiveness of criminal proceedings. These measures are designed to guarantee the safety of evidence, prevent evasion of the investigation, and protect the rights and legitimate interests of all persons involved in the criminal process. This article examines the various types of preventive measures that a court may order during an inquiry, their legal significance, and the consequences for all participants in the process. It analyzes the criteria that determine the choice of a specific measure, what impact it has on the course of the investigation and the effectiveness of its completion.

Keywords: preventive measure, inquiry, court decision, petition, criminal proceedings, proof.

В части 3 статьи 55 основного закона страны — Конституции РФ [1], посвященной правовому положению личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство, содержится запрет, следуя которому, нельзя произвольно осуществлять действия, способные ущемить личную свободу и неприкосновенность личности. Это правило касается и применения мер пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, перечисленных в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [2].

Меры пресечения, избираемые по решению суда при производстве дознания, представляют собой специальные действия суда, направленные на обеспечение правильного и полного разрешения уголовного дела. Эти меры пресечения вводятся судом в случаях, когда они необходимы для предотвращения уклонения от участия в деле, сохранения доказательств, обеспечения безопасности общества и других оправданных целей.

Понимание понятия и целей мер пресечения избираемых по решению суда является важным аспектом для эффективной работы правоприменителей и обеспечения законности.

Одной из основных целей применения мер пресечения по решению суда является предотвращение возможности совершения новых преступлений лицом, подвергшимся предварительному расследованию. В тех ситуациях, когда имеются основания полагать, что подсудимый может ис-

пользовать свой статус для уклонения от правосудия или влияния на свидетелей, суд вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу или обеспечения исполнения иных обязательств в рамках уголовного производства. Такие меры помогают обеспечить надлежащий ход расследования и избежать возможного нарушения законности.

Кроме того, целью мер пресечения, избираемых по решению суда, является также обеспечение сохранности доказательств. В процессе дознания важно, чтобы улики и материалы, имеющие отношение к делу, не были утрачены, уничтожены или подделаны. Поэтому суд может принять решение о временном ограничении свободы лица или обязать его не покидать место жительства, чтобы гарантировать сохранность доказательств и обеспечить возможность последующего их использования в судебном разбирательстве.

В доктрине приведено множество различных классификаций мер пресечения, однако в рамках данной статьи нас интересует исключительно меры, избираемые по решению суда при производстве дознания.

Согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ, такие меры пресечения как: заключение под стражу, запрет определенных действий, домашний арест, залог, а также продление сроков содержания под стражей, домашнего ареста или запрета определенных действий входит в исключительную компетенцию суда.

Заключение под стражу является одной из мер пресечения, которую суд может избрать по решению в процессе производства дознания в соответствии со статьей 108 УПК РФ. Эта мера применяется в случаях, когда существует риск совершения обвиняемым нового преступления, смертельной опасности для потерпевших, свидетелей или общества, а также для обеспечения процессуального принуждения и предотвращения уклонения от следствия и суда.

Заключение под стражу может быть избрано только при наличии определенных обстоятельств и соблюдении определенных условий, установленных законодательством. Одним из главных критериев для принятия решения о заключении под стражу является установление достаточных оснований судом. В начале данной статьи мы упомянули об оправданных целях. В статье 97 УПК РФ все эти обстоятельства перечислены как основания избрания мер пресечения. Однако в доктрине высказывается мнение, что это более следует относить к целям, а основания необходимо пересмотреть [4]. В частности, В. С. Куриленко и И. И. Разувакина высказывают мнение, что ст. 97 УПК РФ должна быть подвергнута корректировке с целью дополнения её таким основанием, как «документально подтвержденные данные о причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления» [5]. О таких данных непосредственно говорит пункт 14 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 [3], по смыслу которого наряду с обоснованным подозрением лица в совершении преступного деяния, должны иметь место и иные обстоятельства (данные), позволяющие применить к подозреваемому мере пресечения, изолирующую его от общества.

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд должен учитывать ряд факторов, таких как характер совершенного преступления, личность обвиняемого, его имущественное положение, уровень общественной опасности представляет обвиняемый, наличие связей с иными лицами, обстоятельства, свидетельства и доказательства дела.

Процедура избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при производстве дознания достаточно строга и подчиняется жестким правилам, чтобы избежать необоснованного лишения свободы обвиняемого. Суд обязан обосновать свое решение о заключении под стражу, указав конкретные обстоятельства, на основании которых принимается такое решение.

Кроме того, заключение под стражу является временной мерой и должно быть пересмотрено через определенные промежутки времени в соответствии с законом. Суд, избравший меры пресечения в виде заключения под стражу, также обязан контролировать ее законность и обоснованность.

Следующая мера пресечения — это запрет определенных действий. Статья 105.1 УПК РФ устанавливает запрет на определенные действия при производстве дознания в рамках применения мер пресечения, избираемых

по решению суда. Эта статья также направлена на обеспечение законности и соблюдения прав участников уголовного процесса. Она может ограничивать обвиняемого в свободном передвижении в определенные промежутки времени, в нахождении в определенных местах, в общении с определенными лицами и т. п. для защиты интересов сторон и предотвращения возможных нарушений со стороны обвиняемого.

Следующая мера — это домашний арест, которая является одной из мер пресечения, избираемых по решению суда при производстве дознания, согласно статье 107 УПК РФ. Эта мера применяется судом в случае необходимости обеспечения выполнения участником дознания процессуальных обязанностей. Суть домашнего ареста заключается в том, что обвиняемый ограничивается в свободе передвижения и обязан находиться на определенной территории — обычно дома или в другом месте, обусловленном судебным решением. Об этом обвиняемый информируется немедленно после применения меры. Домашний арест включает в себя ряд ограничений для лица, на которое он наложен. Это может включать запрет на покидание места проживания без предварительного разрешения органов дознания или суда, а также обязанность немедленно являться по вызову органа дознания.

Эффективность домашнего ареста заключается в предотвращении скрытия улик, угрозы новым преступлениям, а также обеспечении безопасности общества. Эта мера обязывает обвиняемого соблюдать условия, предписанные судом, и таким образом демонстрировать готовность сотрудничать с органами дознания.

В случае нарушения условий домашнего ареста, суд имеет право заменить эту меру на более строгие или принять другие меры пресечения. При этом обвиняемый должен соответствовать всем требованиям, установленным для него в рамках домашнего ареста, и следить за тем, чтобы его действия не противоречили закону.

Также к мерам пресечения следует отнести залог (ст. 106 УПК РФ). Залог является одним из способов обеспечения процесса дознания, обеспечивает добровольное явление подозреваемого или обвиняемого, а также своевременное привлечение их к наказанию. Применение залога в ходе дознания позволяет установить обязательства лица, подвергнутого данной мере пресечения, представить реальную гарантию эффективного проведения дознания и последующего уголовного преследования. Институт залога может быть использован судом в случаях, когда существует реальная угроза скрытному следствию или уклонению от уголовной ответственности со стороны подозреваемого или обвиняемого.

Залог может быть установлен судом как альтернатива заключению под стражу, основным преимуществом которого является возможность сохранения свободы подозреваемого или обвиняемого при условии соблюдения определенных условий и обязательств. Суд имеет право устанавливать размер залога с учетом степени общественной опасности преступления, характера об-

виняемого, его материального состояния и других обстоятельств. При этом суд придерживается принципа соразмерности и не назначает излишне высокий залог, который может препятствовать осуществлению права на обжалование решения суда. Обязанности по уплате залога и его возврату также регулируются нормами законодательства, обеспечивая справедливое и эффективное применение этой меры пресечения.

В свете всего изложенного можно сделать вывод, что понятие и цели мер пресечения, избираемых по решению суда, важны для обеспечения правовой защиты и обеспе-

чения законности в уголовном процессе. Судебные меры пресечения необходимы для поддержания правопорядка, предотвращения преступлений и обеспечения справедливого и эффективного судопроизводства. Самой строгой мерой среди всех мер пресечения принято считать заключение под стражу, которая применяется в случаях необходимости обеспечения процессуальной деятельности и защиты общественного порядка. При этом ее применение должно осуществляться строго в рамках закона и с учетом всех обстоятельств конкретного дела, в принципе, как и для других мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изм. от 04.10.2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2025)
3. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (в ред. от 05.03.2013 № 4) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2025).
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд. М.: Проспект, 2023. 343 с.
5. Куриленко В. С., Разувакина И. И. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда при производстве дознания // Флагман науки. 2024. № 5 (16). С. 908–911.

Проблемы привлечения дистанционного работника к дисциплинарной ответственности

Дмитриева Лариса Юрьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Фильчакова Светлана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена проблемам регулирования труда дистанционных работников, к которым в период выполнения трудовой функции дистанционно распространяется действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, но с учетом особенностей, установленных главой 49.1 ТК РФ. При этом особенности привлечения к дисциплинарной ответственности для дистанционных работников не урегулированы в полной мере.

Ключевые слова: дистанционная работа, дистанционные работники, дисциплинарная ответственность, трудовой кодекс, трудовое право.

Problems of bringing a remote worker to disciplinary responsibility

The article is devoted to the problems of regulating the work of remote workers. During the period of their employment, this category of employees is remotely subject to labor legislation and other acts containing labor law norms, but taking into account the specifics established by Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation. At the same time, the specifics of disciplinary liability for remote workers have not been fully regulated.

Keywords: remote work, remote workers, disciplinary responsibility, labour code, labour law.

Специфика дисциплинарной ответственности дистанционных работников определяется в соответствии с частью 1 статьи 312.8 ТК РФ [1]. В данной статье ука-

зано дополнительное основание для расторжения трудового договора с дистанционным работником. В настоящее время трудовой договор с дистанционным работником

может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя.

До реформы 2020 г., если работник не реагировал на способы руководителя связаться с ним, то это квалифицировали как прогул. Таких работников увольняли в соответствии с подпунктом «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ. Прогул — это отсутствие работника на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены) (подпункт «а» пункт 6 часть 1 статьи 81 ТК РФ). В свою очередь, рабочее место — это место, где работник обязан находиться или куда ему необходимо прибыть и которое находится под контролем работодателя.

В тексте главы о дистанционной работе говорится, что работа должна выполняться вне места нахождения работодателя, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. Соответственно, положения о дистанционной работе и о рабочем месте содержат взаимно исключающие понятия — «которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя» и «вне места... прямо или косвенно находящегося под контролем работодателя» [7, с. 28].

В настоящее время работодатели используют отслеживающие программы на компьютере работника. При этом это не ясно, является ли это косвенным контролем со стороны работодателя.

В части 2 статьи 312.1 ТК РФ указано: «Трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору может предусматриваться выполнение работником трудовой функции дистанционно на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора) либо временно (непрерывно в течение определенного трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору срока, не превышающего шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте)».

Из данной статьи можно сделать вывод о том, что при комбинированном виде дистанционной работы условие о рабочем месте регламентирует то время, когда работник выполняет свои трудовые обязанности на территории работодателя. В основном, работодатель указывает рабочее место в виде адреса организации, либо филиала без дальнейшей детализации [4]. Если работодатель поручил работнику работу удаленно и не оформил такой перевод надлежащим образом, при отсутствии работника в офисе

это не будет считаться прогулом. Таким образом, уволить дистанционного работника в соответствии с положениями подпункта «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ довольно трудно.

Часть 1 статьи 312.8 ТК РФ содержит общие черты с подпунктом «а» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ. При этом расторгнуть трудовой договор с дистанционным работником можно только при наличии уважительной причины.

Оговорка об уважительности неоднозначно регулируется учеными, так как ее наличие создает некие неопределенности на практике. К. Н. Гусов и Ю. Н. Полетаев отмечали, что «на сегодняшний день уважительность причины оценивает работодатель, а при возникновении трудового спора — орган, рассматривающий его» [8, с. 92].

Судебная практика по применению части 1 статьи 312.8 ТК РФ еще формируется. При этом уже можно найти дела, в которых суд и работодатель по-разному трактуют уважительность причины. Например, суд может посчитать в качестве уважительной причины для невыхода на связь дистанционного работника такое основание, как обеспечение работника необходимым оборудованием [6].

Л. С. Заржицкая указывает, что «объем понятия «уважительная причина» является неограниченным, поскольку законодатель не может предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций, которые бы охватывались содержанием указанного термина» [9, с. 32].

В данном случае для единообразия судебной практики необходимо разработать универсальную норму, которая сможет оценить уважительность причины. При этом в каждом конкретном случае суду необходимо индивидуально разрешать каждый спор.

Особое внимание нужно уделить порядку увольнения по части 1 статьи 312.8 ТК РФ. При этом четкое законодательное регулирование процедуры увольнения на сегодняшний день отсутствует. В статье лишь подразумевается, что у работника должна отсутствовать уважительная причина, если он не выходит на связь. Безусловно, работодателю придется выяснить причину отсутствия. Однако суды признают увольнение по части 1 статьи 312.8 ТК РФ незаконным в тех случаях, если порядок применения мер дисциплинарного взыскания статьи 192–193 ТК РФ не были соблюдены должным образом.

Особое внимание нужно уделить критериям дисциплинарного проступка. Это нужно, чтобы дать оценку законности позиции судов по данному вопросу (часть 1 статьи 192 ТК РФ). Изучение данной нормы наталкивает на то, что квалифицировать то или иное деяние работника в качестве дисциплинарного проступка помогают следующие юридические факты: ненадлежащее исполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей, наличие вины.

Судебная практика дополнительно разъясняет содержание части 1 статьи 192 ТК РФ. Так, по мнению суда, по смыслу определения, предусмотренного частью 1 статьи 192 ТК РФ, под неисполнением работником без уважи-

тельных причин трудовых обязанностей понимается нарушение требований законодательства, обязательств по трудовому договору, правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций, положений, приказов работодателя, технических правил и т. п. [2].

Из вышесказанного следует, что положения, указанные в части 1 статьи 312.8 ТК РФ, можно квалифицировать как дисциплинарный проступок, потому что они соответствуют обстоятельствам части 1 статьи 192 ТК РФ. Итак, если работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд, то его можно уволить.

При этом важно обратить внимание на то, что не все суды считают увольнение по части 1 статьи 312.8 ТК РФ дисциплинарным взысканием [5]. Итак, можно сделать вывод, что в настоящее время проверка соблюдения порядка применения мер дисциплинарного взыскания, указанного в статье 192–193 ТК РФ, проводится в зависимости от мнения конкретного суда.

В данном случае необходимо привести судебную практику к единообразию, прямо указав в законе, что увольнение в соответствии с частью 1 статьи 312.8 ТК РФ относится к дисциплинарному взысканию.

Также стоит указать на то, что существуют и практические аспекты привлечения дистанционного работника к дисциплинарной ответственности.

К примеру, А. Сорокин подчеркивает, что «для правомерности наложения дисциплинарного взыскания на работника работодателю необходимо ознакомить его с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника, коллективным договором» [11, с. 56]. Обычно работодатели передают эти документы по электронной почте. Электронная подпись работника служит юридическим фактом, который подтверждает ознакомление с документами. При этом довольно противоречивым положением является то, что работодатель не может обязать работника предоставлять электронную подпись. В данном случае необходимо в главу 49.1 ТК РФ включить норму, обязывающую работника предоставлять работодателю электронную подпись по запросу работодателя.

Особый интерес некоторые исследователи уделяют процессу взаимодействия дистанционного работника с работодателем. Часть 1 статьи 312.8 ТК РФ не уточняет, как именно работодатель должен направить запрос работнику.

Суды указали, что «в соответствии с частью 1 статьи 312.1 ТК РФ, дистанционная работа предполагает электронный порядок взаимодействия работника с работодателем. Следовательно, если работодатель отправит запрос не по электронной почте, а, например, курьером, то это не будет считаться тем запросом, который имеется в виду в части 1 статьи 312.8 ТК РФ» [3].

М. М. Панарина указывает, что «в качестве одного из признаков дистанционной работы использование информационно-компьютерных технологий на всех стадиях трудовой деятельности» [10]. Это положение регламентируется частью 1 статьи 312.1 ТК РФ, в соответствии с которой трудовая функция дистанционных работников осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Общение между дистанционным работником и работодателем не по рабочим вопросам в ТК РФ не урегулировано в полной мере. Кроме того, сохраняется неопределенность в вопросе о том, могут ли работодатели отправлять запросы дистанционным работникам в ночное время, выходные и праздничные дни. Это очень сильно нарушает баланс между работой и личной жизнью.

В этой связи представляется целесообразным внести изменения в часть 1 статьи 312.8 ТК РФ. Необходимо выделить конкретные критерии правомерности такого запроса.

Анализ положений новой нормы части 1 статьи 312.8 ТК РФ позволяет сделать вывод о том, что судебная практика еще не сложилась. Судебные споры возникают из-за пробелов в законодательстве. Работодатель, что может показаться не совсем очевидным, находится в невыгодном положении в отношениях с работниками. Это объясняется тем, что работник, по общему правилу, считается незащищенной стороной в отношениях с работодателем. В связи с этим работодатель находится в невыгодном положении. Это подчеркивает необходимость дальнейшего уточнения и совершенствования трудового законодательства.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ: (ред. от 06.04.2024 г.) // Рос. газ. – 2001. – № 256.
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2020 г. по делу № 88–25260/2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.
3. Апелляционное определение Тверского областного суда от 28.07.2022 г. по делу № 33–2673/2022 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.
4. Решение Печорского городского суда (Республика Коми) от 18.11.2020 г. по делу № 2–456/2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.
5. Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 02.11.2022 г. по делу № 2–3370/22 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.

6. Решение Заводского районного суда г. Саратова от 15.11.2022 г. по делу № 2–3213/2022 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Документ опубликован не был.
7. Василенко Ю. Е. Особенности увольнения дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 Трудового кодекса РФ / Ю. Е. Василенко // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 4. – С. 27–31.
8. Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н. Ответственность по российскому трудовому праву / К. Н. Гусов, Ю. Н. Полетаев. – Москва: Проспект, 2008. – 267 с.
9. Заржицкая Л. С. Уважительные причины: трактовка понятия в трудовом праве / Л. С. Заржицкая // Мировой судья. – 2019. – № 9. – С. 31–34.
10. Панарина М. М. Актуальные вопросы дистанционной правовой работы юриста: перспективы развития правового фриланса в современных условиях / М. М. Панарина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. – 2019. – № 4. – С. 123–134.
11. Сорокин А. Дистанционные работники: анализ споров по дисциплине / А. Сорокин // Трудовое право. – 2015. – № 11. – С. 51–58.

Техническая документация как один из необходимых элементов предмета договора строительного подряда

Дмитрова Наталья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Попович Марина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Предметом договора строительного подряда является результат деятельности подрядчика, имеющий конкретную о вещественную форму. Это может быть объект нового строительства, в том числе построенный «под ключ»; техническое перевооружение и реконструкция действующего предприятия; ремонт энергетического, технологического и другого специального оборудования; выполнение пусконаладочных и иных неразрывно связанных со строящимся объектом работ, капитальный ремонт сооружения или здания. Договор может охватывать как часть работ, так и весь комплекс работ по объекту. В случаях, предусмотренных договором, подрядчик может принять на себя обязанность не только обеспечить его эксплуатацию в течение указанного в договоре срока, но и сдать построенный им объект в эксплуатацию.

В силу того, что по договору строительного подряда подрядчик обязан выполнить значительный объем строительных работ, параметры которых определяются технической документацией, законодательство уделяет особое внимание регулированию взаимоотношений сторон в процессе подготовки, изменения и уточнения данной документации [1].

Техническая документация — это набор документов, которые используются при проектировании, изготовлении и использовании объектов техники: зданий, сооружений, промышленных изделий, программного и аппаратного обеспечения [2].

Вопрос подготовки технической документации возникает в двух случаях:

— если при заключении договора строительного подряда имелось только технико-экономическое обосно-

вание строительства, на основании которого должна быть разработана проектная документация.

— если технический проект строительства требует уточнения в рабочей документации (двухстадийное проектирование) [1].

В обоих случаях в договоре должны быть четко определены состав, содержание и объем технической документации, а также установлен порядок, сроки и ответственность сторон за предоставление соответствующих документов (п. 2 ст. 743 Гражданского Кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ)).

Несмотря на то, кто готовит техническую документацию, а также смету, оба документа необходимо обязательно согласовать сторонам, так как в последующем они остаются неизменными до завершения строительства. Подрядчику необходимо выполнить строительство и связанные работы в соответствии с технической документацией, которая определяет содержание работ, объем и другие требования. Имеется ввиду, что техническая документация охватывает всю совокупность задач по строительству, а в согласованной смете учтенные затраты на необходимые работы [1].

Однако отсутствие утвержденной технической документации не является безусловным основанием для признания договора незаключенным. Если заказчик ознакомлен с типовым проектом объекта, то можно считать, что предмет договора сторонами согласован (п. 5 Обзора практики разрешения споров по договору строительного подряда (Приложение к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51) [4]);

Данное положение Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики

разрешения споров по договору строительного подряда» получило подтверждение в решении Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 05 марта 2024 г. по делу № 2–373/2024 [5].

Сдача результата работ лицом, выполнившим их в отсутствие договора подряда, и его принятие лицом, для которого эти работы выполнены, означает заключение сторонами соглашения. Обязательства из такого соглашения равнозначны обязательствам из исполненного подрядчиком договора подряда. В этом случае между сторонами уже после выполнения работ возникают обязательства по оплате их результата и гарантии их качества, так же как и тогда, когда между сторонами изначально был заключен договор подряда.

Из разъяснений, содержащихся в пункте 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 января 2000 года № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», пункте 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными», правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2011 года № 1302/11, следует, что отсутствие самостоятельного договора подряда на выполнение строительно-монтажных работ, заключенного в требуемой законом форме, не освобождает заказчика от оплаты фактически выполненных подрядчиком и принятых заказчиком работ, имеющих для последнего потребительскую ценность.

Также в ходе строительства часто выявляются неуказанные в технической документации работы, в связи с чем появляется необходимость проведения дополнительных работ, а значит и увеличение сметной стоимости.

В случае выявления необходимости проведения дополнительных работ, отсутствующих в технической документации, подрядчику необходимо информировать заказчика, последний же должен выразить свое согласие на производство работ и увеличение сметы. Если заказчик не ответит на сообщение подрядчика, то подрядчику необходимо приостановить соответствующие работы с отнесением убытков на счет заказчика в связи с простоем. Подрядчик, в случае не выполнения данной обязанности или не сообщивший заказчику о выявлении неучтенных работ, но выполнивший их, не может требовать от заказчика оплаты выполненных работ и возмещения убытков. В случае доказательства, что приостановление работ могло привести к гибели или повреждению объекта строительства, заказчик не может отказать от оплаты выполненных работ [1].

Если же заказчик докажет отсутствие необходимости в выполнении дополнительных работ, то ему предоставляется возможность освободиться от возмещения убытков, связанных с простоем подрядчика в связи с приостановлением работ (п.3. ст. 743 ГК РФ) [3].

Как показывает практика преобладающими в судебной практике споры, считаются споры, связанные с невыполнением работ, указанных в договоре строительного подряда и взыскании понесенных расходов.

Так, Арбитражным судом Ростовской области от 4 декабря 2023 г. по делу № А53–26323/2023 [6] рассмотрено гражданское дело, в котором ООО «Дузт» обратилось с иском к АО «Клевер» о взыскании стоимости выполненных работ по договору подряда.

Как пояснил представитель истца, в ходе выполнения работ по договору был выявлен ряд работ и материалов, требуемых для устройства кровли, необходимость данных работ прочно связана с последующим устройством кровли, однако в технической документации данные работы не были учтены.

Представитель ответчика возражал против заявленных требований, указал на то, что объем фактически выполненных истцом работ не соответствует условиям договора. Выполненные дополнительные работы не имеют целесообразности для ответчика. Дополнительное соглашение, которым бы стороны установили объем, вид и стоимость дополнительных работ сторонами не заключалось.

Судом в удовлетворении иска отказано, в связи с тем, что заказчиком не было дано согласие на оплату спорных работ, а доказательств необходимости проведения таких работ немедленно в интересах заказчика, в частности в связи с тем, что приостановление работ могло привести к гибели или повреждению объекта строительства, ответчиком не представлено.

Из постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 октября 2023 г. № Ф04–5330/23 по делу № А46–10700/2022 [7] следует, что при исполнении договора подряда подрядчику потребовалось выполнить дополнительные работы. Это стало необходимо после того, как при демонтаже асфальтобетонного покрытия было обнаружено отсутствие щебеночного основания. О необходимости дополнительного объема работ стало известно только после вскрытия асфальтного покрытия, то есть после начала ремонта.

Подрядчик обратился к заказчику с просьбой согласовать основание для будущего здания. Он также запросил технические решения для дополнительных работ и материалы, такие как гранулят и щебень, чтобы заложить прочный фундамент. Заказчиком была подтверждена необходимость работ и согласие использования асфальтобетонного гранулята в качестве основания для асфальтобетонного покрытия.

Объем дополнительных работ был проверен организацией и подписана исполнительная документация. Истцом было направлено ответчику официальное уведомление о принятии выполненных дополнительных работ. Однако подрядчику было отказано в оплате работ, что вызвало обоснованные претензии к соблюдению условий договора.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что требования о взыскании

стоимости дополнительных работ заявлены подрядчиком на основании согласованных действий сторон в рамках исполнения обязательств по договору; указанные работы являлись необходимыми для обеспечения годности результата работ и не могли быть выполнены иным лицом без увеличения стоимости.

Суд апелляционной и кассационной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, оснований для отмены решения суда не установил.

Арбитражным судом Ростовской области от 30 октября 2023 года по делу № А53-17415/2023 [8] рассмотрен иск, предъявленный ООО фирма «Монрем» к ПАО «Тольяттиазот» о взыскании задолженности по договору подряда. Иск касается дополнительных работ, фактически выполненных подрядчиком, но не учтенных в приложении № 2 «Протокол договорной цены». Эти работы были выявлены в процессе демонтажа трубопровода и не были оплачены заказчиком.

Подрядчик предложил заключить дополнительное соглашение № 2, включающее в стоимость договора цену выполненных дополнительных работ. Заказчик отклонил данное предложение.

Суд постановил, что отказ заказчика от подписания дополнительного соглашения № 2, касающегося согласованных и фактически выполненных подрядчиком дополнительных работ, является необоснованным. Суд установил, что заказчик, предоставив подрядчику ведомость объемов и локальный сметный расчет дополнительных

работ, получил от подрядчика выполнение работ на согласованную сумму. Подрядчик выполнил работы надлежащего качества, и в материалах дела имеются доказательства направления заказчику дополнительного соглашения № 2, включающего стоимость фактически выполненных дополнительных работ в цену договора.

Решением суда требования истца удовлетворены, так как он доказал, что без выполнения указанных работ подрядчик не мог бы достичь результата, предусмотренного договором. Эти работы подлежат оплате заказчиком.

Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2024 г. № 15АП-19743/23 по делу № А53-17415/2023 [9] апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения, а решение суда без изменения.

Из анализа судебной практики следует, что при строительстве часто обнаруживаются неучтенные работы, что требует дополнительных затрат и увеличения сметной стоимости. Необходимость проведения дополнительных работ для предотвращения гибели или повреждения объекта строительства являются одной из многочисленных категорий требований в судах о взыскании задолженности по выполненным работам.

Наличие договора подряда и технической документации, являющейся его неотъемлемой частью, позволяющая квалифицировать спорные работы в качестве работ, выполнение которых носило экстренный характер, считаются одним из основных доказательств по спорам, вытекающим из договоров строительного подряда.

Литература:

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов (и др.); под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. И доп. — Москва: Проспект, 2021. — 880 с.
2. Техническая документация // Википедия. [2025]. Дата обновления: 05.01.2025. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=80204&oldid=142496261> (дата обращения: 18.05.2025).
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 18.05.2025).
4. Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда // Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 18.05.2025).
5. Решение Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 05 марта 2024 г. по делу № 2-373/2024 // Банк судебной практики/ Система ГАРАНТ // URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
6. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 4 декабря 2023 г. по делу № А53-26323/2023 // Банк судебной практики/ Система ГАРАНТ // URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 октября 2023 г. № Ф04-5330/23 по делу № А46-10700/2022 // Банк судебной практики/ Система ГАРАНТ // URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
8. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 30 октября 2023 года по делу № А53-17415/2023 // Банк судебной практики/ Система ГАРАНТ // URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
9. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2024 г. № 15АП-19743/23 по делу N А53-17415/2023 // Банк судебной практики/ Система ГАРАНТ // URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 18.05.2025).

Возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних в Китае

Доржиева Генима Баторовна, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассмотрены изменения в Уголовном кодексе Китая, снизившие минимальный возраст уголовной ответственности до 12 лет. Описаны критерии привлечения подростков к ответственности, особенности структуры возрастных границ и сложности толкования терминов «особо жестокие средства» и «отягчающие обстоятельства».

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, уголовное право Китая, возраст уголовной ответственности, ювенальное право.

Недавняя поправка к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики, которая вступила в силу в 2021 году, снизила минимальный возраст уголовной ответственности до 12 лет.

Крупная реформа по внесению поправок в УК КНР была принята Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей Китая и вступила в силу в марте 2021 года. В результате на данный момент в Китае действуют три уровня возраста уголовной ответственности: с 12 до 13 лет, с 14 до 15 и с 16 лет.

Согласно статье 17 УК КНР с 12 лет уголовная ответственность наступает в случае убийства или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью с применением особо жестоких средств, повлекшее смерть или инвалидность, при наличии особо серьезных обстоятельств, подтвержденных Верховной народной прокуратурой.

Лица, достигшие 14 лет, также могут быть привлечены, за 8 преступлений: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее серьезную травму или смерть, изнасилование, разбой, незаконный оборот наркотиков, поджог, взрыв и распространение опасных веществ. С 16 лет наступает полная уголовная ответственность [6].

Причиной установления нижней границы уголовной ответственности с 12 лет стала череда громких дел с участием подростков от 12–13 лет. Приводим некоторые примеры: трое детей в возрасте 11–13 лет убили свою учительницу в школе после того, как она поймала их на краже закусок; 12-летний мальчик зарезал свою мать в отместку за телесное наказание; 12-летний мальчик убил своего 7-летнего родственника деревянной доской, опасаясь наказания после несчастного случая; 12-летняя девочка отравила свою одноклассницу и сестру одноклассницы; 12-летний мальчик зарезал своего одноклассника после ссоры; 13-летняя девочка убила свою одноклассницу и расчленила тело, завидуя ее красоте, и другие случаи [4].

В соответствии с предыдущей редакцией УК КНР несовершеннолетние в приведенных выше примерах не могли нести уголовную ответственность. Так, согласно информации СМИ, некоторые из них понимали, что не могут быть осуждены, поэтому совершали преступления, не опасаясь последствий [1, 3].

Данные изменения усилили репрессивный характер УК в отношении несовершеннолетних. Однако Профессор юридического факультета Пекинского педагогического

университета и глава Китайского общества процессуального права Пэн Синьлинь пояснил, что данные изменения приняты не для общего снижения возраста уголовной ответственности, а представляют собой специальную процедуру снижения нижнего предела возраста уголовной ответственности на индивидуальной основе.

По мнению профессора Пэна, предусмотренная процедура предполагает специальные условия для возможного снижения нижней границы уголовной ответственности, которые включают четыре обязательных критерия:

- 1) характер преступления должен относиться к особо опасным видам деяний, результатом которых стала смерть потерпевшего либо тяжкий вред здоровью;
- 2) наступивший в результате жестоких способов нанесения вреда;
- 3) наличие отягчающих обстоятельств;
- 4) уголовное преследование должно быть санкционировано Верховной народной прокуратурой.

Также вызывает вопросы формулировка закона относительно «особо жестоких средств» и «отягчающих обстоятельств», требующая детальной интерпретации, так как с момента вступления уголовной нормы в силу, согласно «Белой книге о прокурорской работе в отношении несовершеннолетних» она не была применена ни разу [2]. По мнению профессора Пэн Синьлиня термин «особо жестокие средства» охватывает использование чрезмерно грубых методов причинения боли жертве, а понятие «отягчающие обстоятельства» включает совокупность негативных признаков, характеризующих личность преступника, социальную опасность содеянного и последствия преступления [5].

Несмотря на введение положений, устанавливающих особые правила для привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, базовая концепция китайской уголовной политики сохраняет принцип перевоспитания и восстановления, исключая возможность применения смертной казни и, как правило, не допускающую назначение пожизненного заключения для лиц младше 18 лет.

Иерархическая классификация возраста уголовной ответственности несовершеннолетних в китайском уголовном праве учитывает специфику физиологического и психоэмоционального созревания индивидов. Возраст 16 лет является разделяющим между полной и ограниченной уголовной ответственностью. Полноценная от-

ветственность предусмотрена для лиц старше 16 лет, обладающих достаточным уровнем умственного развития и способности осознавать последствия своих поступков, вследствие чего применяется общий режим уголовного законодательства.

Несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет назначается ответственность исключительно за конкретные виды тяжких преступлений, отражая принципы гуманистического отношения к детям. Например, кража, совершенная лицами указанного возраста, обычно не влечет уголовной ответственности. Однако за особо серьезные насильственные деяния, такие как убийство, возможна соответствующая мера наказания.

Привлечение к уголовной ответственности лиц до 14 лет возможно только за крайне опасные деяния, включая убийства и тяжелые телесные повреждения, и только после одобрения Верховной народной прокуратуры, что подчеркивает повышенную степень защиты интересов несовершеннолетних.

Китайская судебная практика при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних стремится установить равновесие между применением справедливого наказания и обеспечением необходимой защиты под-

ростков. Вместо простого учета индивидуальных характеристик преступления, судья обязан учитывать целый спектр факторов, включающий возраст обвиняемого, обстоятельство происшествия, физическое и психическое состояние подростка.

Различия в уголовной ответственности различных возрастных групп находят отражение и в назначаемом наказании. Законодательством установлено, что преступления, совершенные несовершеннолетними младше 18 лет, подлежат мягкому или облегченному наказанию [7].

Закрепленные в новом Уголовном кодексе КНР механизмы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности демонстрируют стремление обеспечить справедливый баланс между мерами пресечения и гуманитарными принципами. Хотя введены жесткие требования для привлечения подростков в возрасте 12–13 лет к уголовной ответственности, основной акцент сохраняется на мягкой форме наказания и восстановлении несовершеннолетних преступников, исключая смертную казнь и пожизненное заключение. Тем не менее, возникают сложности в применении термина «особо жестокие средства» и «отягчающие обстоятельства», что требует дальнейшей детализации и разъяснения.

Литература:

- 13-летний мальчик изнасиловал девочку и убил мать после того, как его отпустили под залог из-за несоответствия минимальному возрасту уголовной ответственности — URL: <http://news.sohu.com/20060325/n242463064.shtml> (дата обращения: 30.05.2025).
- Белая книга о прокурорской работе в отношении несовершеннолетних // Прокуратура КНР. URL: <https://www.spp.gov.cn> (дата обращения: 30.05.2025).
- Дело об изнасиловании и убийстве 10-летней девочки 13-летним мальчиком из Даляня. — URL: https://www.sohu.com/a/352000159_604521 (дата обращения: 30.05.2025).
- Aaron H. L. Wong. Can lowering the minimum age of criminal responsibility be justified? A critical review of China's recent amendment // *The Howard Journal of Crime and Justice*. — 2024. — С. 6–7. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/hojo.12543> (дата обращения: 30.05.2025).
- 姜慧奇. 未成年人犯罪后刑事责任承担方式分析 // 法制博览 [Цзян Хуэйци. Анализ способов привлечения к уголовной ответственности за правонарушения несовершеннолетних // Юридический обзор]. 2025. — № 11. — С. 46–48.
- 最新中国刑法全文(2025最新版本)// 中华人民共和国刑法 - 刑法网(XingFa.ORG) [Полный текст Уголовного кодекса КНР (Версия на 2025 год) // Уголовное право Китайской Народной Республики]. — URL: <http://xingfa.org> (дата обращения: 30.05.2025).
- 杨厚瑞. 刑事责任年龄制度应对未成年人犯罪低龄化的困境与对策 // 21世纪经济报道 [Ян Хоужуй. Дилемма и контрмеры системы возраста уголовной ответственности в отношении правонарушений несовершеннолетних в раннем возрасте // Вестник бизнеса 21 века]. — 2024. — С. 71–76.

Особенности очередности удовлетворения требований залоговых кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)

Егоров Владимир Александрович, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье автор исследует очередность удовлетворения требований залоговых кредиторов в делах о банкротстве. Удовлетворение требований залогового кредитора с приоритетом над иными кредиторами третьей очереди. Изуча-

ется наличие признаков «привилегированных кредиторов» в положении залоговых кредиторов, возможность отнесения их к таковым.

Ключевые слова: залоговые кредиторы, несостоятельность, банкротство, очередность требований, текущие платежи.

Очередность удовлетворения требований кредиторов установлена в статье 134 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, где регулируются текущие платежи, то есть исключая те, которые возникли до даты возбуждения дела о банкротстве.

Помимо этого, имеются также очереди в реестре требований кредиторов, и не стоит забывать, что в делах о банкротстве граждан также имеются установленная очередность, которая регулируется статьей 213.27, однако общие положения все еще неизменны, и текущие платежи также удовлетворяются преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о признании должника банкротом.

В любом деле о банкротстве требования кредиторов по текущим платежам, относящиеся к одной очереди, удовлетворяются в порядке календарной очередности. Также неизменной является и очередь реестровых требований кредиторов, к которой принадлежит требование кредитора, обеспеченного залогом, то есть оно удовлетворяется преимущественно перед иными кредиторами третьей очереди.

Некоторые ученые используют термин, который существовал в части 8 пункта 2 статьи 30 Закона о банкротстве 1992 г. И называют 1 и 2 очереди «привилегированными», что может быть объяснено их преимущественным возмещением перед другими, и хотя в современном законе «о несостоятельности (банкротстве)» от этого неточного термина отошли, тем не менее само положение кредиторов первой и второй очередях в значительной степени лучшее, чем у кредиторов других очередей.

Логично, что из-за неточности данного термина возникают определённые разногласия, например, некоторыми учеными помимо кредиторов 1-й и 2-й очереди, к числу «привилегированных кредиторов» относят кредиторов по текущим платежам, так как их задолженности погашаются до реестровых задолженностей.

Необычность положения залоговых кредиторов также обосновывает наличие мнения, которое относит их к числу «привилегированных кредиторов» так как они погашаются до требований кредиторов третьей очереди, не обеспеченных залогом.

Однако, если взять в учет не только очередность погашения своевременно подавших кредиторов заявления о включении требования в реестр требований кредиторов должника, то можно понять, что многие «привилегированные кредиторы» заявившие свои требования с пропуском срока на включение в реестр, удовлетворяются после погашения реестровой задолженности, что не распространяется на «привилегированных кредиторов»,

в отношении которых Законом установлено специальное правило об удовлетворении таких требований в составе заявленной очереди, и тогда единственным верным мнением будет, что «привилегированные кредиторы» это кредиторы первой и второй очередей

Единственная опция, при которой «привилегированные кредиторы» не смогут получить удовлетворение своих требований в порядке своей очереди это случаи предъявления требования после завершения расчетов со всеми кредиторами.

Подобное не распространяется на залоговых кредиторов, поэтому позитивным для иных не залоговых кредиторов будет являться пропуск срока залоговым кредитором, так как в подобном случае он не имеет специальных прав, предоставляемых залогодержателям Законом о банкротстве, следовательно, он теряет свое право определять порядок и условия продажи заложенного имущества в конкурсном производстве, а ведь именно это и отличало положение залогового кредитора от иных кредиторов, чьи требования не обеспечены залогом.

Во многом задача очередности удовлетворения требований кредиторов — это преодоление конфликта интересов кредиторов. И в данном случае залоговые кредиторы все еще занимают своеобразное положение, так как если смотреть на них с точки зрения Е. Д. Суворова: «В последнем деле также разбирался вопрос о том, может ли исполнение быть признано совершенным преимущественно перед другими кредиторами, если на момент его совершения не было просроченных обязательств перед другими кредиторами, а средств для погашения созревших обязательств было достаточно... Именно при таком понимании достигается обеспечение главного принципа банкротного права — принципа равенства кредиторов, выражающегося в пропорциональном удовлетворении их требований в рамках предусмотренных очередей».. [1]

Логично, что подобное удовлетворение является неравным по отношению к другим кредиторам, без залогового имущества, которые находятся в третьей очереди, так как собственная очередность удовлетворения требований позволяет получить выгоду с преимуществом перед другими, хотя официально залоговые кредиторы также являются кредиторами третьей очереди, и даже более того, в случае недостаточности средств после продажи с торгов залогового имущества, они также включаются в кредиторов третьей очереди, однако без преимуществ залогового кредитора, так как залоговые обязательства уже закончились.

Таким образом, залоговые кредиторы находятся в третьей очереди, однако очередность удовлетворения

их требований демонстрирует нам черты уже в некоторой степени устаревшего термина ««привилегированных кредиторов», так как требования залоговых кредиторов воз-

мещаются особым образом до иных требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

Литература:

1. Суворов Е. Д., Банкротство в практике нового Верховного Суда Российской Федерации за первый год работы (2014–2015) // Статут. 2016. С. 368

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 22 (573) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.06.2025. Дата выхода в свет: 18.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.